

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Кочуков С.А.** Мнимая или реальная необходимость войны с Османской империей в 1877–1878 годах? (по материалам источников личного происхождения) 3
- Михель Д.В.** Становление медицинской микробиологии в России и проблема холеры (1885–1910 годы) 7
- Варфоломеев Ю.В.** «Хартия вольностей Департамента полиции...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) 16
- Тюрин В.И.** Станет ли послекризисная Россия другой? 24

Всеобщая история

- Дементьева В.В.** Историческая память римлян как объект изучения современного антиковедения (новые работы о *pompa funebris* и *imagines maiorum*) 36
- Зими́на Н.Г.** Типы и модели биографических личностей 44
- Зими́на Н.Г.** Американские миссионеры в Османской империи (XIX – начало XX века) 48
- Галямичев А.Н.** Образ Яна Гуса в творчестве Тараса Шевченко 51
- Королева О.В.** Праздники и будни «Великого Могола» глазами первых английских путешественников (конец XVI – первая треть XVII века) 54

История регионов

- Морозов А.Г.** Дошкольные учебно-воспитательные учреждения Казанского учебного округа в начале XX века 60
- Чолахян В.А.** Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920–1930-х годах 64
- Рабинович Я.Н.** Личности Смутного времени: Андрей Федорович Палицын 73
- Яковлев С.А.** Электрификация сельскохозяйственного производства Поволжья во второй половине XX века 83
- Гуменюк А.А.** Человек и реформы в СССР в 1953–1985 годы (по материалам Саратовской области) 92
- Захарова И.Е.** Из круга чтения провинциального духовенства начала XIX века 102

Приложения

- Хроника** 107

Сведения об авторах

110

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Белов Владимир Николаевич
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Данилов Виктор Николаевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Зимняков Дмитрий Александрович
Кабанин Вячеслав Кузьмич
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Герман Аркадий Адольфович
Чернова Лариса Николаевна

Ответственный секретарь

Великая Татьяна Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
Девятайкина Нина Ивановна
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Монахов Сергей Юрьевич
Мосолкина Татьяна Валентиновна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подписанные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Митенёва Елена Анатольевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Агальцова Людмила Владимировна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 01.12.09.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,02 (14).

Уч.-изд. л. 13,7.

Тираж 500 экз. Заказ 111.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2009

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Kochukov S.A. Imaginary or Real Necessity of War with Ottoman Empire per 1877–1878? (on materials of sources of a personal origin) 3

Mikhel D.V. The Formation of Medical Microbiology in Russia and the Problem of Cholera, 1885–1910 8

Varfolomeev Yu.V. «A Charter of Liberties of Department of Police ... » (Police provocation on materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government) 16

Tyurin V.I. Is Russia Going to be Different after Crisis? 24

World History

Dementyeva V.V. Historical Memory of Romans as an Object of Modern Studies of Antiquity (new papers on *pompa funebris* and *imagines maiorum*) 36

Zimina N.G. Types and Models of Biographical Personalities 44

Zimina N.G. American Missionaries in the Osmanic Empire in the XIX Century and Beginning of XX Century 48

Galyamichev A.N. The Image of John Hus in Creation of Taras Shevchenko 51

Koroleva O.V. Holidays and Everyday Life of «the Great Mogul» through the Eyes of the First English Travellers (late XVI – early XVII Centuries) 54

History of Regions

Morozov A.G. Preschool Educational Institutions in Kazan Educational Division in the Beginning of the 20th Century 60

Cholakhyan V.A. Living Conditions and Comfort of Cities of the Bottom Volga Region in 1920–1930 Years 64

Rabinovich Y.N. The Personalities of the Time of Troubles: Andrey Fyodorovich Palitsin 73

Yakovlev S.A. Electrification of Agricultural Industry of the Volga Region in the Second Part of XX Century 83

Gumenyuk A.A. Person and Reforms in the USSR in 1953–1985 (by Date of the Saratov Region) 92

Zaharova I.E. From the Circle of Reading Provincial Clergy of the Beginning of a XIX-th century 102

Appendices

Chronicle 107

Information about the Authors 111

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК [9:355.48] (470–98) «1877/1878»

МНИМАЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ВОЙНЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В 1877–1878 ГОДАХ? (по материалам источников личного происхождения)

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории российской цивилизации
E-mail: kochukovsa@mail.ru

Статья посвящена разбору различных точек зрения на необходимость войны с Турцией, а также критические оценки русской армии и готовность России к боевым действиям. Автор рассматривает позиции различных представителей русского общества – историков Д.И. Иловайского и М.П. Драгоманова, а также представителя высшего света князя В.П. Мещерского. **Ключевые слова:** Русско-турецкая война 1877–1878 гг., русское общество, восточный вопрос, армия.

S.A. Kochukov

Imaginary or Real Necessity of War with Ottoman Empire per 1877–1878? (on materials of sources of a personal origin)

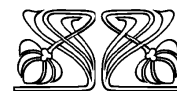
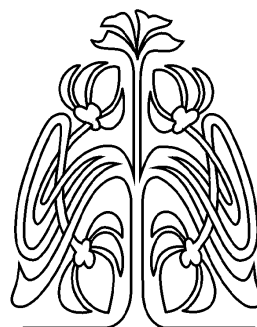
Clause is devoted to analysis of the various points of view on necessity of war with Turkey, and also critical estimations of Russian army and readiness of Russia for operations. The author considers positions of various representatives of Russian society – historians D.I. Ilovajskogo, M.P. Dragomanova; the representative of high society of prince V.P. Meshcherskogo.

Key words: Russian-Turkish war 1877–1878, russian society, vostochnyi question, army.

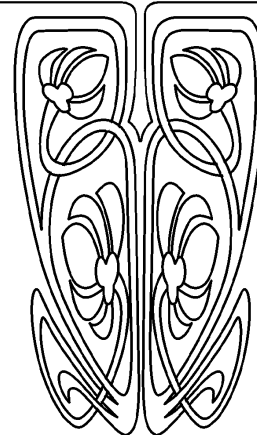
Балканский кризис 70-х гг. XIX в. имел огромное историческое значение. Распространение национально-освободительного движения славян на юге Европы остро поставило перед великими державами и Османской Портой вопрос о дальнейшей перспективе народов Балканского полуострова. После столь неудачной для России Крымской войны 1853–1856 гг. она решительно добивалась усиления своего влияния на Балканах.

Логическим завершением кризиса стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг., в которой Россия разрешила многовековую проблему порабощения южнославянских народов.

Русское общество и правящие круги Российской империи были фактически едины в вопросе поддержки борьбы балканских народов за политическую независимость. И дело было не только в филантропических соображениях. Огромное значение при решении балканского вопроса играло желание усилить русские позиции на юге Европейского континента. Видный русский общественный деятель Д.Ф. Тютчев писал: «...Печать по отношению к славянскому вопросу представляет редкое у нас единодушие, относиться к делу живо, чутко и горячо, и общественное мнение сильно возбуждено. Мало того, с самого начала герцеговинское восстание и до сих пор единственно русскому обществу обязано славянское дело нравственною и материальною поддержкою, единственно ему, а не русской дипломатии, обязана Россия сохранением своей чести и своего обаяния среди славян (хотя последнее в значительной степени упало). Инициатива помощи принадлежит обществу, т.е. Славянскому комитету...»¹. Таким образом, русское общественное мнение было настроено на проведение более жесткого курса в отношении Турции.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье «Юбилей народной войны»² высказывалась мысль, что из всех войн, какие вела Россия, четыре войны по преимуществу определили ее историческое бытие. Первая война была земская в 1612 г.; вторая – исторически неизбежная, императорская, Северная 1700–1721 гг.; третья – Отечественная в 1812 г.; четвертая – народная, объявленная Россией Турции. Но если в первых трех войнах Россия отстаивала политическую независимость, то четвертая война, по мнению публициста И.В. Преображенского, «это попытка решить составляющий нашу историческую будущность Восточный вопрос»³.

Но, несмотря на общее единство в вопросе помощи балканским народам в борьбе с турецким игмом, в русском обществе существовали различные точки зрения на проведение самого процесса освобождения братьев-славян. Одним из первых, кто обратился в 70-х гг. XIX в. к проблеме будущей войны, был историк Дмитрий Иванович Иловайский, который был известен в дореволюционной России в первую очередь как автор многотиражных учебников по отечественной и зарубежной истории⁴. Научные труды Дмитрия Ивановича⁵ были встречены специалистами, можно сказать, в штыки. Русское прогрессивное общество конца XIX – начала XX в. уже не воспринимало великодержавные идеи как во второй четверти XIX в., что же касается историков советского периода, то труды Иловайского были отнесены к категории яро монархических, к «исклнительному русскому национализму»⁶.

Однако, помимо фундаментальных исторических трудов по Древней Руси, Иловайского интересовали события, современником которых он являлся. В частности, он обращался к теме национально-освободительного движения в Польше и Белоруссии. К событиям на Балканах он, безусловно, не мог оказаться безучастным. Считается, что Иловайский впервые обратился к проблеме Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах «Русской Старины», где были опубликованы его воспоминания с описанием поездки под Плевну⁷. Но впервые Дмитрий Иванович затронул южно-европейский кризис на страницах газеты «Русский мир»⁸. По всей видимости, на решение Иловайского взяться за перо подтолкнули апрельские события 1876 г. в Болгарии и июльские – в Сербии и Черногории. Рассматривая очередной балканский кризис, Дмитрий Иванович стоял на позиции усиления русского влияния в данном регионе и пытался обосновать мессианскую роль России по отношению к братьям по вере⁹.

Дмитрий Иванович Иловайский в своих достаточно определенных высказываниях был далеко не одинок. С древнейших времен между русским и болгарским народами существовали глубокие и многообразные связи. В период всего многовекового пребывания под османским владычеством болгары не теряли надежды на

помощь со стороны Российской империи, что особенно показательно в русско-турецких войнах 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг. Тем не менее, военные действия против Османской империи так и не смогли разрешить балканский вопрос. Причины этого кроются, во-первых, в поражении России в период Крымской войны, а во-вторых, в недостаточно твердой и последовательной политике самой Российской империи по отношению к национально-освободительному движению на Балканском полуострове. Само известие о готовившихся боевых действиях и начало войны были восприняты в русском обществе в основном доброжелательно¹⁰. Споры возникли лишь в той части, где требовалось определить задачи Российской империи. По сути, здесь можно выделить три точки зрения.

Сторонники первой позиции были более идеологически сплоченными, а главное, те догмы, которые они отстаивали, были понятны буквально всем слоям русского общества. Определить эту точку зрения можно так – предстоящая русско-турецкая война – это «борьба за идею». По сути, авторами этой позиции являлся своеобразный дуэт Мещерского и Иловайского. В своей работе «Правда о Сербии» В.П. Мещерский неоднократно утверждал, что война с Турцией: «...Божьей милостью война за идею»¹¹. Диаметрально противоположные утверждения Мещерский категорически не воспринимал: «Людьми, сомневающимися в том, что движение умов в пользу славян истинно народное, я бы посоветовал прочитать хотя бы частицу писем, получаемых И.С. Аксаковым как председателем Славянского комитета из разных концов и от разных лиц России. Именно в Москве, средоточии русской жизни, возможно, это сочувствие в том виде, а каком оно проявляется»¹². В доказательство своему утверждению, что он не одинок, Владимир Петрович приводил значительное число высказываний представителей русского общества о предстоящей войне¹³.

Не стоит также забывать о влиянии русской прессы. Газета «Одесский листок» в апреле 1876 г. сообщала на своих страницах, что в Пловдинском округе убито около 2 тыс. человек и что «избиение христиан продолжается»¹⁴. Однако русская пресса не только «нагнетала истерию», как это может показаться на первый взгляд, но и требовала от российского правительства активного вмешательства в балканские дела. Петербургские газеты «Голос», «Иллюстрированный вестник», «Колос» публиковали специальные материалы о зверствах турок в отношении «братьев-болгар». «Кому не известны эти невиданные зверства, – писала газета «Голос», – которым подвергается болгарское население? Беспощадно истреблено шестьдесят тысяч беззащитных жителей, много женщин и девушек изнасиловано, имущество хозяев разграблено, а священники и сельские учителя закованы в кандалы и подвергаются истязаниям.... Если Россия проявит равнодушие, то она рискует поте-

рять симпатии и доверие славян»¹⁵. Влиятельный литературный журнал «Отечественные записки» писал, что «на долю русского народа выпала историческая миссия – любой ценой добиться свободы славян в Турции...»¹⁶.

Вторая точка зрения в основном была распространена среди офицеров. С одной стороны, это может показаться странным, ведь военные всегда были сторонниками решения проблем радикальными способами. В частности, кн. Мещерский отмечал: «Здесь офицеры такого-то полка пишут совокупно: “Нас много, желающих сражаться за освобождение славян; авось будет война; а пока скажите, Бога ради, можем ли мы ехать в Сербию на средства Славянского комитета и что нужно предпринять? Не ехать как-то стыдно”»¹⁷. Однако не нужно забывать с какой точки зрения рассматривал войну князь Владимир Петрович. В основной же своей массе российское офицерство стояло на несколько других позициях, нежели издатель-редактор «Гражданина» и внук Н.М. Карамзина. В многочисленной мемуарной литературе, посвященной Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., авторами которых являлись офицеры – участники балканских событий, неоднократно отмечалось: война – это не пикник¹⁸. Кроме того, российским офицерством предстоящие бои воспринимались еще и как смена обстановки¹⁹. Дело в том, что российский офицерский корпус переживал не лучшие времена, постоянно находясь в кризисном состоянии. Кризисное состояние ярко проявилось уже в ходе Крымской войны, а последующие затем реформы гр. Д.А. Милютина должны были реанимировать вооруженные силы и офицерство. Однако мероприятия главы военного ведомства не могли положительно себя проявить в кратчайшее время, что и обнаружилось в Русско-турецкую войну 1877–1887 гг. С одной стороны, политическая подготовка боевых действий была неудовлетворительной, силы турецкой армии недостаточно известны, а с другой – некачественная подготовка и шапкозакладательские настроения среди основной массы офицеров и солдат.

Видимо, историк Иловайский в определенной степени был знаком с положением армейских дел, особенно после неудачной Крымской войны. Несмотря на глубокое убеждение о необходимости решения России своей исторической миссии, Дмитрий Иванович неоднократно заявлял: «Никогда мы не говорили о легкости предстоявшей нам борьбы... Напоминаем о том возможным еще в нашем обществе благодушным людям, которые на освобождение славян смотрят как на военную прогулку за Дунай. Нет, мы имеем дело с врагом многочисленным, а главное ловким и ехидным»²⁰.

Имелись и более критичные замечания, причем не только относительно состояния в русской армии, но и в стране вообще. Е.И. Мартынов в своей работе «Мировоззрение народа и дух армии» отмечал: «Современное состояние русского

государства весьма печально. Огромная страна, с плодороднейшей в мире почвой, доведена до того, что не в силах прокормить своего населения, которое периодически голодает и вырождается; национальные богатства переходят в руки иностранцев; во всех сферах управления процветает казнокрадство, сводящее на нет даже полезные реформы; около 4/5 населения остается безграмотным; средние и высшие учебные заведения дошли до полного развала; армия – главный предмет забот правительства, оказалась в неудовлетворительном состоянии, флота не существует; во внешней политике бездарная дипломатия ведет государство от одного позора к другому»²¹. В результате автор приходит к неутешительному выводу, что новая война приведет Российскую империю к финансовому, а затем политическому краху.

Наконец, третья точка зрения, сторонников которой было не особенно много. К таким можно причислить К.И. Воронича, который в своих воспоминаниях попытался доказать, что война на Балканах идет не по идеологическим или каким-либо другим причинам. Он также отметил призывы Иловайского, Мещерского и других к выполнению Россией своей исторической миссии и спасению несчастных братьев-славян. Рассматривая боевые действия через призму личности, мемуарист доказывал, что война ведется и будет вестись только из-за корыстных целей. Причем эти цели, по его мнению, одинаково характеризовали стран-участниц военной кампании и персоналий этой войны. Поражает описание самого состава добровольцев, желавших принять участие в боях: «... партия людей, набранных где попало: здесь были отставные старые офицеры, бывшие мастеровые, разные старые нижние чины – герои пятидесятых годов, юнкера, тоже отставные, статские с длинными волосами, в очках, костюмах неопределенного цвета от старости и медико-хирургические студенты, наиболее выделяющиеся своим видом»²². Именно такие фигуры, по мнению Воронича, и чернили образ войны²³.

Несколько особняком в вопросе о необходимости войны стоит фигура историка, публициста и общественного деятеля Михаила Петровича Драгоманова. Известный, в первую очередь как исследователь юго-западного края и русско-польских отношений, Драгоманов в 1876 г., в период нагнетания балканского кризиса, обращается к проблеме угнетения южных славян Турцией. Его перу принадлежат несколько критических работ, где разбирались причины неудач и сама подготовленность русских войск к боевым действиям²⁴. Михаил Петрович разделил русских военнослужащих на следующие категории.

1. Искренно и сознательно шедшие послужить делу народной свободы.

2. Крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли, чтобы пострадать «за веру православную» и «честный крест».

3. Русские офицеры, некоторые говорили прямо: «мне все равно», «некуда деваться», генералы, да агенты славянских комитетов²⁵.

Именно последние, по мнению Драгоманова, испортили дело апрельского восстания 1876 г. и безусловно погубят дело в предстоящей военной кампании. Одной из причин изменения сознания будущих освободителей Драгоманов видел политику сербского правительства, которое на радостях, что их в скором времени освободят, отказались от всякой власти за русскими добровольцами. В результате «наши несчастные освободители братьев от турецкого ига попали именно под иго бурбонского элемента, ничем уже не сдерживаемого и вдобавок прошедшего школу совсем уже бесконтрольного насилия на Кавказе, в Польше, во внутренней Азии»²⁶.

Но наиболее заслуживает внимания идея Драгоманова о целесообразности освобождать южных славян вообще. Исследователь проводит интересную параллель, сравнивая жизнь русского и балканских народов. Да, безусловно, в Турции господствует насилие и жесточайший режим по отношению к славянам, но «зато в Турции есть воля хоть переходить из одной гяурской секты (имеется в виду сословия. – С.К.) в другую»²⁷. Наконец, неграмотность населения – «...даже г. Катков насчитал не очень давно в Турции больше народных школ, чем в России, кроме того, розничная продажа газет в Константинополе вольнее, чем в Петербурге»²⁸. В конце своих измышлений Драгоманов приходит в результате к неутешительному выводу – Россия нуждается в действительных реформах и в прочных гарантиях их исполнения.

Еще одна проблема, с которой обязательно должна была столкнуться Россия, начиная войну с Турцией, это отсутствие четкой программы действий. Освобождение братьев-славян, провозглашение славянской свободы – это слова и ничего больше. Официальный Петербург, по мнению Драгоманова, готовит страшный подарок южным славянам под маской национального освобождения – судьбу «второй Польши». В результате чего на Балканах установится «правление классов христианских кулаков и мелких чиновников, вдобавок еще правление, не имеющее выгод полной государственной самостоятельности, при которой хоть есть надежда на то, что народ страны хоть когда-нибудь, получит то правление, какое хочет»²⁹.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. ставила все акценты. Война доказала, что все выдвигаемые российским обществом требования в определенной степени верны. Но точно спрогнозировать ситуацию никому не удалось. Безусловно, под маской «борьбы за веру» российская правящая элита решала свои задачи. В первую очередь, реваншистские. По результатам Парижского договора, Россия лишилась права иметь флот на Черном море, но согласиться с этим не могла

никак. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. как нельзя лучше могла усилить ее влияние в Причерноморском регионе. Наконец, стратегическое положение Балканского полуострова. Контролируя его, Россия могла «держать руку на пульсе» на юге Европы.

Примечания

- ¹ Цит. по.: Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 12.
- ² Новое Время. 1903. № 9377. С. 1.
- ³ Преображенский И.В. За братьев славян. СПб., 1903. С. 3.
- ⁴ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1860.
- ⁵ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1884; *Он же*. Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Он же*. Разыскания о начале Руси. М., 1876; *Он же*. История России. М., 1876–1906. Т. 1–5.
- ⁶ Рогожин Н.М. Д.И. Иловайский // Историография истории России до 1917 г.: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 105.
- ⁷ См.: Иловайский Д.И. Поездка под Плевну // Русская Старина. 1883. № 2. С. 351–374.
- ⁸ См.: Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне // Русский мир. 1877. № 6.
- ⁹ «Если наша доблестная армия будет призвана к решению своей настоящей великой задачи, мы всегда останемся на стороне самого энергического образа действий. Заранее хорошо рассчитанные удары, конечно, будут исполнены быстро и решительно, не озираясь на каждом шагу по сторонам, как это было на Дунае в 1854 г. Враги пугали нас новым избиением славян при первом движении русской армии. На это можно отвечать только одно: новое избиение снимет с нас все бывшие дипломатические обязательства по данному вопросу. Чем более прольется крови беззащитных населений, тем радикальнее должно быть их освобождение и очищение их земли от мусульман. Впрочем, мы говорим все это только на случай; ибо возможно и то, что сегодня же или завтра телеграф принесет нам известия уже другого свойства. Могут завязаться переговоры; а между тем, пока черногорцы остаются в выжидательном положении, Орда успеет подавить миридитов и затем принудить Черную Гору к миру, на основаниях status quo. Англо-австрийские друзья Орды конечно не дремлют.» (Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне // Русский мир. 1877. № 6. С. 10).
- ¹⁰ Исключение составляет, пожалуй, только Д.А. Милютин, который считал, что если война с Турцией и нужна, то необходимо ее отсрочить насколько можно. Причину военный министр видел в том, что в случае начала боевых действий Россия может остаться в международной изоляции: «Может выйти то же, что было в Крымскую войну, опять вся Европа опрокинется на нас». (Милютин Д.А. Дневник. 1876–1877. М., 1949. Т. 2. С. 58).
- ¹¹ Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 3.

- ¹² Мецкерский В.П. Правда о Сербии. С. 20.
- ¹³ Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: «Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее». Там другой купец пишет из глуши Сибири: «Да нельзя ли всем верноподанным сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит». Тут священник дальнего прихода пишет: «Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали». Здесь студент пишет: «Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию» (Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20–21).
- ¹⁴ Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба испытанная временем. М., 1978. С. 33.
- ¹⁵ Цит. по.: Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба, испытанная временем. М., 1978. С. 34.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20.
- ¹⁸ «...жилось плохо: обозы отставали, припаса не было, табак выкурили, хлеб поели, а достать ничего нельзя. ... Появились раненые, забегали санитары с носилками, посылались стоны умирающих и все обширное пространство обратилось в какой-то ад». (Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 14, 19.); «Двигались медленно, мы совершенно истощили наши запасы, а так как все окрестные деревни были разорены, то нельзя было достать ни хлеба, ни соли. Гвардия была в продолжение нескольких дней в таком же положении, ибо вследствие невылазной грязи, обозы и транспорты отстали». (Гусман. Описание действий летучих отрядов Общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 4); «Бессонные ночи с 18-го августа весьма утомительны. Наши траншеи не защищают от навесного огня, а для устройства блиндажей нет здесь материала. Большое количество убитых и раненных. Турецкие батареи действуют замечательно согласно, чего так не хватает нам...» (Пять месяцев на Шипке в 1877 году. (Из дневника офицера Подольского полка) // Военный сборник. 1883. № 4. С. 150–151).
- ¹⁹ В своих воспоминаниях А.А. Брусилов так описывал это время: «Трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия (объявления войны. – С.К.). Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по расписанию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному походу, который заменял особо скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь. ... Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно сама война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо...». (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 20–21.)
- ²⁰ Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне... С. 248.
- ²¹ Мартьянов Е.И. Мировоззрение народа и дух армии // Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам: В 2 т. М., 1879. Т. 1. С. 11–12.
- ²² Воронич К.И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 20–21.
- ²³ «Нужно было задаваться одним из двух следующих вопросов: посылать ли на Балканы исключительно людей порядочных, способных к делу или каких попало? Если придерживаться первого правила, то следовало посылать только знающих службу, способных офицеров и людей трезвых... Если же задаться вторым вопросом, т.е. помочь просто количеством, то в таком случае посылать тысячами уже без разбора. Посылать же мало, да притом дурных, значит не достигать ни какой цели, что в сущности и было» (Воронич К.И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 23).
- ²⁴ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Женева, 1876; Он же. Внутреннее рабство и война за освобождение. Женева, 1876; Он же. До чего довоевались. Женева, 1878.
- ²⁵ См.: Драгоманов М.П. Турки внутренние... С. 18.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 10.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же С. 14.

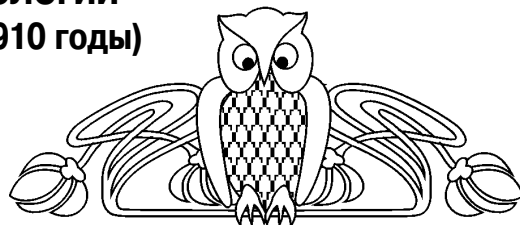
УДК 94(47).083

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ХОЛЕРЫ (1885–1910 годы)

Д.В. Михель

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Российской цивилизации
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Статья посвящена истории становления медицинской микробиологии в царской России. С 1885 г. первые энтузиасты «микробной теории» в России при поддержке патронов науки начали развивать ее в Одессе и Санкт-Петербурге. Сформировался особый международный тип научной культуры, который был воплощен в

деятельности бактериологических лабораторий. К концу 1880-х гг. исследования микроорганизмов в России были еще далеки от интересов врачей. С начала 1890-х гг., когда по стране распространилась холерная эпидемия, она стала предметом беспокойства врачей, а первые российские микробиологи стали

исследовать такой объект, как холерный вибрион. В течение 1890-х гг. научная культура микробиологов почти не изменилась, а лаборатория оставалась главным местом их работы. Но с этого времени интерес ученых к медицинскому сообществу возрастал, поскольку они рассматривали его как главную научную аудиторию. В первое десятилетие XX в. микробиологи переключили свое внимание на новый тип работы. Они вышли за пределы лабораторий и включились в научные экспедиции по всей стране. Их риторика сконцентрировалась на такой традиционной для врачей проблеме, как необходимость «оздоровления России». В результате к 1910 г. микробиология получила доверие врачей, а сами ученые-микробиологи сумели занять ведущие позиции в российском медицинском сообществе. При этом бактериология трансформировалась в медицинскую микробиологию.

Ключевые слова: наука, бактериология, медицина, Россия, холера, Мечников, Гамалея, Заболотный, лаборатория, экспедиции.

The Formation of Medical Microbiology in Russia and the Problem of Cholera, 1885–1910

D.V. Mikhel

The article is devoted to the history of formation of medical microbiology in Tsarist Russia. Since 1885 the first enthusiasts of «germ theory» in Russia with supporting of science patrons began to develop it in Odessa and St. Petersburg. The particular international type of scientific culture, which was embodied in the activity of bacteriological laboratories, is formed, but it had the local peculiarities. The microorganisms' investigations in Russia at the end of 1880s were far from the interests of physicians. Since the early of 1890s the cholera epidemics spread in Russia and it was the subject of anxiety for physicians, and the first Russian microbiologists began seriously to investigate such object as a cholera Vibrio. During the 1890s the scientific culture of microbiologists has not almost changed and the lab was their main scientific work place. But since the time the interest of scientists to the medical community is raised, because they have been seen them as main science audience. During the first decade of XX century the microbiologists switched their attention to the new type of work. They began to act beyond the lab and to accomplish their expedition across the country. The main attention of their rhetoric is focused on such traditional problem for physicians as the importance of «healthing of Russia». In the result the «germ theory» found the confidence of physicians to 1910 and the microbiologists might to reserve the leader position within Russian medical community. The bacteriology was also transformed into medical microbiology.

Key words: science, bacteriology, medicine, Russia, cholera, Metchnikoff, Gamaleia, Zabolotnyi, laboratory, expeditions.

Известно, что возникновение «микробной теории» сопровождалось активным поиском ее основоположниками подходящих областей для применения этого нового знания. Довольно рано Л. Пастер, Р. Кох и их коллеги в других странах попытались предложить его врачам, вписав микробиологию в общую матрицу медицинского знания. Последнее привело не только к преобразованию медицины, но и к становлению новой дисциплины - медицинской микробиологии. Этот процесс потребовал от первого поколения микробиологов основательного изучения проблемы инфекционных болезней, обнаружения возбудителей, изучения способа их распространения в

природе и человеческих сообществах, а также разработки оригинальных способов борьбы с ними. В рамках этого процесса микробиологи, которые первоначально называли себя «бактериологами», широко изучали самые разные болезни, избегая так называемой специализации. И хотя некоторые из них иногда сосредотачивали свое внимание лишь на определенных болезнях, в целом они сохранили верность универсализму. На этом фоне такая болезнь, как холера, была способна надолго приковать к себе внимание многих «охотников за микробами». В некоторых странах, в особенности в России на рубеже XIX и XX вв., где она продолжала оставаться угрозой национального масштаба, интерес к холере почти не ослабевал. Представляется, что именно исследования холеры, как и исследования чумы в ту же эпоху, оказались способными существенно укрепить авторитет микробиологии, помочь самим микробиологам не просто установить союз с медиками, но и поставить их во главе медицинского сообщества.

В рамках этой статьи будет рассмотрено, как происходило становление медицинской микробиологии в России. С этой целью будет сосредоточено внимание на трех сюжетах: во-первых, что представлял собой процесс сближения микробиологии и медицины в целом; во-вторых, как развивались исследования холеры в самый ранний период становления микробиологии; в-третьих, что они представляли собой в более зрелый ее период, т.е. в первое десятилетие XX века.

Российская медицина и микробиология: пути к сближению

В первые годы своего существования «микробная теория» Пастера и Коха имела достаточно много противников среди врачей. Эта ситуация существовала не только на родине основателей микробиологии, но и за ее пределами, например, в Великобритании и США¹. На Западе «золотой век» микробиологии настал лишь в последние два десятилетия XIX в., когда отцы-основатели нашли новые научные аргументы (например, теория «вирулентности») в защиту своих воззрений², а также стали широко транслировать новые знания об этиологии инфекционных болезней через специальные журналы («*Annales de l'Institut Pasteur*», «*Zentralblatt für Bakteriologie*») и лекционные курсы для врачей³. Свою роль сыграли и политические обстоятельства, стимулировавшие в той или иной форме процесс сближения медицины и микробиологии. При этом в каждой стране для этого был найден свой собственный способ.

Б. Латур показывает, что во Франции Пастеру пришлось для этого использовать сложную стратегию убеждения врачебного сообщества, поскольку он не имел возможности апеллировать, например, к государству. Его «микробная теория» прежде всего пришлась по душе гигиенистам,

которые занимали наиболее уязвимые позиции среди французских медиков. Благодаря усвоению пастеровской «науки о микробах» французские гигиенисты сумели укрепить свой авторитет. Вслед за ними «пастеризации» подверглись военные и колониальные врачи, которым приходилось иметь дело не столько с отдельными пациентами, сколько с большими скоплениями людей. Лишь в последнюю очередь «наука Пастера» была воспринята практикующими врачами старой школы, которые рассчитывали благодаря этому сохранить свои лидирующие позиции в медицинской среде⁴.

В Германии успех Коха был продиктован его хорошими связями с правящей бюрократией. Однако сильные позиции Коха в Берлине оспаривались некоторыми гигиенистами в других регионах страны во главе с М. фон Петтенкофером, чей авторитет был весьма велик в 1860–1870-е гг. Борьба между Кохом и Петтенкофером стала ключевым эпизодом немецкого случая противостояния медицины и микробиологии. Характерно, что главным камнем преткновения между двумя великими немцами стала холера. После того как в 1883 г. сначала в Египте, а затем в Индии Кох открыл микробного возбудителя холеры, завязалось его знаменитое противостояние с Петтенкофером. В 1885 г. на второй Берлинской конференции они имели возможность лично противопоставить друг другу свои учения, после чего приступили к обмену критическими замечаниями в печатном виде. Апогей этого противостояния был достигнут в 1893 г., когда Петтенкофер для защиты своей точки зрения на причины холерных эпидемий прибегнул к знаменитому эксперименту над собой, выпив холерную культуру из берлинской лаборатории Коха. Однако эпидемия в Гамбурге 1892 г. и последующее принятие в 1900 г. германского закона об эпидемиях, написанного в духе идей Коха, утвердило решающую роль микробиологии в германской системе здравоохранения⁵.

В России путь к сближению медицины и микробиологии также был долгим. Так, в самые первые годы возникновения бактериологических лабораторий в Российской империи ученые-микробиологи имели во многом ситуативные связи с врачами. Лаборатории работали в интересах целого ряда патронов – от местных властей до местных помещиков, а самим исследователям приходилось сосредоточиваться как на профилактике болезней человека, так и болезней животных⁶. Врачи – как клиницисты, так и гигиенисты – плохо видели, чем им может быть полезна новая область знания, а при их огромной профессиональной загруженности едва ли могли найти достаточно времени для серьезного ознакомления с «микробной теорией».

При этом лекции по бактериологии для врачей читались крайне редко. Например, Мечников в марте 1886 г., когда еще только велась работа по открытию Одесской лаборатории, прочитал всего три лекции о природе микробов – да и то для

одесской публики⁷, а затем ввиду угрозы холерной эпидемии в том же году – еще один короткий курс для врачей⁸. Этим дело и ограничилось. В других местах России, кроме Санкт-Петербурга, во второй половине 1880-х гг. бактериологические курсы для врачей также отсутствовали. Впрочем, их отсутствие отчасти компенсировалось специальными публикациями. Так, в 1885 г. в Петербурге приват-доцент Военно-медицинской академии Л.Л. Гейденрейх опубликовал книгу по бактериологии для врачей, естествоиспытателей, ветеринаров и студентов⁹. В 1886 г. в Москве вышла в свет книга А.И. Войтова¹⁰, за которой последовали статьи некоторых других ученых¹¹.

В главном центре медицинской науки России – в Санкт-Петербурге – налаживание союза между микробиологией и медициной растянулось вплоть до самого конца XIX в. Так, в Военно-медицинской академии после выхода там в свет книги Гейденрейха еще почти целое десятилетие ничего не было сделано для упрочения позиций нового знания, но и потом микробиология оставалась там сферой теоретических исследований. В 1894 г. директор академии физиолог В.В. Пашутин добился у военного министра открытия кафедры бактериологии с клиникой инфекционных болезней, но кафедру в итоге возглавил наименее подходящий для этих целей кандидат – С.С. Боткин, сын знаменитого терапевта С.П. Боткина, и его в 1898 г. на этом месте сменил Н.Я. Чистович. Что касается таких сильных кандидатур, как Н.Ф. Гамалея и И.Ф. Рапчевский, то они не были восприняты всерьез руководством академии. В Институте экспериментальной медицины, где после отказа Мечникова возглавить его, укрепились позиции физиологии, бактериологическая наука также была преимущественно областью «чистой теории», и эту ситуацию не могли исправить ни С.Н. Виноградский, ни молодой Д.К. Заболотный, который появился там в самом конце 1890-х гг. Еще один очаг бактериологических исследований находился в стенах Института усовершенствования врачей имени княгини Елены Павловны, где с 1884 г. в должность профессора вступил один из учеников Мечникова М.И. Афанасьев. Во второй половине 1880-х гг. он пытался наладить чтение курсов по бактериологии для врачей, но с возникновением Института экспериментальной медицины и его научного филиала в Чумном форте в Кронштадте, где В.И. Исаев начал читать курсы для судебных медиков, военных врачей и медицинских инспекторов, работа Афанасьева прервалась. Лишь в 1898 г. был сделан решающий шаг. Его предпринял Заболотный, которому удалось открыть самостоятельную кафедру медицинской микробиологии в стенах Женского медицинского института в Санкт-Петербурге¹². И хотя официальный статус этого института был ниже других столичных центров, именно там связь между микробиологией и медициной была налажена наиболее сильно. Это событие также

повлияло на то, что медицинская микробиология XX в. в России стала наукой весьма привлекательной для женщин.

Уязвимость позиций микробиологии перед всемогущей государственной бюрократией в Санкт-Петербурге сделала этот род знаний отчасти подозрительным для провинциальной медицинской общественности, которая, как показывает Н. Фриден, на протяжении последней трети XIX в. становилась все более радикальной общественной группой, критически настроенной по отношению к столичной медицинской элите¹³. Пробуждение интереса медиков к микробиологии в Москве было положено работой А.И. Войтова 1886 г., который в 1890 г. также защитил диссертацию по противооспенным вакцинациям. Войтов и его научный патрон профессор гистологии А.И. Бабухин в январе 1887 г. во время II Пироговского съезда в Москве устроили также выставку бактериологической техники, с которой могли ознакомиться приехавшие на съезд врачи – около 1300 человек, преимущественно земские и городские доктора со всей России¹⁴. Однако именно на этом съезде случился эпизод, который породил препятствие на пути сближения медицины и микробиологии. Когда на съезде стал обсуждаться вопрос о значении профилактических вакцин против бешенства, среди врачей раздалось суждение о том, что статистические данные на этот счет могут быть сомнительными. В спор ввязался Мечников, который, сочетая энтузиазм и вопиющую бестактность, перед лицом почти 1300 врачей стал доказывать, что отныне каждый врач, включая профессора гигиены, должен спешить ознакомиться с передовой наукой о микробах. В ответ на это лидер российских врачей-общественников Ф.Ф. Эрисман выступил со своей знаменитой речью «Значение бактериологии для современной гигиены», в которой заявил, что в реальной санитарной работе против эпидемий ценность бактериологических знаний пренебрежимо мала¹⁵. Тем самым шансы на признание микробиологии врачами-общественниками в России резко снизились.

Два года спустя, в январе 1889 г., в Санкт-Петербурге состоялся III Пироговский съезд. На нем вновь была сделана заявка представить врачам информацию о развитии микробиологии. Но она была не вполне удачной. Самостоятельной секции бактериологии на съезде так и не было, и микробиологи во главе с Афанасьевым обсуждали свои вопросы в рамках секции внутренних болезней¹⁶.

Тем не менее шаг к сближению медицины и микробиологии был сделан именно в Москве, где ее продвижению в Московском университете способствовал Войтов, а также терапевт Г.И. Захарьин, известный при этом своим консерватизмом. При его патронаже в терапевтической клинике университета была открыта бактериологическая лаборатория, а Войтов с 1892 г. начал читать курс

по бактериологии для врачей. После неожиданной смерти Войтова чтение этого курса в клинике Захарьина прекращается, но тут же возобновляется – на этот раз в клинике профессора Черинова, где его читает Г.Н. Габричевский – главное действующее лицо в истории сближения медицины и микробиологии за пределами Санкт-Петербурга в 1890-е гг. Габричевский был бактериологом-самоучкой и он не был связан с западными школами микробиологии, влияние которых на общественную медицину в России было небесспорным. Кроме того, он был врачом-патологом и, занимаясь бактериологией, искал, чем она может быть полезной для клинической медицины. На этом пути им были сделаны большие успехи. Так, в январе 1895 г. в клинике профессора Филатова при Московском университете он удачно вылечил детей от дифтерии, используя для этого сыворотку, изготовленную на собственные средства. Когда в 1895 г. в стенах Московского университета им был открыт Бактериологический институт, там не только начали производить сыворотку против дифтерии, столбняка и стрептококковой инфекции, но и стали читать лекционные курсы для врачей из всей Центральной России, что сделало Москву главным центром распространения «микробной теории» среди русских врачей-общественников. В 1902 г. на VIII Пироговском съезде в Москве под влиянием Габричевского бактериология была выделена в отдельную секцию, что означало ее полное признание со стороны российской общественной медицины¹⁷.

Окончательная точка в процессе сближения микробиологии и медицины была поставлена опять-таки Габричевским. Встав во главе Пироговского общества врачей, он в 1903 г. был направлен Обществом в качестве главы Малярийной комиссии на юг страны для проведения там исследований по состоянию общественного здоровья. Представленный им в результате отчет нес в себе сильные политические интерпретации. В частности, Габричевский дал самую высокую оценку деятельности местных земских санитарных организаций и указал на необходимость создания земских медицинских учреждений на Кавказе и в Средней Азии, где их не было, при том что там свирепствовала малярия¹⁸. Значение выводов Малярийной комиссии было тем актуальнее для русских врачей, что они были полной противоположностью результатам созданной в 1897 г. в столице Противочумной комиссии, работа которой в 1903 г. привела к принятию правительством знаменитых «Холерных правил»¹⁹, оставивших под вопрос работу всей российской общественной медицины ввиду угрозы холеры и чумы. Как считает Хатчинсон, именно работа Габричевского в малярийной комиссии привела к окончательному сближению русских врачей и микробиологов, а заодно и превращению российской микробиологии из политически нейтральной в политически революционную силу²⁰.

В итоге петербургский путь от микробиологии к медицине, проторенный Заболотным, и в особенности московская стратегия, избранная Габричевским, привели к установлению долгожданного союза²¹. Российские микробиологи не просто соединились с врачами, но и возглавили их профессиональное сообщество, что стало вполне очевидным в годы революции 1905 г., когда они выступили с радикальных политических позиций²². Этот союз позволил микробиологии выступить не только в качестве экспертного знания, полезного для организации охраны государственных границ от заноса эпидемий, но и в качестве необходимой части практического медицинского мышления, направленного на охрану общественного здоровья.

Бактериологические исследования холеры в 1880–1890-е гг.

В первые годы своего становления микробиология находилась под сильным влиянием идей ее основоположников – Пастера и Коха. Объекты и методы исследований, научные интерпретации, даже сам материал для изучения, как правило, имели «французское» или «германское» происхождение. Неудивительно поэтому, что во второй половине 1880-х гг., когда микробиология стала зарождаться в России, эта тенденция проявила себя и здесь. Вместе с тем возникла и некоторая динамика, связанная с тем, что, по крайней мере, некоторый материал, с которым работали исследователи в лабораториях, имел местное происхождение. В результате открылось поле для новых, оригинальных представлений, которые пришлось сопоставлять с «ортодоксальными», двигаясь тем самым по собственному пути, неизбежному для всякой локальной научной традиции.

Так, в конце 1880-х гг. ученые Одесской бактериологической лаборатории взялись за исследования «куриной холеры» - проблемы, которая была стандартной для Пастеровского института в Париже. Гамалея, которому здесь принадлежала заглавная роль, попытался связать свои исследования с интересами местных птицепроизводителей, трактуя свою работу как актуальную не только для мировой науки, но и для местных экономических интересов. В 1888 г. занявшись болезнями одесского птичьего рынка, Гамалея указал на то, что куриная холера является одной из важнейших угроз для местных держателей птицеводств²³. Кроме того, он начал рекомендовать местным сельскохозйственным обществам использовать куриную холеру как биологическое средство борьбы с сусликами, следуя здесь отдельным идеям Мечникова, касающимся биологической войны с хлебным жуком, и Пастера - в отношении истребления кроликов в Австралии, доказывая также, что этот метод совершенно безвреден²⁴.

Интенсивная научная работа Гамалеи в 1888 г., которая велась как в Одессе, так и в Париже у Пастера, вынудила его более основательно овладеть пастеровской техникой ослабления («аттенуации») и усиления холерной инфекции. Проводя («пассируя») холерную инфекцию через все более крупных животных – цыплят, морских свинок, голубей, кур, а затем собак, он глубоко проник в суть пастеровской проблематики варьирования ядовитости («вирулентности») бактерий, а вместе с этим и в вопрос о том, какими путями в природе сохраняется и распространяется заразная болезнь. Однако пастеровский стиль мышления, который он вполне усвоил, неизбежно столкнулся у него с германским, коховским стилем мысли, поскольку и коховский взгляд на этиологию холерной болезни также имел статус ортодоксального. В частности, как известно, Кох утверждал, что у каждой болезни существует свой собственный возбудитель, а именно: у куриной холеры – свой, у человеческой – свой. В этой связи Гамалея, как прилежный микробиолог, обратился к изучению возбудителя куриной холеры, которому он присвоил имя «вибриона Мечникова» (*Vibrio metchnikovii*). На несколько лет – с 1888 по 1892 г. – вопрос о родстве «вибриона Мечникова» и коховского вибриона «азиатской холеры» стал для него сферой наиболее актуальных исследований, но также и поводом для противоречивых выводов. Так, Гамалея то и дело вынужден был подчеркивать тему различия двух видов микроорганизмов, но при этом ему пришлось констатировать, что между ними существует безусловное сходство – в морфологическом и биологическом плане²⁵. Примечательно, что возвратившись к этому вопросу в 1921 г., он все еще вынужден был колебаться в своих оценках сходства и различий между этими двумя вибрионами²⁶. В сущности, коховский взгляд на неизменность видов, вызывающих возникновение инфекционных болезней²⁷, столкнулся у Гамалеи с противоположной мыслью, о возможности трансформации микробов в ходе «пассирования» через крупных животных. Не помышляя о том, чтобы в ходе этих перевиваний превратить возбудителя «куриной холеры» в возбудителя холеры человека, Гамалея тем не менее допустил мысль о том, что куриная холера, которую он начал изучать в 1888 г. в Одессе, была угасшей формой индийской холеры, некогда проникшей в город²⁸.

В 1893 г. в своей докторской диссертации по этиологии холеры, подготовленной в стенах Петербургской военно-медицинской академии, Гамалея уже предстал как совершенно зрелый ученый, способный высказывать критические суждения в адрес одного из отцов-основателей бактериологии. Так, он обозначил слабые стороны позиции Коха, чей авторитет был весьма высок в петербургских научно-медицинских кругах, показав, что тот и сам был непоследователен в своем подходе к холере, в частности, не добившись

экспериментального воспроизводства холеры в лабораторных условиях²⁹. Вступая в своей диссертации в полемику с представителями школы Коха, Гамалея указывал на новизну полученных им самим экспериментальных данных, прежде всего на тот факт, что холерные бактерии могут встречаться «во многих разновидностях», оказывая в разных условиях разный эффект – нейтральный, слабый и убийственный, а сама «холерная запятая не может считаться прочным, вполне установившимся ботаническим видом»³⁰. Придерживаясь пастеровской точки зрения, Гамалея обрисовал вопрос о патогенезе холерного процесса, резюмируя при этом, что варьирование ядовитости вибрионов объясняет этиологические и эпидемиологические особенности холеры³¹.

Практика варьирования вирулентности холерного вибриона, в частности ослабление его токсического воздействия, давала шанс на возможность вакцинации против холерной болезни. Гамалея уделил внимание этой теме еще в 1889 г.³², однако новый шаг в ее развитии был сделан не им, а его более молодыми товарищами Д.К. Заболотным и И.Г. Савченко, которые провели свои знаменитые исследования по иммунизации против холеры в киевской лаборатории профессора В.В. Подвысоцкого. В апреле–мае 1893 г. Заболотный и Савченко осуществили на себе оральную вакцинацию ослабленных холерных культур, а затем подвергли себя заражению холерой и успешно перенесли болезнь. Их рискованный опыт получил широкую огласку в научных кругах, но, кроме того, привел к новым интересным открытиям. В частности, Заболотный обратил внимание на то, что в испражнениях выздоровевшего человека еще долго могут сохраняться опасные для окружающих холерные вибрионы³³. Подчеркивая значение этого открытия, Заболотный указывал на то, что международное научное сообщество еще в 1911 г. не смогло оценить его в должной степени³⁴. Вместе с тем идея бактерионосительства выздоровевшими людьми, конечно, была знакомой специалистам: в 1900 г. в Нью-Йорке был выявлен случай с бактерионосительством брюшного тифа, получивший широкую огласку как «история тифозной Мери»³⁵.

Новая волна холерных эпидемий, докатившаяся до Европы в 1892 г., вызвала новый рост интереса специалистов к холере. Свой вклад в ее изучение внесли и российские исследователи. При этом Мечников большую часть своих работ публиковал во Франции, «вписав» проблематику холеры в область своих традиционных иммунологических интересов³⁶. Гамалея, который в это время курсировал между Петербургом, Киевом и Европой, сделал акцент на выяснении вопроса о выживании холерного вибриона в условиях открытых водоемов. Пытаясь определить сроки существования холеры, он в то же время рассмотрел вопросы о влиянии сухости и влажности на жизнь вибрионов³⁷. Заболотный в этот период публикует работы, материалы для которых были

собраны за несколько лет до этого, в бытность его сотрудником Одесской лаборатории у П.Н. Дятроптова. В том числе выходит в свет его статья о санитарной оценке городских полей орошения в Одессе, в которой он пишет о длительной выживаемости холерного вибриона в сточной воде и лабораторных оценках этого факта³⁸.

На фоне огромного числа работ о холере, выполненных в те годы российскими врачами-гигиенистами и участковыми земскими докторами, принимавшими участие в борьбе с эпидемией, эти редкие тексты молодых российских микробиологов были почти незаметны. Вопросы, поставленные в них, порой были слишком узкими и «теоретическими», и, если взять, например, случай с диссертацией Гамалеи, весьма далекими от практических нужд российской общественной медицины. Однако первые российские микробиологи открыли для себя возможность двинуться навстречу текущим нуждам медицины, расширив свою исследовательскую проблематику. Постановка вопросов эпидемиологического характера, прежде всего о способах передачи холеры от человека к человеку, сделала их работу более открытой для медицинского сообщества. Неудивительно поэтому, что в 1896 г. Заболотный после своего возвращения из Подольской губернии, где он работал простым врачом, опубликовал текст, который по своему содержанию мало отличался от работ, написанных другими врачами. Подобно большинству российских гигиенистов, следовавших идеям Эрисмана, Заболотный написал о необходимости проведения мероприятий по очищению водоемов, о недопущении загрязнения общественных колодцев и ведении просветительской работы с населением. Однако – и это было принципиально – Заболотный указал и на задачи микробиологии в санитарно-медицинской работе: «бактериолог должен в данной местности возможно ранее констатировать первые случаи эпидемических заболеваний; он должен дать фактические основания для выяснения той или иной особенности в течении и развитии заболеваний в данной местности»³⁹. Представляя микробиологию как союзницу общественной медицины, Заболотный одним из первых среди российских бактериологов конца XIX в. двигался по пути сближения научного знания и медицинской практики.

Российская микробиология перед лицом холерных эпидемий начала XX века

Обращение российских микробиологов к эпидемиологическим и гигиеническим вопросам холеры стало еще более явным в первое десятилетие XX в. После того, как в 1904 г. очередная холерная эпидемия обрушилась на территории Европейской России, некоторые специалисты начали готовиться к еще более худшим последствиям. В мае 1905 г. в Одессе Гамалея опубликовал свою большую

работу «Холера и борьба с нею». При этом за один и тот же год вышли два ее переиздания, что говорило о решимости автора донести свои взгляды до читательской аудитории. Состоявшая из 12 глав, работа включала в себя обзор истории пяти холерных пандемий, начиная с 1817 г., и представляла широкое введение в новейшую историю шестой пандемии, начавшуюся, по данным автора, в 1902 г. в Индии. Кроме того, Гамалея предлагал основные выводы по холерной эпидемиологии, формулировал законы распространения холерных эпидемий и лишь после этого переходил к вопросам бактериологии «азиатской холеры». Однако на этот раз его бактериологические интерпретации явно составляли наименьшую часть всей книги. От проблем бактериологии он вновь возвращался к вопросам практической борьбы с холерой, обсуждал задачи гигиенического характера и даже касался вопросов политики, в частности поддерживая главные резолюции Пироговского холерного съезда марта 1905 г.⁴⁰

В своих «Воспоминаниях» он напоминал о том, что в августе 1904 г. вместе с одесским градоначальником графом П.П. Шуваловым он изучал эпидемиологическую обстановку в Закавказье, куда был командирован российским правительством. После окончания экспедиции Гамалея представил Шувалову свой план борьбы с холерой, трактуя его как «задачу по оздоровлению» российских городов. Придерживаясь уже сложившихся бактериологических воззрений о преимущественно водных способах распространения холеры, он предложил вместо бесполезных карантинных мероприятий в больших городах, наладить канализацию и водопровод. К числу наиболее угрожаемых мест им были отнесены Эривань, Баку, Тифлис, Дербент, Екатеринослав, Ростов-на-Дону и поволжские города от Астрахани до Самары. Как сообщает Гамалея, этот план был представлен министру внутренних дел П.Н. Дурново, который при поддержке придворных медиков отверг его⁴¹. Дальнейшая работа Гамалеи была продолжена в Одессе, где он стал свидетелем короткой вспышки холеры в сентябре 1904 г., а затем великого холерного четырехлетия 1907–1910 гг., охватившего всю Россию.

В этот период времени в научной работе Гамалеи преобладали преимущественно гигиенические интерпретации. Последнее неудивительно. Сформулировав для себя ясные бактериологические и эпидемиологические взгляды на причины распространения болезни, Гамалея далее мог только надеяться на то, что власти услышат его рекомендации по «оздоровлению», которые, в сущности, повторяли давно известные гигиенические программы Э. Чедвика и Дж. Саймона. Отсюда его язвительные замечания по поводу невежества, которое процветало даже среди петербургских гигиенистов и бактериологов во время эпидемии 1908 г. «На первый план выдвигалась

прямая передача холерных бактерий от человека к человеку или же через посредство различных предметов; вода же занимала второе место... Многие компетентные лица выдвинули лозунг – “долой рукопожатия”. Был даже изготовлен значок с соответствующей надписью»⁴².

В 1910 г. на исходе затянувшейся эпидемии он вновь и вновь ставил вопрос о гигиенических улучшениях, который во многом был уже вопросом политического свойства. «Мы видим, что холерный сфинкс давно разгадан и что холера принадлежит к устранимым бедствиям... Более того, устранение холеры достигается по пути той самой ассенизации, которая необходима для сокращения общей смертности, избавления от брюшного тифа и туберкулеза и даже ради элементарной опрятности. Ассенизация требует больших затрат. Но эти затраты не покажутся чрезмерными тому, кто думает, от какой массы ежедневного несчастья и постоянных страданий они избавят население, сделавши, кроме того, излишним все столь дорогие и бесполезные экстренные мероприятия против холеры»⁴³.

С Гамалеями были солидарны и другие крупнейшие российские микробиологи. В 1907 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья Мечникова, также акцентирующая внимание на проблемах гигиенических мер против холеры. Через год она была переиздана в расширенной версии отдельным изданием⁴⁴. Заболотный, который в этот период времени выдвинулся на ведущие позиции в российской микробиологии и эпидемиологии, также сделал акцент на критике предпринятых властями мер предупреждения холеры. «Эпидемия застала нашу родину мало-подготовленной в санитарном отношении и благодаря этому достигла значительного развития». При этом он указал и на то, что не проводилось никакого санитарного благоустройства городов, в особенности поволжских, которые продолжали служить «воротами для прохождения холеры в Россию»⁴⁵.

Однако главный акцент, как и Гамалея, Заболотный сделал на ситуации в российской столице. Петербургскому случаю он посвятил целую книгу, в которой подробно проанализировал данные, представленные четырьмя бактериологическими лабораториями. В частности, Заболотный сделал вывод о том, что в ослабленном виде холерный вибрион присутствовал в петербургской воде и в организмах многих жителей города еще до официального начала эпидемии. Обсудив далее традиционные для микробиологии вопросы о морфологии холерного вибриона и о способах его диагностики, он специально перешел к вопросу о качестве петербургской воды и ее эпидемиологическом значении. В финале книги Заболотный рассмотрел и вопрос о роли контактов между людьми для распространения эпидемии. В этом пункте он разошелся с Гамалеями, придав контактам большее значение, чем его коллега.

Однако в рекомендательной части исследования Заболотный вновь вернулся к общей для всех исследователей идее – о необходимости проведения широких гигиенических мероприятий в соединении с обстоятельной бактериологической работой⁴⁶.

Н.Н. Клодницкий, который приобрел свои познания в микробиологии в Санкт-Петербурге, Париже и Германии, входил в число ведущих исследователей своего времени. Его работа в Астраханской лаборатории, а затем командировка на холерную эпидемию 1907 г. в Самару⁴⁷ оставили важный след в сфере экспериментальных исследований. Тем не менее, как и другие его коллеги, главный акцент в этот период он также поставил на необходимости проведения гигиенической работы. «Здесь в Поволжье нужны смелые санитарные мероприятия в значительной мере общегосударственного значения. По поводу профилактики скажу, что нельзя сидеть сложа руки в ожидании культурного подъема, а лучше отдать дело в руки бактериолога, чем генерала... Санитарное благоустройство представляет самый лучший и действительный способ страхования государства от громадной гибели жизней и материальных затрат и избавит нас от унижительного зрелища жалкой растерянности или беспомощности, какое производят все эти сообщения о вспышках в разных местах России и принимаемых “экстренных мерах”»,⁴⁸.

Акцент на необходимости осуществления гигиенических мер для предотвращения холеры делался и другими микробиологами. Ученик Заболотного В.А. Таранухин высказал это относительно Самары⁴⁹, а другие его коллеги и помощники – С.И. Златогоров и Г.С. Кулеша для Петербурга, Саратова, Царицына и, кроме того, для персидских городов, где находились русские колонии⁵⁰.

В целом этот выход российской медицинской микробиологии за пределы лаборатории и превращение микробиологами в свою новую лабораторию огромной части Российской империи были вполне характерным явлением и для западной науки⁵¹. В дисциплинарном плане это совпало с рождением новой области знания – эпидемиологии, которая выступила здесь в качестве «младшей сестры» бактериологии. Социальным последствием этого шага было выдвижение микробиологов на ведущие позиции в медицинском сообществе, что наиболее полно проявилось в ранний советский период, когда небольшая группа бактериологов, эпидемиологов и гигиенистов, таких, как Гамалея, Заболотный, Клодницкий и др. образовала руководящую элиту советского здравоохранения.

Проблема холеры в контексте медико-микробиологических исследований на рубеже XIX и XX вв. занимала важное место. После

того, как в 1880 г. Пастер занялся профилактикой холероподобных заболеваний у домашней птицы, и особенно после 1883 г., когда Кох в Египте открыл вибрион человеческой холеры, вопрос об этиологии и эпидемиологии этой болезни не покидал внимания специалистов. В эпоху очередного холерного кризиса 1890-х гг. микробиологи всех стран получили новые знания о холерной болезни. В России, где становление медицинской микробиологии шло особенно не просто, исследования холеры, выполняемые в условиях первых бактериологических лабораторий, постепенно были вынесены за их пределы. Перелом наступил в период новой холерной пандемии, пришедшей в Европейскую Россию в 1904 г. Российские микробиологи стали активно предлагать гигиенические меры по улучшению ситуации, что не могло не вызвать поддержки общественных врачей, следовавших той же стратегии уже несколько десятилетий. В условиях политического кризиса 1905 г. холера была не только еще одним штрихом к картине общего неблагополучия царской империи, но и важным поводом для сближения медицины и бактериологии и становления медицинской микробиологии как особой научной дисциплины.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 08-03-00070а).

Примечания

- 1 См.: *Stevenson L.G.* Science dawn the Drain // *Bul. of the History of Medicine.* 1955. Vol. 29. P. 1–26; *Richmond P.A.* American Attitudes toward the Germ Theory of Disease, 1860–1880 // *J. History of Medicine and Allied Sciences.* 1954. Vol. 9. P. 428–454.
- 2 См.: *Amsterdamska O.* Medical and Biological Constraints: Early Research on Variation in Bacteriology // *Social Studies of Science.* 1987. Vol. 17(4). P. 657–687; *Mendelsohn A.J.* «Like All That Lives»: Biology, Medicine and Bacteria in the Age of Pasteur and Koch // *History and Philosophy of the Life Sciences.* 2002. Vol. 24(1). P. 3–36.
- 3 См.: *Яковенко Е.* Курсы врачей в Берлине. Бактериологические курсы в Коховском Институте // *Русский врач.* 1904. № 2. С. 51–53.
- 4 См.: *Latour B.* The Pasteurization of France. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
- 5 См.: *Гамалея Н.Ф.* Холера и борьба с нею // *Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.* М.: Изд-во АМН СССР, 1956. С. 162–163; *Hays J.* The Burden of Disease: Epidemics and Human Response in Western History. New Brunswick: Rutgers University Press, 2000. P. 150–153; *Evans R.* Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- 6 См.: *Хектен Э.* Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2001. № 3. С. 36–62; *Hachten E.A.* In Service to Science and Society: Scientists and the Public in Late-

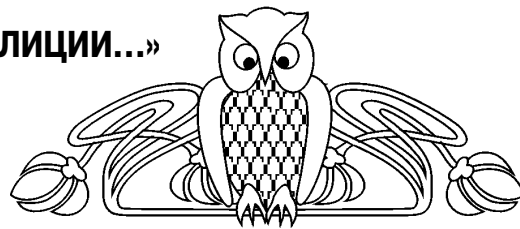
- Nineteenth-Century Russia // *Osiris*, 2nd Series. 2002. Vol.17. Science and Civil Society. P.171–209.
- 7 См.: Мечников И.И. Общий очерк бактерий (15 марта 1886) // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 9. М.: Изд-во АМН СССР, 1955. С. 9–23; *Он же*. Борьба с бактериями (27 марта 1886) // Там же. С. 24–34; *Он же*. О бактериях // Одесский вестник. 1886. 23 марта.
 - 8 См.: Гамалея Н.Ф. Воспоминания // Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Изд-во АМН СССР, 1953. С. 50.
 - 9 См.: Гейденрейх Л.Л. Методы исследования низших организмов. СПб.: Изд-во К. Риккера, 1885.
 - 10 См.: Войтов А.И. Методы исследования патогенных микроорганизмов. М.: Изд-во А.А. Карцева, 1886.
 - 11 См.: Скороходов Л.С. Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948. С. 180–199.
 - 12 См.: Гиммельфарб Я.К., Гродский К.М. Д.К. Заболотный, 1866–1929. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1958. См. также: Скороходов Л.С. Указ. соч. С. 200–210; *Hutchinson J.F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *J. of the History of Medicine and the Allied Sciences*. 1985. Vol. 40(4). P. 425–427.
 - 13 См.: *Frieden N.M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton: Princeton University Press, 1981.
 - 14 См.: Труды II съезда русских врачей в Москве: В 2 т. М.: Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, 1887.
 - 15 См.: Мечников И.И. По поводу речи профессора Эрисмана «Значение бактериологии для современной гигиены» // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 9. С. 35–42. См. также: Беляков В.Д. Дискуссия И.И. Мечникова с Ф.Ф. Эрисманом: отражение эпохи в медицинской науке и общественном здравоохранении второй половины XIX века // Журн. микробиол., эпидемиол. и иммунобиол. 1995. № 3. С. 5–11.
 - 16 См.: Скороходов Л.С. Указ. соч. С. 180.
 - 17 Там же. С. 212–214; *Hutchinson J.F.* Op. cit. P.431–433. См. также: VIII Пироговский съезд врачей. М.: Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, 1902. Вып.1–6.
 - 18 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 241.
 - 19 См.: Высочайше утвержденные 11 августа 1903 г. правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри Империи // Прибавление 1-е к Своду правительственных распоряжений по принятию мер против заноса и распространения холеры и чумы внутри Империи и по сухопутным и морским границам. СПб.: МВД, 1904. С. 3–9 и др.
 - 20 См.: *Hutchinson J.F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. P.36–37.
 - 21 Был также проложен и одесский путь от микробиологии к медицине. В 1899 г. Н.Ф. Гамалея открыл в Одессе собственный бактериологический институт и начал там читать лекции для врачей. См.: Гамалея Н.Ф. Основы общей бактериологии // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Изд-во АМН СССР, 1960. С. 15–96.
 - 22 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 231–322; *Hutchinson J.F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia. P. 37–38. См. также: Булгакова Л.А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг.: Материалы Междунар. науч. colloквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 213–235.
 - 23 См.: Гамалея Н.Ф. О некоторых заразных болезнях одесского птичьего рынка // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 281–283.
 - 24 См.: Гамалея Н.Ф. Об истреблении сусликов бактериями куриной холеры // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 284–291; *Он же*. Об опасностях, сопряженных с применением нового метода. Дополнение к докладу «Об истреблении сусликов» // Там же. С. 292–295.
 - 25 См.: Гамалея Н.Ф. Вибрион Мечникова и его связь с возбудителем азиатской холеры // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 296–300; *Он же*. Вибрион Мечникова. Механизм естественной инфекции // Там же. С. 307–310; *Он же*. Вибрион Мечникова. Усиление его вирулентности // Там же. С. 311–313; *Он же*. Вибрион Мечникова. Локализация его в кишечнике // Там же. С. 314–326.
 - 26 См.: Гамалея Н.Ф. О соотношении Мечникова и холерного вибрионов // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 327–328.
 - 27 См.: *Mazumdar P.* Species and Specificity: An Interpretation of the History of Immunology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 68–96, 98–103.
 - 28 См.: Гамалея Н.Ф. Воспоминания. С. 77.
 - 29 См.: Гамалея Н.Ф. Этиология холеры с точки зрения экспериментальной патологии // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 232.
 - 30 Там же. С. 241, 247, 248.
 - 31 Там же. С. 250–251.
 - 32 См.: Гамалея Н.Ф. О холерной вакцинации // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 332–334.
 - 33 См.: Заболотный Д.К. (совместно с И.Г. Савченко) Опыт иммунизации человека против холеры // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 12.
 - 34 См.: Гиммельфарб Я.К., Гродский К.М. Указ. соч. С. 84.
 - 35 См.: *Leavitt J.W.* «Typhoid Mary» Strikes Back Bacteriological Theory and Practice in Early Twentieth-Century Public Health // *Isis*. 1992. Vol. 83(4). P. 608–629; *Andrew Mendelsohn J.* «Typhoid Mary» Strikes Again: The Social and the Scientific in the Making of Modern Public Health // *Isis*. 1995. Vol. 86(2). P. 268–277; *Porter R.* The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. L.: Fontana Press, 1997. P. 447.
 - 36 См.: Мечников И.И. Предохранительное действие человеческой крови по отношению к вибриону Коха // Воен.-мед. журн. 1893. Август. Ч. 177. С. 272–294; *Idem.* Recherches sur le cholera et les vibrions: 1. Sur la propriete preventive du sang humain vis-à-vis du vibron de Koch // *Annales de l'Institut Pasteur*. 1893. Т. 7. № 5. P. 403–422; *Idem.* Recherches sur le cholera et les vibrions: 2. Sur la propriete pathogene des vibrions // *Annales de l'Institut Pasteur*. 1893. № 7. P. 562–587 и др. См. также: Мечников И.И. Очерк современного состояния микробиологии холеры (1896) // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 10. М.: Медгиз, 1959. С. 64–78.
 - 37 См.: Гамалея Н.Ф. О жизни холерных бацилл в воде под влиянием сухости и влажности // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 252–257.

- 38 См.: *Заболотный Д.К.* Материалы к санитарной оценке городских полей орошения в Одессе // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 22–45.
- 39 *Заболотный Д.К.* К вопросу о бактериологии холеры (Из наблюдения над холерной эпидемией 1894 г. в Подольской губернии) // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 54.
- 40 См.: *Гамалея Н.Ф.* Холера и борьба с нею // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 139–219.
- 41 См.: *Гамалея Н.Ф.* Воспоминания. С. 205.
- 42 Там же. С. 209.
- 43 *Гамалея Н.Ф.* Холера // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 229.
- 44 См.: *Мечников И.И.* О мерах личного предохранения против холеры // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 10. С. 79–84.
- 45 *Заболотный Д.К.* Очерк развития холерной эпидемии 1907–1908 гг. в России и противохолерные мероприятия // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 55, 64.
- 46 См.: *Заболотный Д.К.* Холерная эпидемия 1908–1909 гг. в Петербурге // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 67–116.
- 47 См.: *Клодницкий Н.Н.* К эпидемиологии холерных заболеваний в г. Самаре // Холерный листок: Издание Самарского губернского земства. 1907. № 3. С. 2–7.
- 48 *Клодницкая С.Н.* Н.Н. Клодницкий, 1868–1939. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1956. С. 130.
- 49 См.: *Таранухин В.А.* Очерк холерной эпидемии в г. Самаре в 1907 г. в связи с бактериологическими исследованиями питьевых вод и извержениями больных. СПб.: МВД, 1908.
- 50 См.: *Златогоров С.И.* Наблюдения над холерной эпидемией 1904-го года в Персии. Пути распространения холеры, течение, лечение и предохранительные прививки // Русский врач. 1904. № 48. С. 1622–1625; № 49. С. 1661–1665; *Он же.* О холере 1907 г. в Саратовской губернии // Врачебная газета. 1908. № 12. С. 363–366; № 13. С. 408–414; *Кулеша Г.С.* Случай азиатской холеры в Петербурге в эпидемию 1907 года // Там же. 1908. № 13. С. 405–405.
- 51 См.: *Eckart W.U.* The Colony as Laboratory: German Sleeping Sickness in German East Africa and in Togo, 1900–1914 // History and Philosophy of the Life Sciences. 2002. Vol. 24(1). P. 69–89.

УДК 94(47).084.1:354

«ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема происхождения и эволюции полицейской провокации в политической системе России на рубеже XIX–XX вв. На основе анализа материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства¹, выводов и положений, содержащихся в докладе председателя ЧСК на первом Всероссийском съезде Советов, и др. источников в статье дается оценка роли и значения работы ЧСК по выявлению причин появления и характера взаимовлияния полицейской и революционной провокации в российском освободительном движении в начале XX столетия.

Ключевые слова: полицейская провокация, Чрезвычайная следственная комиссия, Департамент полиции.

«A Charter of Liberties of Department of Police ... » (Police provocation on materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government)

Yu. V. Varfolomeev

In article is considered the problem of an origin and evolution of police provocation in political system of Russia on boundary XIX–XX centuries. On the basis of the analysis of materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government (ECI), conclusions and the positions containing in the report of chairman ECI

at the first All-Russia congress of Advice is considered, etc. sources in clause the estimation of a role and value of work ECI on revealing the reasons of occurrence and character of interference of police and revolutionary provocation in the Russian emancipating movement in the beginning of the twentieth century is given.

Key words: police provocation, Extraordinary Committee of investigation, Department of police.

Подводя промежуточные итоги работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, ее председатель Н.К. Муравьев выступил с докладом на Первом Всероссийском съезде Советов 26 июня 1917 г. Обобщая характер инкриминируемых царским сановникам правонарушений, он заявил, что «эти преступления очень несложны в своем юридическом выводе <...> это формула обычного злоупотребления властью, формула бездействия, и еще чаще наиболее типичная формула превышения этой власти»². Наряду с определением многочисленных прегрешений министерства юстиции, еще более впечатляющие разоблачения были выявлены Комиссией в результате расследования деятельности министерства внутренних дел. В первую очередь это касалось Департамента полиции, деятельность которого была эмоционально и лаконично выражена Муравьевым в нескольких словах: «Это сплошное преступление <...> там делается что-то ужасное»³.

Вместе с тем никто не мог себе до конца представить размах и степень этих правонарушений. Только после того, как в докладе прозвучали лишь некоторые из выявленных Комиссией нарушений, стала впервые очевидна масштабность и противозаконность различных сторон деятельности министерства внутренних дел. Приоткрывая завесу над тайнами секретных служб, докладчик предусмотрительно оговорился: «Вы знаете, по совести говоря, должно быть, не настолько развращено было воображение русского человека, чтобы он представил, себе то, что там творилось»⁴.

ЧСК не стала ограничивать рамки своего дознания только центральными подразделениями тайной полиции. В поле ее зрения попали документы периферийных (губернских) и заграничных отделений. В соответствии с генеральным постановлением ЧСК от 25 апреля 1917 г. Н.К. Муравьев направил запрос руководителю Комиссии по разбору архивов бывшей заграничной агентуры в Париже Е.И. Раппу с поручением «принять на себя труд по организации разбора архива Парижского охранного отделения, составления описи его дел, снятия копий с наиболее интересных документов и доставки их Комиссии, – указывал Муравьев. – В случае согласия, не откажите сообщить, на каких условиях Вы можете принять означенное предложение, какое количество сотрудников Вам необходимо и какого это потребует расхода со стороны Комиссии»⁵.

Этот запрос носил строго секретный характер, поэтому Муравьев позаботился о том, чтобы письмо Раппу было доставлено по дипломатическим каналам через Правовой департамент МИДа: «прошу передать письмо на имя Е.И. Раппа <...> порядком, установленным для пересылки дипломатической корреспонденции, ввиду того что по свойству даваемого Комиссией Е.И. Раппу поручения является весьма желательным, чтобы письмо это было доставлено Е.И. Раппу, не подвергаясь просмотру подлежащих цензурным учреждениям»⁶. В ответ 30 мая 1917 г. тем же путем – через директора Правового департамента МИД А.О. Доливо-Добровольского – председатель ЧСК получил секретную телеграмму, в которой Рапп извещал его о том, что «работы по разбору архива Парижского охранного отделения фактически ведутся уже две недели под моим руководством. Более подробные сведения и ответы на Ваши вопросы сообщу на днях»⁷. Кроме этого Рапп в интересах дела попросил Муравьева о том, чтобы ему были предоставлены полномочия представителя председателя ЧСК⁸.

Первым в цепи разоблачений деятельности МВД оказался документ, который Муравьев точно и образно назвал «хартией вольностей департамента полиции и который является положением ее беззакония»⁹. Речь шла о строго засекреченной «Инструкции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармском и розыском отделениях» 1907 г. с последующими редакциями.

По словам председателя ЧСК, удалось выяснить, что целые поколения сотрудников полиции приложили руку к созданию этой инструкции¹⁰ и постепенно, год от года, старательно совершенствовали всю систему провокации. «Агентурный вопрос (шпионский – по терминологии других) для меня святее святых...»¹¹, – признавался в свое время С.В. Зубатов.

В течение нескольких лет теория (инструкция) и практика провокаторской деятельности стараниями целой плеяды деятелей секретных служб были доведены до совершенства. «Инструкция перевела заветы Зубатова на язык строгих правил, – отмечает И.С. Розенталь. – Она объявляла единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность о революционных и оппозиционных организациях, агентуру из числа ее членов...»¹² Таким образом, документ, попавший в поле зрения Комиссии, являлся последней и наиболее безукоризненной в своей отрасли редакцией полицейского противоправного творчества. Это был «продукт самой извращенной и преступной, на мой взгляд, фантазии»¹³, – заявил Муравьев.

В качестве примера изощренной жандармской техники слежения за революционным подпольем председатель ЧСК привел такую выдержку из инструкции: «единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыских органов в революционной работе, является внутренняя агентура. Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центра революционных организаций и уничтожению в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности. Поэтому не следует ради обнаружения какой-нибудь типографии или мертво-лежащего на сохранении склада оружия срывать дело розыска»¹⁴. Это требование инструкции – разгром центров революционных организаций не сразу после их обнаружения, а «в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности» – вынуждало секретных сотрудников идти на провокацию. Муравьев также обратил внимание на то, что это положение инструкции находилось в безусловном противоречии с законом, который требовал от полиции не только предупреждения, но и пресечения преступления немедленно после его обнаружения.

Как выяснилось, дело доходило до того, что в Департаменте полиции сами печатали прокламации и листовки. Для этой цели была даже оборудована так называемая «пробковая комната» – в Департаменте полиции, чтобы работа типографских машин, печатавших прокламации, не была слышна»¹⁵. Председатель ЧСК обратил также внимание на парадоксальную и циничную ситуацию: «Хранение литературы, оружия, бомб, взрывчатого вещества и пр., а также предоставление квартиры для собраний, указание своего адреса для явки – все это возможно было только с разрешения жандармского управления, жандармского

начальства»¹⁶. В инструкции прямо говорилось о каждом конкретном случае, когда «нужно сделать какое-нибудь активное действие, заведующему розыском должно взвесить, прежде чем разрешить ему это сделать, в какой мере исполнение поручения будет служить успеху розыска»¹⁷.

Опасная и коварная игра царской охранки с революционным подпольем и террористами оказалась в конечном итоге не чем иным, как игрой с огнем, а это, рано или поздно, должно было привести к катастрофе. Поэтому неудивительно, что в какой-то момент спецслужбы не справились с «управлением» революционным пламенем, языки которого вырвались и забушевали по всей стране страшным пожаром.

Вместе с тем полицейская провокация, очевидно, не является чисто российским изобретением, а значит, и болезнью исключительно царских спецслужб. Тайная полиция во все времена и во многих странах, как правило, использовала, использует и, наверное, еще долго будет использовать секретную агентуру и разнообразные технологии провокаторской деятельности. Бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин отмечал, что без тайных осведомителей не может обойтись полиция ни в одной стране, оговорившись при этом, что «приближение секретных сотрудников к центрам организаций опасно в смысле возможности действий, носящих характер провокации»¹⁸.

Крайнее обострение внутривластной ситуации в России на рубеже XIX–XX вв., нарушение равновесия общественных сил, постоянное брожение рабочих и крестьянских масс, частая смена правительств создали благоприятную почву для вызревания системы полицейской провокации, острие которой было направлено на разраставшееся революционное движение. Говоря о провокации, следует иметь в виду и то, что «сплошь и рядом в прошлом столетии (XIX в. – Ю. В.) правители Франции, Германии, Италии прибегали к этому бесчестному средству, чтобы раздавить революционное движение или воспрепятствовать успехам грозных заговоров, – отмечали Ж. Лонге и Г. Зильбер, – <...> политическая полиция, даже в благоустроенном буржуазном государстве, вся насквозь проникнута духом провокации»¹⁹. Вторя им, советский историк А.Я. Аврех также списывал язвы провокаторства исключительно на буржуазное общество, утверждая, что «...какая бы там ни была форма правления, институт провокаторов в практике полицейских органов неизбежен»²⁰.

Между тем строго однозначной трактовки понятие «провокация» никогда не имело. В Российской империи в конце XIX – начале XX в. под провокацией в узком, полицейском смысле понимались подстрекательские действия, исходившие от конкретных сотрудников политической полиции (охранки), которые одновременно с этим входили в ряды оппозиционных движений. «Масштабы

применения полицейской провокации, – отмечает И.С. Розенталь, – находились в прямой зависимости от присутствия провокационных моментов в правительственной политике»²¹.

Анализируя систему функционирования тайных служб империи, Н.К. Муравьев изложил свой высоконравственный, но достаточно наивный взгляд на задачи и результаты работы агентурной сети: «Эти люди, которые там сидели, они должны были развивать свою преступную деятельность для того, чтобы, как снежный ком, оплести целый ряд людей добродушных, быть может, доверчивых, любящих родину, стремящихся к ее счастью, и в момент наибольшего напряжения этой деятельности должна была последовать ликвидация, но ликвидация с некоторым расчетом, с тем, чтобы провокатора оставить на свободе; но одного оставить опасно, нужно оставить еще несколько других лиц с ним вместе, чтобы не обнаружить его и чтобы был фермент брожения, то, что называется “на разводку”»²².

Наверное, ориентируясь на своих самых умеренных и либеральных подопечных, которых он некогда защищал, Муравьев прекрасноразумно полагал, что в рядах оппозиционеров находились исключительно добродушные, доверчивые, любящие родину и стремившиеся к ее процветанию, деятели. Между тем события последующих лет безжалостно разбили «розовые очки», сквозь которые Муравьев смотрел на борьбу различных сил с самодержавием. Ему пришлось жестоко разочароваться в большинстве «добродушных» революционеров, которые пришли к власти в октябре 1917 г. и очень скоро показали свою истинную любовь и к родине, и к соотечественникам. Но тогда, в тот короткий период демократии в России, и Муравьев, и его единомышленники искренне считали, что провокации против «добродушных» революционеров были преступлением.

Действительно, с моральной точки зрения «провокация является одной из самых темных сторон природы живых существ, – заостряет внимание на этом трюизме Ф.М. Лурье, – Провокация не просто темная, но зловещая сила. Еще страшнее, когда в провокации участвуют не просто частные лица, а крупные чиновники с их ведомствами и учреждениями, превращающими провокацию в инструмент своей деятельности, вводя ее в сферу политики»²³. Использование провокации правительственные структуры всегда тщательно скрывают от общества. В царской России для противодействия революционному движению правящие круги сделали ставку, главным образом, на репрессивно-карательный аппарат и полицейские методы секретного характера. «В этой политике, – отмечает Розенталь, – сочетались традиции поощрения доноительства, идущие из средневековья и эпохи петровских реформ (когда царским распоряжением была даже упразднена тайна исповеди), и продуманная, ориентированная на европейские образцы методика разложения

враждебных власти сил». И далее заключает: «Первостепенное место в ней заняла провокация»²⁴.

Но при всей справедливости данного вывода следует иметь в виду и то, что «...правительство боролось теми же путями, какими шла революция»²⁵, – справедливо подметил С.П. Белецкий. В конечном итоге получался некий замкнутый круг: одно беззаконие порождало другое и, в свою очередь, вынуждало противоборствующие стороны к применению недозволенных, аморальных, а сточки зрения закона – преступных, методов борьбы. Таким образом, получалось, что «провокация сражалась по обе стороны баррикады»²⁶, – констатирует Лурье.

Принимая во внимание правовые и моральные аспекты, а также специфику деятельности охранных служб, становится понятным, почему Комиссия очень большое значение придавала расследованию вопроса о провокациях, тем более что в дореволюционной России «сыскное дело было отождествлено с государственным»²⁷, – точно подметил секретарь Комиссии А.А. Блок, а дознания в порядке охраны производились без какого-либо участия прокурорского надзора. Следовательно, можно утверждать, что практически вся деятельность тайной полиции при самодержавии находилась вне поля зрения прокурорского надзора, и «о наличности провокации могли судить лишь, так сказать, “по косвенным уликам”, – вспоминал прокурор Судебной палаты С.В. Звадский, – и, во всяком случае, о ее организации сведений никаких не имели: перед лицом судебного ведомства жандармы предпочитали закулисные свои действия тщательно зашифровывать»²⁸.

Поэтому, когда ЧСК «докопалась» до секретных документов МВД, то теоретические предположения относительно того, занимались или не занимались в этом ведомстве провокаторской деятельностью, стали для членов Комиссии не только очевидными, но и бесспорными криминальными событиями будущих обвинительных актов. К тому же ЧСК стала, таким образом, «первооткрывателем» на пути расследования неблагоприятных тайн секретных служб царской России. Эти тайны Комиссии поведали их непосредственные хранители – руководители Департамента полиции, за спиной каждого из которых, по словам П.Е. Щеголева, был «тяжкий груз интенсивной работы по политическому розыску», и каждый из которых, по его образному выражению, «вкусил от древа провокации»²⁹, причем «вкусали» они, как видно, не за страх, а за совесть.

Как стало известно членам Комиссии из документов Департамента полиции, наиболее подходящими для привлечения к работе в агентуре считались следующие категории революционеров: арестованные по политическим делам, слабохарактерные, разочарованные или обиженные партией, а также нуждающиеся материально,

бежавшие из места ссылки, ранее подвергавшиеся преследованиям и т.д.³⁰

Вместе с тем вербовка революционеров царской охранкой была вынужденной и рискованной мерой. На ненадежность и аморальность таких сотрудников справедливо указал А.И. Спиридович: «Слишком развращающее действовала подпольная революционная среда на своих членов своею беспринципностью, бездельем, болтовней и узкопартийностью, чтобы из нее мог выйти порядочный чиновник, – считал жандармский док. – Он являлся или скверным работником, или предателем интересов государства во имя партийности и революции. Были, конечно, исключения, но они являлись именно исключениями»³¹. Кроме того, пополнение агентурной сети тайной полиции за счет революционного подполья таило в себе серьезную опасность. «Расширение внутренней агентуры способствовало появлению “двойных” агентов, – отмечает Д.В. Рязанов, – работавших одновременно на полицию и революционные организации (Е.Ф. Азеф и др.), распространению провокации и дискредитации методов политической полиции»³².

При этом, говоря о процедуре «оформления» новоиспеченного агента, Муравьев, считал ее также преступной: «в случае успеха склонения в сотрудники, необходимо принять, по соглашению с прокурорским надзором, меры к изъятию из дознания таких протоколов допроса, которые могут провалить заагентур[ен]ного обвиняемого»³³. Так, в ходе допросов руководителей полицейских учреждений выяснилось, что, когда наступал момент вербовки будущего провокатора, то прокуроры, работавшие по политическим делам, покидали комнату, в которой оставался жандармский офицер, с тем, чтобы вернуться в нее уже после того, когда это дело будет закончено.

Муравьев подчеркнул, что в данном случае «ведомство юстиции работает вкуче и влюбсе с ведомством внутренних дел», и подобные действия судебного ведомства должны «...быть ему вечным укором»³⁴, – подытожил он. Но наряду с «вечным укором» и инструкция, и действия ответственных сотрудников двух правоохранительных ведомств однозначно оказывались за гранью закона. «Преступность вербовки агентов таким способом состояла в том, что власть сотрудничала, укрывала и оплачивала людей, которые с точки зрения закона были преступниками, состоя членами “преступных сообществ”, ставивших своей целью “ниспровержение существующего строя”»³⁵, – справедливо отмечал Аврех.

Почти все внимание комиссии сосредоточилось на нескольких криминальных сюжетах, связанных с провокаторской деятельностью. Среди них основное место занимали два дела – Е.Н. Шорниковой и Р.В. Малиновского. Центральным стержнем расследования стала криминальная триада: «инструкция – Шорникова – Малиновский», на которую в дальнейшем в

ходе допросов нанизывались остальные факты и оценки, связанные с вербовкой и использованием провокаторов, и, таким образом, выстраивалась вся обвинительная конструкция по разоблачению системы полицейской провокации в России.

В качестве примера крупной и удачной акции Департамента полиции с участием агента-провокатора Муравьев привел дело социал-демократа, депутата IV Государственной думы, Р.В. Малиновского, который, будучи завербован охранкой, был избран в IV Думу от рабочих Москвы при помощи полиции. Буквально несколькими штрихами председатель ЧСК обрисовал основные этапы работы политической полиции в этой акции: «они его где-то наметили, они проводили [его] снизу вверх, они делали [его] членом Думы совершенно сознательно, они устраняли на его пути все препятствия. Они устраивали ему поездки по России, отпускали за границу, и <...> сколько, с точки зрения тогда существовавшего закона, больших и малых преступлений он создал вокруг себя во время своих поездок и какое бесчисленное количество людей погубил, отправил в тюрьму, в ссылку и т.д.»³⁶.

По ходу расследования этого дела «всплывали» одиозные фигуры других провокаторов. Эти перекрещивающиеся криминальные линии также приходилось отрабатывать. В связи с тем, что революционеры большую часть своей жизни провели за границей, приходилось задействовать в процессе расследования Комиссию по разбору архивов заграничной агентуры Департамента полиции в Париже. Одним из свидетельств такого сотрудничества является телеграмма ее руководителя Е.И. Раппа от 29 июля 1917 г. председателю ЧСК, в которой он просил уточнить, – «найден ли какие-либо данные о принадлежности к секретным сотрудникам Аарона Таратуты³⁷, партийная кличка “Виктор”, бывшего члена большевистского центрального комитета»³⁸.

По делу Малиновского Комиссией было допрошено более 30 человек. Наряду с подследственными ЧСК свои показания дали представители общественности и двух социал-демократических фракций. Это дело приняло такой эксклюзивный характер и актуальность среди сотрудников Комиссии, что даже Муравьев, предваряя один из двух допросов Бурцева, позволил себе на мгновение отойти от принятой им солидной манеры и, шутя, сказал: «Теперь перейдем к очень для нас интересной теме о Малиновском. Это модерн»³⁹.

Впрочем, на других допросах ни ему, ни другим членам президиума ЧСК было не до шуток. Так, на одном из допросов С.Е. Виссарионова, когда речь зашла о деле Малиновского и председатель в очередной раз высказал по поводу провокационной деятельности укор в адрес жандармского генерала, тот, по словам Блока, изъявил желание «принести раскаяние в лице комиссии перед всем русским народом»⁴⁰. «Это ошибка была с моей стороны <...>, – признался Виссарионов. – Я

слишком был дисциплинирован, верил директору»⁴¹. Трудно судить о том, насколько искренним было его раскаяние, тем более что В.Ф. Джунковский отзывался о своем подчиненном как о человеке, который «не имел никаких принципов, ничем не брезгал, был большой подхалим, а с подчиненными надменен»⁴².

Следствие по делу Малиновского⁴³ вели опытные отечественные криминалисты: следователь по особо важным делам П.А. Александров⁴⁴ и товарищ прокурора Петроградского окружного суда Н.А. Колоколов⁴⁵. 26 мая 1917 г. Александров допросил в качестве свидетеля по этому делу В.И. Ульянова (Ленина). «Когда он допрашивал Ленина, у нас в комиссии – переполох, – вспоминал его коллега С.А. Коренев. – Все стремятся посмотреть на продавца России и хоть вслед ему плюнуть: на большее порохоу ни у кого не хватает, да и Ленин-то пока еще многим из нас кажется всего лишь клоуном от революции – Пуришкевичем навыворот»⁴⁶. Кроме вождя партии были также допрошены его соратники – Г.Е. Зиновьев, Н.К. Крупская, В.П. Ногин, А.И. Рыков, Н.И. Бухарин, А.В. Шотман, Е.Ф. Розмирович, Я.М. Свердлов, А.Е. Бадаев и М.К. Муранов.

Сравнивая поведение на допросах важных свидетелей – партийных вождей, Коренев отметил, что «...Ленин и Зиновьев ведут себя совершенно различно»⁴⁷. Это выразилось в том, что последний, болезненно реагирующий на обращение к нему следователя: «Апфельбаум», превратил свое посещение Комиссии в «некоторую демонстрацию наглости» и усиленно изображал из себя «вторую скрипку в своей партии». Допрос этого «коммивояжера по галантерейной части», как отзывался о нем Коренев, мало чего дал для следствия, поэтому весь интерес Александрова сосредоточился на другой персоне – товарище Ленине. Здесь картина оказалась совсем другая. «Ленин на допросе оказывается не только приличным, но и крайне скромным», – отмечал следователь, и пояснял возможную причину такой «скромности»: «Положим, по сравнению с Зиновьевым, его роль на следствии очень невыгодная. Ленин здесь, если не обвиняемый, то наиболее ответственное лицо, – глава партии, который лично наметил ответственного представителя от своей группы в законодательное собрание <...>, а там получился этакий скандал»⁴⁸, – констатировал полковник Коренев.

Судя по тексту показаний Ленина, в качестве главного аргумента в свое оправдание он приводил безграничную степень доверия к Малиновскому, ссылаясь на высокую популярность и выдающиеся способности провокатора и на то, что за ним практически не осуществлялось никакого контроля со стороны партийного руководства. «Русских членов ЦК было немного; ведь я и Зиновьев жили за границей, – сетовал вождь большевиков. – Из здешних Сталин (Джугашвили) большею частью был в тюрьме или в ссылке. Малиновский здесь,

конечно, выделялся)⁴⁹ и проявлял, по мнению Ленина, собственную инициативу по налаживанию связей с финляндской социал-демократией, устройству типографии и пр.

По итогам допроса у членов Комиссии сложилось впечатление, что «Ленин душой не кривит, когда отрицает всякое свое знакомство с русской охранкой»⁵⁰. Впрочем, на фоне распространившейся информации о сотрудничестве «вождя мирового пролетариата» со спецслужбами вражеского государства выяснение этого вопроса отчасти теряло свою важность и остроту. «Странным кажется только одно, – размышлял Коренев, – почему Ленин, по-видимому, так волнуется и хочет отбросить всякие намеки, заподозрывающие его в политической бесчестности и продажности в то время, когда история с запломбированным вагоном и германскими деньгами, заплаченными за грядущий Брест-Литовский мир, становится секретом полишинеля. Не все ли равно, от кого были получены им тридцать серебряников?»⁵¹, – риторически вопрошал следователь.

Еще одним сложным криминальным клубком, который пришлось распутывать ЧСК, было дело Е.Н. Шорниковой, также напрямую связанное с провокаторством. О том, насколько тяжело было расследовать это дело, эмоционально поведал А.А. Блок: «Ах, как мне надоело это дело Шорниковой – еще с маклаковского допроса. Большое дело, много о нем говорят. Разгони сон, разгони!»⁵². По этому делу одним за другим и по несколько раз были допрошены все фигуранты ЧСК, имевшие к нему отношение. В основном это были руководители департамента полиции, но они не очень-то хотели откровенничать по этому поводу. Характерный эпизод «забывчивости» С.Е. Виссарионова воспроизвел Блок: «Дела Шорниковой он (Виссарионов. – Ю. В.) не знает. Не знает ли? Муравьев сомневается в этом. И напоминает. Испуганно Виссарионов говорит, что не помнит; испуганно как-то. Он отрицает свое участие и утверждает, что всегда *протестовал*»⁵³.

В конце концов Виссарионову приходится все-таки признать: «Виноват, этих обстоятельств, что она (Шорникова. – Ю. В.) была скрыта, что снабжена паспортом я совершенно не знаю»⁵⁴. Даже если он и не кривил душой, отрицая свою причастность к агенту Шорниковой, это все равно не делает ему чести, как руководителю, который должен был быть в курсе подобных дел. Поэтому Виссарионов, как бы оправдываясь, далее заявил: «Когда я узнавал об этом, я всегда протестовал против этого и указывал, что это совершенно недопустимая вещь»⁵⁵. Материалы допросов по этому делу составили внушительный фолиант: «Они (члены Комиссии. – Ю. В.) все время рассматривают это толстенное дело (Шорниковой), – отмечал Блок. – <...> Большие паузы, председатель читает дело»⁵⁶. Как выяснилось, Шорникова была агентом-провокатором петербургской охраны и сыграла главную роль в аресте и предании суду

социал-демократической фракции II Государственной думы. Зная, что она разыскивается судебным следователем (не осведомленным о ее провокаторской роли), Департамент полиции продолжал еще некоторое время пользоваться ее услугами, а потом скрывал ее.

Полученные в ходе следствия сведения позволили Муравьеву сделать вывод о том, что полицейская провокация представляла собой сложную и разветвленную систему, благодаря которой в обход закона и втайне от правительства «устраивались искусственные побеги (как, напр., Петрова) лиц, бежавших с каторги и затем попавшихся, <...>, как это было по делу Шорниковой, когда одной рукой писался циркуляр о том, чтобы искать Шорникову, а другой рукой устраивали Шорникову на место сестры милосердия в общину Красного Креста или сиделицею в винной лавке, причем вносили за нее залог, переводили ее в качестве сотрудника из одного охранного отделения в другое»⁵⁷.

Можно утверждать, что существование системы провокации внутри российских спецслужб не вызывало сомнений у сотрудников ЧСК. В то же время допрашиваемые долго и упорно отрицались от признания подобных методов работы преступными. То, что практиковалось в их ведомстве, они предпочитали или не связывать с понятием «провокация», или считали эти действия вынужденными. Так, например, А.В. Герасимов признавал, что с точки зрения закона участие агенты в революционном движении было преступным, «но это была необходимость – необходимость, требуемая Министерством внутренних дел»⁵⁸. В конечном итоге и С.П. Белецкий, и С.Е. Виссарионов и др. все-таки признали справедливость обвинений в том, что в их ведомстве провокация допускалась и поощрялась⁵⁹. А поначалу тот же самый Белецкий не уставал повторять: «Когда я был директором департамента полиции, с провокацией все мы боролись до крайности»⁶⁰.

Руководители полицейских учреждений вначале пытались уверять, что использовали только осведомителей, оставаясь принципиальными противниками провокации. «Они не были при этом оригинальны, – обратил внимание на уязвимость таких объяснений И.С. Розенталь, – такую позицию официально защищал П.А. Столыпин, когда 11 февраля 1909 г. в III Государственной думе обсуждался запрос об Е. Азефе: в качестве министра внутренних дел Столыпин взял его под защиту, отрицая факт провокаторства. Впоследствии подобным же образом изобразил свою и Азефа деятельность его руководитель А.В. Герасимов, заявивший, что “никогда не был обманут” Азефом, “а о провокации даже говорить не приходится”»⁶¹.

Эту позицию упорно отстаивали и остальные руководители министерства внутренних дел. Так, например, на вопрос председателя, обращенный к В.Ф. Джунковскому, не считал ли он преступлением сам факт участия агентов «в революционном сообществе», последний ответил отрицательно:

«Я считал это не провокацией, а шпионажем»⁶². Провокацией он считал только те случаи, когда агенты сами участвовали в совершении преступлений. В связи с этим Розенталь справедливо заметил, что для идентификации провокации «необходимо конкретно рассматривать поведение каждого агента, чтобы убедиться, был ли он провокатором или же всего лишь “наблюдал и передавал информацию”»⁶³.

Необычную точку зрения на то, что считать провокацией, высказал Виссарионов. Его оригинальную трактовку провокации тонко уловил и воспроизвел Блок: «*Не подстрекать, а наблюдать* – вот что они думали! Созерцание законно, а действие противозаконно. Система. Раз поддерживается этой системой строй, то нельзя входить в такую детальную критику этой системы»⁶⁴. Провергнуть казуистические доводы опытных полицейских генералов юридически было очень трудно. Обратив на это внимание, А.Я. Аврех даже обосновал мысль о юридической неуязвимости позиций сотрудников министерства внутренних дел⁶⁵.

Характерную терминологическую путаницу, заключенную в проблеме провокации, исследовала и американский историк А. Гейфман, резонно отметив, что необоснованно называть всякого полицейского агента провокатором⁶⁶. Действительно, между действиями агента и провокатора всегда существовала тонкая, невидимая грань. Даже пресловутая полицейская инструкция рекомендовала не переходить «весьма тонкую черту», отделяющую «сотрудничество» как осведомительную деятельность от провокаторства⁶⁷. Правда, инструкция не объясняла, каким образом это можно было бы соблюсти.

Задумываясь над этой коллизией и абстрагируясь от юридического смысла термина «провокация», Розенталь аргументированно поставил ряд вопросов по поводу этой «терминологической путаницы»: «...возможно ли было в изучаемую эпоху, с учетом реальной эволюции режима, остаться только осведомителем, действуя в границах, предписанных Департаментом полиции? Случайно или намеренно эти границы были и оставались нечеткими? Иными словами, случайно ли возникла “терминологическая путаница”?»⁶⁸.

Отвечая на эти вопросы, следует отметить, что в материалах Комиссии, в частности в показаниях руководителей полицейского ведомства, содержатся свидетельства, подтверждающие то, что рамки провокации были намеренно размыты для того, чтобы любой агент имел возможность своеобразного маневра в той или иной ситуации. Кроме того, в охране понимали и допускали, что оставаться только осведомителем агенту не всегда удастся, и в таких случаях его скатывание к провокации становилось неизбежным. Бывший начальник особого отдела Департамента полиции И.П. Васильев признавал, что руководители ведомства проявляли к фактам провокации

«снисходительное отношение» или «молчаливое попустительство»⁶⁹.

В том, что ЧСК приступила к скрупулезному и беспристрастному расследованию системы провокации в России, в частности дела Малиновского, Аврех увидел «несостоятельность самого расчета» и обреченность этого направления ее деятельности. Вина ЧСК, по его мнению, была уже в том, что следователи стали «раскручивать» запретную криминальную тему, связанную с провокаторами-большевиками. Если следовать логике его рассуждений, то получается, что «контрреволюционный характер» работы Комиссии заключался уже в том, что при расследовании дела Малиновского следствие очень близко подошло к вождю большевиков и его супруге.

Во-первых, самому Владимиру Ильичу пришлось давать Комиссии свидетельские показания. А во-вторых, в поле зрения следствия попала и отложились в материалах дела переписка Н.К. Крупской с провокатором⁷⁰. О ее контактах с Р.В. Малиновским откровенно поведал и сам Ленин: «За организационными связями и делами Малиновского больше следила моя жена, бывшая секретарем ЦК в течение долгого ряда лет»⁷¹. Правда, подробно комментировать содержание этих соработнических взаимоотношений он не стал.

Еще в 20-е гг. XX в. было высказано мнение о том, что в работе ЧСК «юриспруденция <...> непосредственно подчинялась политике», а допросы по делу провокатора велись так, чтобы «зацепившись за Малиновского потянуть нити от Департамента полиции ко всей партии большевиков»⁷². Паническая боязнь большевиков и их идеологических наследников запятнать свою «честь» связями с охранкой, конечно, объяснима. Но в данном случае, думается, для ЧСК была более важна задача разоблачения всей системы провокации, созданной Департаментом полиции, а не огульное опорочивание той или иной партийной организации.

10 июля 1917 г. после опубликования в газете «Живое слово» (№ 51) за подписями Г. Алексинского и В. Панкратова статьи о том, что Ленин и большевики – германские шпионы, в ЧСК, так же как и во многих других кругах, поднялся ажиотаж с призывами привлечь предателей к ответственности. «Едва я пришел во дворец, вся здравомыслящая обывательщина мнений его аборигенов кинулась на меня. Все наперерыв: арестовать большевиков, давно надо было...», – передал настроение Комиссии Блок, но тут же отметил и реакцию председателя: «Холодный Муравьев против ареста Ленина и старается ликвидировать спор»⁷³. Подобная позиция председателя ЧСК в очередной раз свидетельствовала о его беспристрастности, объективности и взвешенном подходе даже в этой острой ситуации. Поэтому упрекать его или членов Комиссии в предвзятости к большевикам нет никаких оснований. Право и закон, вопреки мнению «Пролетарской революции», все-таки

превалировали в деятельности ЧСК, хотя ее работа и подвергалась постоянно нападкам и слева, и справа.

Думается, что для получения беспристрастных и объективных результатов в разоблачении системы провокации в России и для привлечения виновных к ответственности Комиссия должна была провести комплексное расследование как полицейской, так и «партийно-революционной» провокационной деятельности одновременно, не делая ни для той, ни для другой стороны исключений. Иными словами, необходимо было исследовать две стороны одной «медали» провокации. Но, во-первых, такая задача Временным правительством перед ЧСК не ставилась. А во-вторых, самой историей Комиссии, так же как и новой власти, учредившей ее, был отведен короткий отрезок времени. Таким образом, финал криминального сюжета, расследованного ЧСК, под названием «провокация» остался, к сожалению, «за кадром» большевистского переворота.

Примечания

- 1 Полное официальное название этого органа: Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц Российской империи (далее – ЧСК).
- 2 *Муравьев Н.К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии»: Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня. С. 15.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.
- 6 Там же. Л. 43.
- 7 Там же. Л. 45.
- 8 Там же. Л. 47.
- 9 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 47.
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 91.
- 12 *Розенталь И.С.* Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 16.
- 13 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 17.
- 14 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 85–91.
- 15 *Блок А.А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 332.
- 16 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 18.
- 17 Там же.
- 18 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 226об.
- 19 *Лонге Ж., Зильбер Г.* Террористы и охранка. М., 1991. С. 3.
- 20 *Аврех А.Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118. С. 88.
- 21 *Розенталь И.С.* Указ. соч. С. 11.
- 22 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 25.
- 23 *Лурье Ф.М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. СПб., 1992. С. 5.
- 24 *Розенталь И.С.* Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 15.
- 25 Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 272.
- 26 *Лурье Ф.М.* Указ. соч. С. 7.
- 27 *Блок А.А.* Записные книжки. С. 364.
- 28 *Завадский С.В.* На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 31.
- 29 Падение царского режима. Т. 1. С. XXVIII.
- 30 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 87–88.
- 31 *Спиридович А.И.* При царском режиме // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 15. С. 128.
- 32 *Рязанов Д.В.* К истории борьбы с терроризмом в России: XIX – начало XX в. // Присяжный поверенный: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. Вып. 2. С. 76.
- 33 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 89.
- 34 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 90.
- 35 *Аврех А.Я.* Указ. соч. С. 89.
- 36 *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С.
- 37 Аарон Таругута настолько сжился со своей партийной кличкой, что она заменила ему родное имя, и везде – в партийных документах и в литературе – он проходит как «Виктор Таругута».
- 38 ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 10. Л. 51.
- 39 Падение царского режима. Т. 1. С. 313. Безобидный юмор председателя ЧСК не на шутку покоробил большевистского бонзу Г.Е. Зиновьева, натолкнувшегося в опубликованных материалах Комиссии на эту фразу. (См.: *Зиновьев Г.Е.* Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 189.)
- 40 *Блок А.А.* Записные книжки. С. 363.
- 41 Падение царского режима. Т. 3. С. 462, 464.
- 42 ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 14.
- 43 Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 61; Д. 70; Д. 147.
- 44 П.А. Александров вел дело Р.В. Малиновского до 10 июля 1917 г., а затем был переведен в «Особую следственную комиссию по расследованию июльских событий в Петрограде».
- 45 Н.А. Колоколов вел дело Р.В. Малиновского до 29 августа 1917 г., до того момента, когда он был назначен членом «Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках». (См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. Отд. I. № 212. Ст. 1387.)
- 46 *Корнев С.А.* Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 7. С. 26.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Показания В.И. Ленина Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 54.

⁵⁰ Коренев С.А. Указ. соч. С. 26.

⁵¹ Там же.

⁵² Блок А.А. Записные книжки. С. 336.

⁵³ Там же. С. 344.

⁵⁴ Падение царского режима. Т. 3. С. 454.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Блок А.А. Записные книжки. С. 337.

⁵⁷ Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 25.

⁵⁸ Падение царского режима. Т. 3. С. 8.

⁵⁹ Там же. Т. 1. С. 77; Т. 2. С. 94, 95, 116.

⁶⁰ Там же. Т. 3. С. 270.

⁶¹ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 17.

⁶² Падение царского режима. Т. 5. С. 73.

⁶³ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 18.

⁶⁴ Блок А.А. Записные книжки. С. 344.

⁶⁵ См.: Аврех А.Я. Указ. соч. С. 88–90.

⁶⁶ Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 334–335.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 90.

⁶⁸ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 18.

⁶⁹ См.: Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1922. С. 41–42.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–13.

⁷¹ Показания В.И. Ленина. С. 51.

⁷² Пролетарская революция. 1927. № 1. С. 238, 242.

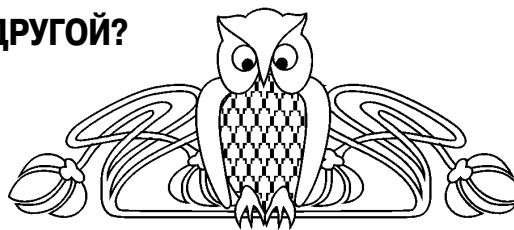
⁷³ Блок А.А. Дневник. М., 1989. С. 228–229.

УДК 94(470)

СТАНЕТ ЛИ ПОСЛЕКРИЗИСНАЯ РОССИЯ ДРУГОЙ?

В.И. Тюрин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени
и международных отношений.
E-mail: vladimirtyurin@rambler.ru

В статье исследуется состояние российской экономики до кризиса и сущность политики элиты. Изучаются антикризисные меры правительства и определяется возможность преодоления сырьевой зависимости России.

Ключевые слова: мировой кризис, российский кризис, «Капитал» К. Маркса, торговый капитал, банковский капитал, корпоративный капитал, олигархи, олигополия, антикризисная политика, сырьевая зависимость.

Is Russia Going to be Different after Crisis?

V.I. Tyurin

This article focuses on the condition of Russian economy before crisis and the point of elite policy. Anti-crisis measures are discussed and also are defined on opportunity to get over of rough dependence.

Key words: world crisis, Russian crisis, Marx's "Capital", trading capital, banking capital, corporative capital, the oligarchs, oligopoly, anti-crisis policy, rough dependence.

Мир растерялся от глубины, масштаба, необычного течения, скорости распространения, непредсказуемости результатов мирового финансового и экономического кризиса.

Актуальным стало поставить диагноз, прежде чем назначать действенное лечение. Еще вчера весьма активные сторонники идей либерал-фридменизма и мыслить не могли, чтобы обратиться к учению Дж.М. Кейнса как философии антикризисного действия. Сегодня же правительства ведущих стран мира одно за другим стряхивают прах неолиберальных идей известнейших нобелевских лауреатов. Кроме того, для более глубокого проникновения в суть кризисных явле-

ний и процессов масса университетской профессуры, аспирантов, студентов, предпринимателей, клерков, экономистов, социологов, политологов интуитивно выбрали десятилетиями пылившийся на библиотечных полках «Капитал» К. Маркса. В качестве универсального средства и инструмента антикризисных шагов и мероприятий стали применяться многомиллиардные вливания государства в банковскую сферу и ряд других секторов народного хозяйства, усиление регулирующей роли государства или его откровенное вмешательство в святая святых либеральных ценностей – деятельность частного бизнеса, корпораций. Это дало повод тут же эту тенденцию окрестить как социалистическое перерождение либерального капитализма, продемонстрировавшего во многом свою несостоятельность дать эффективный ответ на вызовы кризисной эпохи.

Кризис, как и в 1929 г., начался в 2008 г. в США, затронул Европу, осенью 2008 г. докатился до России, не обошел стороной Индию и Китай, осложнил положение дел в Японии.

И вплоть до лета 2009 г. не прекратил своего разрушительного влияния на мировую экономику, положение дел в различных уголках миросистемы. Но и до сих пор никому не известно, достиг ли он своего «дна», не ясно, когда начнется оживление, а затем и рост мировой экономики. Высказываются ни на чем не основанные предположения о начале «взлета» осенью 2009 – весной 2010 г., не исключается, что кризис протянется еще 2–3 года. Попытки ведущих государственных деятелей мира, известнейших экономистов,

стратегов экономической политики осмыслить сущность этого кризиса и наметить пути выхода из него, предпринятые в конце 2008 – первой половине 2009 г., оказались безрезультатными. Кроме очевидных шагов по недопущению в современных условиях «тупого» протекционизма, мер по выводу на авансцену экономической жизни альтернативных доллару валют и платежных средств, созданию новых финансовых центров ничего другого так и не было предложено.

Эта кризисность наиболее глубоко и сильно проявилась на двух полосах: в самой могущественной державе мира – США и бывшей сверхдержаве, осколке Советского Союза – России, де-факто превратившейся в развивающуюся страну, постепенно и мучительно освобождающуюся от имперских амбиций, но желающую, тем не менее, играть роль активного, если не ведущего члена мирового сообщества. Но исходные позиции обеих стран, охваченных кризисом, просто несопоставимы. Это касается их потенциала, места в миросистеме и возможностей оказывать воздействие на ход мировых событий. США – по-прежнему экономически самая могущественная держава мира, с высоким уровнем развития IT-технологий, с мощными интеллектуальными силами и современной наукой, с развитым военно-промышленным комплексом и космическими структурами, с чрезвычайно динамичной внешней политикой.

Вместе с тем США за последние десятилетия, оставаясь ведущей державой мира, утрачивала, порой весьма существенно, и свою мощь, и свой потенциал, и свою возможность во многом единолично влиять на мировую политику. Но Америка продолжала оставаться, жить и развиваться в системе своего традиционного цивилизационного культурного ареала.

Что касается нынешней России, то она вышла на авансцену истории в результате произошедшего глубочайшего цивилизационного разлома, положившего конец советской квазисоциалистической цивилизации. На ее обломках российские квазилибералы форсированно, нахраписто, без оглядки на историческое прошлое, построили для себя, не для России, квазилиберальную цивилизацию. Жестокость, основательность и тщательность, с которой в первой половине 1990-х гг. российские неолибералы крушили советскую систему и ее ценности, можно сравнить с деяниями пришедшего извне иноземного врага. Его задачей являлось взять, присвоить и использовать все наиболее ценное, оказавшееся абсолютно незащищенным, а все остальное уничтожить и растоптать.

В кратчайшие сроки была разрушена прежняя государственная, политическая система, политическая культура. Были варварски уничтожены промышленность, сельскохозяйственный, транспортный, энергетический потенциал, банковская система. Произошли обрушение, обескровливание науки, культуры, катастрофический обвал народ-

ного образования, медицины, системы подготовки кадров квалифицированных рабочих и самого кадрового состава рабочего класса. Вымылся огромный пласт научно-технических специалистов, представителей творческой, научной интеллигенции.

Одновременно в 1990-е гг. достигла огромных размеров социальная, имущественная поляризация общества. Россия – невиданно богатая природными ресурсами страна. Но именно в ней, в отличие, скажем, от нефтедобывающих стран Персидского залива, произошло невиданное для мирного времени обнищание крупных сегментов общества, скудно питающихся, еле-еле сводящих концы с концами, вымирающих, ежегодно уменьшавших население России на 800 тыс. – 1 млн людей, в том числе детского и трудоспособного возраста.

Страта мелкого и среднего бизнеса не получила своего развития, душима алчным чиновничеством, с которым тесно срослись олигополии. За последние 18 лет политическая элита страны культивировала, лелеяла, защищала интересы естественных монополий, выросших в мощнейшие олигархические структуры в банковском деле, торговле.

Они переплелись, срослись с госаппаратом, чиновничеством на федеральном и местном уровне. Они захватили, поделили, приватизировали государственную собственность Советского Союза. Они «прихватили» банки, естественные ресурсы, землю, лесные массивы, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, водные ресурсы страны, ее энергетику, транспорт, торговлю, здравоохранение, медицину, науку, культуру. Сознательно разрушив, уничтожив промышленность, в том числе и станкостроение, легкую промышленность, они поставили себе на службу только отрасли, экспортирующие сырье: нефть, газ, лес, каменный уголь, сталь, алюминий, цветные металлы, электроэнергию, транспортные трубопроводные системы, алмазы, удобрения. Внешняя торговля, экспорт превратились в доминирующий сектор экономики России. При активном участии государства возник, разросся, укрепился в масштабах России и другой гигантский корпоративный спрут, монополизировавший ввоз в Россию огромного количества промышленных товаров, продуктов питания, парфюмерии, лекарств, технологий, включая IT, оборудования, станков, машин, автомобилей – всего того, что могла бы производить национальная промышленность и что так необходимо каждому и всем. Этот корпоративный капитал захватил весь внутренний рынок России, почти уничтожил самостоятельность мелкого и среднего производителя и торговца.

Официальной доктриной, которая сверху освещала процесс становления и утверждения этого дикого, воровского капитализма, был признан либерализм и монетарная его составляющая. Регулятором всех процессов в экономике и обще-

стве признавался только рынок. Рынок, которого в условиях господства олигархического капитала не могло и не может быть. При этом само российское правительство в первой половине 1990-х гг. стало комитетом всевластия самих олигархов. Во второй же половине 90-х гг. оно превратилось в комитет по управлению делами российского олигархического капитала, стоявшего прежде всего на защите и преумножении его интересов.

Путинская эпоха, по существу, не изменила положения вещей. Откровенность В.В. Путина не оставляла сомнений на этот счет. В интервью американскому телеканалу Bloomberg он разоткровенничался: «Почему-то сложилось мнение, что я – истребитель миллиардеров. Это не так. Я никогда не ставил перед собой цель истреблять миллиардеров. Я ставил перед собой цели, чтобы все жили по правилам, которые называются законами...» При этом государственная поддержка обеспечивалась, по его утверждению, только тем, кто, во-первых, занимается реальным производством, а, во-вторых, не утрачивает чувство социальной ответственности¹.

В этой связи тенденции по укреплению позиций государства в экономике свидетельствовали лишь о перераспределении в конкретных случаях в пользу бюрократии супербогатства российских олигархов, когда политика кого-либо шла вразрез с интересами первых лиц государства или когда связанный с олигархами иностранный капитал, ставший важнейшей составляющей российской экономики, угрожал утратой целых ее отраслей.

В понимании природы и сущности российского олигархического капитала чрезвычайно важны выводы, содержащиеся в «Капитале» К. Маркса, когда он исследует функциональную роль такой всеобщей формулы капитала как «Д–Т–Д'». Здесь капитал проявляется только в сфере обращения, но не производства, и эта форма свойственна лишь одному виду капитала – торговому, или, как пишет К. Маркс, – «купеческому»².

В этой формуле, отличной от непосредственной формы товарного обращения, обращение денег в качестве капитала есть самоцель, а движение капитала с целью его постоянного превращения не имеет границ.

В результате этого процесса из обращения (а не из производства) извлекается больше денег, чем первоначально было брошено в него. При этом, подчеркивает К. Маркс, главным лейтмотивом всех усилий такого капиталиста являются «стремление к абсолютному обогащению», «страстная погоня» за приращенной стоимостью и, как следствие, не общие интересы, а его личный «карман – вот тот пункт, откуда исходят и куда возвращаются деньги», реализуя его субъективную цель³.

На получение дополнительной меновой, а не потребительской стоимости направлено и функционирование банковского, в основе своей спекулятивного капитала, приносящего проценты. Выполняя свою роль, банковский капитал вообще

обходится без позиционирования роли товара, а посему предстает, как отмечает К. Маркс, в «лапидарном стиле», просто как «Д–Д'». То есть как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя»⁴.

Марксово видение функциональной роли и потенциальных возможностей банковского капитала дает возможность более глубоко проникнуть в суть нынешней банковской сферы России и понять ее социально обусловленную роль. К. Маркс писал: «С самого своего зарождения крупные банки, подкрепленные национальными титулами, были лишь обществами частных спекулянтов, которые оказывали содействие правительствам и, благодаря полученным привилегиям, могли ссужать деньги»⁵.

Для К. Маркса важно было подчеркнуть, что крупные общенационального уровня банки были важнейшим инструментом правительственной политики и в качестве очень значимой составляющей правительственной, государственной системы могли получить массу привилегий от государства, могли эффективно осуществлять свою спекулятивную функцию.

И по природе своей жестко не сопряженный с «позиционированием роли товара», с получением потребительской стоимости, но связанный с получением приращенной меновой стоимости, банковский капитал, как спекулятивный, исторически призван прежде всего обслуживать интересы капитала торгового, не промышленного, утверждать его позиции в качестве доминатора общественно-экономической системы. Хотя это и не значит, что банковский и промышленный капитал – антиподы и антагонисты. Просто капитал банковский начинает коррелировать свою деятельность с промышленным тогда, когда последний начинает все более определять тенденции общественно-экономического развития, не замечая при этом первой своей функции – обслуживать интересы генетически близкого ему торгового капитала.

Но в экономиках переходного типа спекулятивный банковский капитал, как и торговый, став преобладающими, нещадно паразитировали, добываясь прежде всего своего невиданного обогащения, практически пренебрегая необходимостью решения социально значимых проблем.

В этом своем качестве торгово-спекулятивный капитал, как доминирующий, играет исторически регрессивную роль. На эту сторону дела особое внимание обращал К. Маркс. Исследуя генезис этих двух форм капитала, он подчеркивал, что, выйдя из эпохи Средневековья, они «достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал»⁶.

Принципиально важны здесь несколько моментов. Прежде всего, по К. Марксу, торговый и спекулятивный капитал – это низшие и худшие

формы капитала, способные функционировать как зрелые на различных фазах общественно-экономической эволюции цивилизационного процесса. Затем, эти формы капитала, как развитые, исторически не только предшествуют промышленному капиталу и соответствующему ему способу производства, но, будучи самодовлеющими, всячески препятствуют превращению торгового и спекулятивного капитала в промышленный. Более того, чем более развитыми, зрелыми являются эти формы капитала, тем меньше существует возможностей для возникновения, становления и нормального развития промышленного капитала.

В народно-хозяйственной и социальной структуре посткоммунистической России как раз и возобладал торговый и спекулятивный капитал, на страже интересов которого стоит псевдолиберальное государство. Это то исходное основание, с которым Россия вошла в мировой экономический кризис и которое по существу предопределяет возможности структурных изменений посткризисной России.

Как экономисты, так и представители мировой политической, государственной элиты, бизнесмены по-разному определяют истоки, причины поразившего мир кризиса. В этой связи несомненный интерес представляют размышления экс-президента США Билла Клинтона, представлявшего американскую сторону на Давосском форуме 2009 года. На вопрос президента и основателя форума Клауса Шваба «Что привело мир к кризису?», Клинтон ответил: «Мы не просчитали рынки, мы выпускали слишком много ценных бумаг, которые покрывали другие бумаги. Первые симптомы кризиса появились еще в 2001 году. Но в стране и вокруг нее так соблазнительно курсировали денежные потоки... На самом деле у Америки просто не было четкой экономической стратегии»⁷.

Конкретизируя этот анализ, канцлер ФРГ Ангела Меркель на этом же форуме первопричиной кризиса назвала зашедшие слишком далеко спекуляции на американском рынке недвижимости. А вторая причина кризиса, по ее мнению, состояла в том, что Запад долго жил не по средствам. Такая жизнь дорого обошлась всему миру, ибо теперь западной экономике нужны глубокие структурные реформы. Теперь необходимо строить новые экономические модели, новые институты, вырабатывать новые правила игры. А в целом это будет уже другой мир⁸.

Эти откровения Ангелы Меркель дают повод усомниться в простоте диагноза заболевания по имени «мировой кризис». Если уж всей западной экономике нужны глубокие структурные реформы, необходимы новые экономические модели, новая институциональная составляющая и новые правила игры, то, видимо, сбой произошел не из-за разгула спекуляций на американском рынке недвижимости и не вследствие утраты чувства меры Западом, живущим не по средствам.

В преддверии саммита двадцатки в Лондоне в апреле 2009 г. Президент США Барак Обама частично признал вину Америки «за те неприятности, с которыми столкнулись все мы». Он не прописывает рецепт преодоления этих «неприятностей», но глубоко убежден, что «мы должны выбирать не между хаотичным и безжалостным капитализмом и угнетающей централизованной экономикой»⁹.

В этом отрицании Б. Обамой сциллы капитализма и харибды социализма звучит приговор доктрине и практике либерализма и свободной рыночной экономике, ставших повивальной бабкой этого «хаотичного и безжалостного капитализма».

Иными словами, Б. Обама видит в случившихся «неприятностях» яркое проявление системного кризиса миросистемы и необходимость, вслед за А. Меркель, разработки новой модели цивилизационного развития и новых правил игры.

Правда, что собой должна представлять эта новая модель и новые правила игры, пока никому не удалось определить. Ясно одно, что все меры «тушения пожара» мирового кризиса, громко называемые «стимулированием обновления», не являются стимулированием, но выступают лишь ответом на чрезвычайные обстоятельства. И лишь в некоторых своих параметрах и проявлениях они намечают возможные пути обновления.

Впрочем, Президент РФ Д. Медведев, открывая 5 июня 2009 г. Петербургский Международный экономический форум, сформулировал те базисные основания, на которых только и могут происходить переформатирование мира, моделей поведения рынков. К ним он отнес самоценность свободы, демократические, культурные ценности¹⁰.

Другими словами, для Д. Медведева по сути своей нелиберальные ценности и есть та основа, на которой только и возможно это переформатирование мира. Но если исходить из базовых принципов нелиберальной доктрины – недопустимости вмешательства государства в идеологию и социально-экономический процесс, то практика преодоления кризисных явлений и на Западе, и в России, и в Японии и Китае свидетельствует, что эта доктрина уже не есть абсолютная истина и руководство к действию. Новый всемирный кризис стал окончательным душеприказчиком всей нелиберальной системы.

Исторический опыт свидетельствует о том, что в России 1990-х – первом десятилетии XXI в. возобладала квазилиберальные доктрины, сверху освещавшие развитие в стране квазирыночной экономики, демократии и свобод.

И даже в рамках этих стратегических установок Россия к началу мирового экономического кризиса, настигшего ее в сентябре 2008 г., добилась, казалось, впечатляющих успехов. Так, в 2007 г. Россия заняла 10-е место в мире по темпам роста ВВП, а по паритету покупательной способности вышла на 7-е место в мире¹¹. По раз-

мерам инвестиций Россия сравнялась с Китаем. При этом ожидалось, что к 2010 г. накопленные иностранные инвестиции удвоятся, достигнув 490 млрд долл.¹² Эти прогнозы казались реальными, так как за январь–сентябрь 2008 г. приток валюты в Россию составил 153,3 млрд долл.¹³

Быстрыми темпами росли золотовалютные резервы России, достигшие к сентябрю 2008 г. 582,2 млрд долл.¹⁴ Внушительных размеров достигли и средства бывшего Стабилизационного фонда РФ, который с 2008 г. был разделен на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. На 17 ноября 2008 г. в Резервном фонде насчитывалось 3 трлн 588 млрд руб., а в Фонде национального благосостояния – 1 трлн 672 млрд руб.¹⁵ И только за предкризисные месяцы 2008 г. эти фонды, по свидетельству А. Кудрина, принесли доход в размере 232 млрд руб.¹⁶

Не случайно политическое руководство России заговорило о функционально новой роли страны на международной арене. В своем выступлении на Петербургском экономическом форуме в июне 2008 г. Президент РФ Д. Медведев констатировал, что Россия сегодня – глобальный игрок с соответствующими публичными возможностями и ресурсами¹⁷.

А отсюда вполне логично, считал он, превращение Москвы в мощный мировой финансовый центр, а рубль – в одну из ведущих региональных валют и интегрирование России в мировой рынок капиталов.

Более того, руководство страны активно стимулировало инвестиции российских компаний за рубежом с целью, как считал Д. Медведев, обеспечения равных конкурентных условий на мировых рынках и «осуществления серьезного технологического рывка»¹⁸. А первый вице-премьер РФ И. Шувалов, выступая на том же форуме, заявил, что для превращения России к концу 2008 г. в шестую по размеру экономику мира, в один из мировых финансовых центров ей прежде всего необходимо преодолеть «психологию догоняющего». «Нам нужен прицел на лидерство, – пояснял И. Шувалов. – Но для этого мы должны стать настоящей энергетической сверхдержавой при одновременном избавлении от “ресурсного проклятия”, когда доминирование сырьевой составляющей мешает развитию других секторов экономики»¹⁹.

Отсюда становится совершенно очевидно, что монетаристская философия высших политических фигур России, определявшая стратегию ее развития на протяжении 1990-х гг. и в начале XXI в., привела к гипертрофии финансовой составляющей российской экономики, ущербности и однобокости ее развития, главной жертвой которого стало отсутствие современного промышленного потенциала.

Но и 5-е, и 6-е место в табели о рангах мировой экономики планировалось достичь за счет добычи и экспорта сырья и финансовых вливаний,

получаемых от этого экспорта средств в экономики зарубежных стран. Это получило название стерилизации дополнительных доходов от экспорта сырья, практически изымаемых из экономики России и работавших на экономику США и других развитых стран. В итоге доля сырья в экспорте России стала составлять 93%, и 65% в экспорте составляли нефть и газ²⁰.

Не случайно А. Лифшиц, один из ведущих столпов новоявленного российского либерализма, считал нужным разразиться панегириком в адрес создателя Стабфонда – этого российского чуда – министра финансов А. Кудрина. «В 2004 году он создал Стабилизационный фонд. А потом годами отбивал посягательства на него. Заначку хотели пустить на очередные нацпроекты. Раздать бедным. Вложить в производство. Разместить в российских банках. Пришлось даже увести деньги за границу. От греха подальше...»²¹. «Грех», по мнению А. Лившица, это – относительно нормальный процесс обновления социального и экономического устройства страны за счет единственного сохраненного «либералами» сектора экономики – сырьевого. Но наличие огромной массы получаемой от экспорта иностранной валюты, для которой не смогли и не захотели найти производительную работу в собственном отечестве, говорило не только о крайней степени бесхозяйственности, но и о крайней слабости внутренней экономики, неспособной обеспечить производительные инвестиции и превратить Россию в одну из ведущих держав мира.

В итоге 8 минувших лет оказались потерянными для развития и модернизации экономики России. Зато рос экспорт прежде всего невозобновляемых запасов нефти и газа. Их вывоз за 2000–2008 гг. вырос в 2 раза, а вырученные от продажи суммы увеличились с 50 млрд долл. в 2000 г. до 200 млрд долл. – в 2008 г., что давало около половины бюджета страны²².

Наряду с этим в огромных масштабах вывозились лес-кругляк, удобрения, стальные, чугунные, алюминиевые чушки, редкие металлы, алмазы, а в последние годы зерно, растительное масло. Было вывезено за рубеж и продано в качестве металлолома заводское промышленное оборудование, станки. Ухитрились продавать на металлолом боевую технику, танки, военные корабли, даже не сняв оборудования.

Одновременно невероятно быстрыми темпами росли позиции российского олигархического капитала. Только за один 2007 г., по данным «Финанса», общее количество долларовых миллиардеров увеличилось с 61 до 101. Этот поистине фантастический рост позволил России выйти по этому показателю на 2-е место в мире после США.

В целом в последний докризисный рейтинг российских миллиардеров попало 500 человек, состояние которых оценивалось в 715,3 млрд долларов США. При этом совокупное состояние первой

десятки рейтинга составило около 221 млрд долларов США²³.

Это верхушка того слоя, который в ельцинскую эпоху под эгидой государства «распилил» общественное достояние СССР и стал нещадно его эксплуатировать. За последние 18 лет не было построено ни одного крупного промышленного предприятия. Только А. Чубайс ввел в действие одну электростанцию, строительство которой было начато еще в советский период и нещадная эксплуатация которой корпоративной структурой ради получения гигантских сверхприбылей завершилась катастрофой века.

Зато полученные за счет экспорта сырья и импорта готовой продукции из-за границы баснословные прибыли направлялись на расширение олигархических империй как в России, так и особенно за рубежом. Скупалась земля, дворцы, акции промышленных и финансовых групп, торговые комплексы, системы газо-нефтепроводов и строились новые, заправочные станции. Прибыльным делом стала скупка спортивных клубов. Строились роскошные персональные яхты, самолеты, торговые комплексы и дворцы.

Очевидно, что гигантские средства выводились из экономики России и тратились на удовлетворение прихотей и амбиций «новых русских». В результате отток капитала приобрел угрожающие размеры. Нелегальный вывоз капитала из России в 1996–1998 гг. составил 18–20 млрд долл. в год. А в 2007 г., по словам министра финансов А. Кудрина, приток капитала в страну составил около 190 млрд долл., отток – 110 млрд. В итоге в экономику реально поступили 80–82 млрд. Чистый вывоз частного капитала из России только в 1-м квартале 2008 г. составил 22,8 млрд долл. Очевидно, что это больше, чем за год после дефолта. По данным Business Week, 80–85% российского частного капитала находилось за рубежом. Так сформировалась «оффшорная аристократия»: подавляющее число кипрских, английских, немецких, люксембургских и прочих инвестиций, приходящих к нам под видом иностранных, имеют российское происхождение²⁴.

Неумеренные аппетиты российских олигархов по расширению своих империй требовали огромных ресурсов, которых современная российская банковская система была не в состоянии обеспечить. Поэтому для скупки всего того, что можно было купить за границей, российские олигархи получили длинные и крупные кредиты в зарубежных банках под относительно небольшой процент под залог акций, предприятий. Российские банки также получали дешевые кредиты за границей, чтобы затем накручивать маржу в России.

Новые приобретения осуществлялись за счет перекредитования, получения новых кредитов. Среди заемщиков гигантских зарубежных сумм оказались «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», ТНК-ВР. В целом корпоративные долги только

предприятий ТЭК к осени 2008 г. составили 80 млрд долл.²⁵

Очень любил покупать новые компании на заемные деньги владелец «Русала», банка «Союз», «Ингосстраха», «Главстроя» О. Дерипаска, который набрал долгов на 14 млрд долл. Не избежали этой участи владелец НМК В. Лисин (его долг – 3,3 млрд долл.), совладелец череповецкой «Северстали», владелец «Силовых машин» А. Мордашов, совладелец Evgaz Group, владелец Chelsea и Millhouse Р. Абрамович и многие другие²⁶. Только компания Evgaz Group заняла 10 млрд долл. на покупку заводов по всему миру – от Китая до США²⁷.

Попал в зависимость от внешних займов и банковский сектор России, особенно те банки, которые проводили рискованные операции наращивания капитала и интенсивно вкладывались в ценные бумаги в виде еврооблигаций и синдицированных займов.

Под кредиты иностранным банкам также попали транспортные компании, крупнейшие торговые сети, аптечная сеть России, представители «среднего класса» – менеджеры, чиновники, служащие нефтяных компаний. Последние в огромных количествах скупали на Западе недвижимость. Причем свыше 50% сделок оформлялось на сумму менее 300 тыс. евро²⁸.

Важно отметить, что Российское государство не только поощряло экспансионистскую деятельность олигархических корпораций, но нередко обеспечивало им такую возможность, на самом высоком уровне решая с лидерами иностранных государств вопрос об участии российского корпоративного капитала в предпринимательской деятельности за рубежом.

Этот крепкий альянс Российского государства и корпоративного капитала объясняет, почему столь заботливо наше государство по отношению к нему, почему президент В. Путин в самом начале своего президентства неоднократно заявлял о невозможности пересмотра итогов приватизации 1990-х гг. И эту свою позицию он не изменил до сих пор.

Провозглашенный президентом Д. Медведевым принцип уважительного отношения к частной собственности исходит из намерения и дальше расширять позиции частного сектора за счет еще оставшихся государственных структур. Привилегированное положение олигархического капитала в нашей стране подчеркивается еще и тем обстоятельством, что государство отказывается вводить прогрессивную шкалу налогообложения, уравнивая в 13-процентной ставке налога и супербогатого долларового мультимиллиардера и сверхбедного рублевого простолюдина. Это нонсенс, ибо сегодня ни в одном цивилизованном развитом государстве мира плоская шкала налогообложения не применяется.

Итогом массированных интервенций российских корпораций в зарубежную экономику за

счет заемных средств стал огромный внешний долг корпоративного капитала. По данным Центробанка РФ, величина корпоративного долга на 1 октября 2008 г. составила 388 млрд долл. в иностранной валюте и плюс эквивалент в 108,7 млрд долларов в рублях. В целом же это составило 497,6 млрд долл.²⁹

Оказалось, что корпоративный капитал назанимал больше, чем весь золотовалютный запас России. Из суммы международных резервов на 1 августа 2008 г. в 596,6 млрд долл. непосредственно средства Центробанка составляли 434,8 млрд долл., а средства Минфина, переданные в ведение ЦБ, – 162,4 млрд долл.³⁰

Более того, весь внешний госдолг РФ на 1 января 2008 г. составлял 39,57 млрд долл. (на 1 января 2009 г. госдолг сократился до 38,67 млрд долл.), то есть 7,8% от совокупной внешней задолженности России в начале 2009 г.³¹

Огромная сумма корпоративного долга тяжелой бременем легла на вползшую в кризис в августе 2008 г. российскую экономику.

Падение спроса кризисной западной экономики на нефть, металл, лес и другие сырьевые товары России обусловило огромный дефицит ликвидности, неплатежеспособность предприятий, их остановки. Кризис поразил олигархические структуры, связанные с банковским сектором и фондовым рынком, а также с экспортом нефти, металла, леса-кругляка, удобрений. Оказались пораженными торговые структуры, мегакомпании агропромышленного сектора, строительство, сектор стройматериалов, автопром и ряд других. Все это стало серьезным вызовом утвердившейся в России квазилиберальной системе. Наступивший системный кризис был одновременно проявлением примитивизма российской экономики³².

Следуя рецепту тогдашнего министра финансов США Генри Полсона, российская элита в своих антикризисных мероприятиях не вышла за рамки финансовой сферы.

В пожарном порядке правительство выделило уполномоченным банкам для оздоровления и стабилизации экономики почти 2 трлн руб. Однако и уполномоченные банки и основная масса банков не только не включилась в реанимацию реального сектора экономики, но и оставили у себя эти средства и начали невиданный прежде процесс скупки валюты и вывоза ликвидности за рубеж. Условия медленной девальвации рубля, происходившей до начала 2009 г., превратили процесс скупки доллара в единственную работающую «отрасль» народного хозяйства России. В итоге и банки, и корпоративный капитал смогли «заработать» 1 трлн руб., а корпорации в ноябре – декабре 2008 г. смогли тихо выплатить 70 млрд долл. своих долгов и процентов по обслуживанию долга. Начав финансировать экономику, банки, получившие от государства средства под 8% годовых, сужали их под ростовщические 25–30%.

Правительство во второй половине 2008 г. оказалось бессильным заставить банки кредитовать реальный сектор экономики³³. И тогда оно решило исправлять ситуацию, вводя институт комиссаров Центробанка³⁴.

Помимо спасения малоэффективного и, как оказалось, паразитарного сектора государство зарезервировало 50 млрд долл. для гарантирования выплаты долгов олигархических структур. И тут же выстроилась за этим государственным подаянием целая очередь: «Роснефть», «Лукойл», «ТНК-ВР», «Газпром», «Русал», «Альфа-групп», «РЖД», оборонные, торговые и аптечные сети и многие другие. Они абсолютно не желали расплачиваться по своим долгам своими собственными средствами. Их спасало государство.

Одновременно около 500 млрд руб. было выделено на поддержку стабильности фондового рынка.

В сентябре – ноябре 2008 г. на стабилизационные мероприятия по поддержке курса рубля правительство выделило 100 млрд долл.³⁵ Эти выплаты продолжались вплоть до февраля 2009 г.

Для облегчения участи нефтяных корпораций государство существенно сократило вывозные пошлины.

Не получив очевидного и быстрого эффекта от вливания 2 трлн руб. в банковский сектор, правительство в конце декабря 2008 г. выделило 295 системообразующих предприятий, которым государство обещало справиться с кризисом, кредитуя их напрямую. И эти системообразующие предприятия и отрасли сразу же запросили у государства господдержку на 26 трлн руб. Это несколько менее 1 трлн долл. и в 2 раза больше золотовалютных резервов России³⁶. Одновременно правительство разработало беспрецедентные программы строительства жилья, дорог, создания транспортной инфраструктуры, сельхозмашиностроения, поддержки автопрома, поддержки малого и среднего бизнеса, обороны.

Кризис вызвал свертывание промышленной активности в малых городах, привел к невиданному росту безработицы. Так, с сентября 2008 г. по февраль 2009 г. официально зарегистрированная безработица выросла на 1,1 млн человек. В начале 2009 г. из 75,8 млн чел. экономически активного населения 5,8 млн чел. искали работу, но официально было зарегистрировано 1,8 млн чел. В конце мая их количество выросло до 2,25 млн чел.³⁷

На борьбу с безработицей выделено 54 млрд руб. В частности, пособие по безработице выросло до 4 900 руб., до 50 тыс. руб. выросли суммы, которые безработные могли бы использовать для открытия своего дела, 60 тыс. руб. могут получить оставшиеся без работы, желающие переехать на работу в другое место³⁸.

Существенно повышаются пенсии.

Но в условиях сохранения всевластия монополий сложно говорить об улучшении участи тех, кто зарабатывает (зарабатывал) своим трудом,

низкооплачиваемым категориям, пенсионерам. Словно в наказание, с 2008 г. еще более взвинчены коммунальные платежи³⁹. Свою обильную жатву собирает корпоративный торговый капитал. В 2008 г. продовольственная инфляция в России составила 17,7% – в 4,3 раза больше, чем в Евросоюзе (4,1%). Причем по мясу, рыбе, фруктам и маслу разница соответственно составила 4,5; 6,3; 5,1 и 5,6 раза⁴⁰. С каждым годом из-за дороговизны все хуже становится рацион питания для основной массы населения. В условия ее жизни кризис внес новые негативные коррективы. Известно, что выполнение социальных обязательств перед населением возложено на местные бюджеты. Но как раз доходы региональных бюджетов в январе – марте 2009 г. снизились в среднем на 5%, по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. Это сокращение коснулось 43-х из 83-х субъектов РФ.

Практически региональные и местные власти уже исчерпали основные источники доходов. Выяснилось, что только 11% регионов в состоянии выполнить обязательства перед населением⁴¹.

Пикалевская драма, где еще в декабре 2008 г. встали все три градообразующих предприятия и каждый пятый горожанин потерял работу, – яркое тому подтверждение. Федеральное же правительство только за 1-й квартал 2009 г. истратило из «Резервного фонда» 1 трлн рублей⁴², поэтому федеральный центр для поддержания в 2009 г. в регионах сбалансированности бюджета выделил 300 млрд руб., из которых 200 млрд руб. хватит только для того, чтобы рассчитаться по накопившимся долговым обязательствам.

В такой ситуации правительство с легкой руки премьера В. Путина планирует ввести уже с 2010 г. единый налог на недвижимость. По этому закону каждый собственник будет обязан платить налог в размере от 1 до 2% рыночной стоимости недвижимости. Это значит, что, к примеру, собственник скудной «однушки» в панельном доме будет обязан отдавать за нее государству до... 50 тыс. рублей. Но у простых граждан еще имеется дачный участок и строения на нем, погреб, гараж...⁴³.

Такие суммы наложатся на выросшие в разы налоги на землю в связи с ее кадастрированием.

Но тут, как говорится, не до бедных.

Денег государству нужно много. Только на содержание госаппарата нужны постоянно растущие бюджетные средства. Все попытки проведения административных реформ завершались тем, что только с 1998 по 2008 г. армия российских чиновников выросла с 1 148 758 до 2 060 234 человек, то есть на 911 476 функционеров. При этом, если в 1998 г. в федеральных органах власти работало 485 тыс. человек, то на 1 октября 2008 г. – 846 тысяч. На региональном уровне количество чиновников за тот же период времени выросло со 104 тыс. до 234 тыс., а муниципалов было 177 тыс. – стало 367 тысяч⁴⁴. И все делают вид, что что-то делают,

решают какие-то важные задачи. И всех нужно по максимуму оплачивать. Но на этот весомый бюджетный каравай накладываются огромные антикризисные расходы.

В своем отчете перед депутатами ГД 6 апреля 2009 г. премьер-министр В. Путин сообщил, что на реализацию антикризисных мер предусмотрено в 2009 г. 1 трлн 400 млрд рублей. Но вместе с учетом эффекта от снижения налогов, средств ЦБ, Фонда национального благосостояния, других источников направляется огромная сумма – 3 трлн руб.⁴⁵

Лейтмотивом выступления премьер-министра было: «Экономить, экономить и еще раз экономить!»

Уже на VI Красноярском экономическом форуме в марте 2009 г. устами помощника президента бизнесу было заявлено: «Власть хочет видеть от бизнеса принятие ответственности на себя. Сейчас не нужно бегать к государству за помощью. Государство помощь не окажет. Никого спасать не будем. Нужно брать на себя ответственность и работать более эффективно»⁴⁶.

Эту главную мысль и развил В. Путин в своем отчете. Отныне помощь государства не будет подменять ответственности самого бизнеса. И право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реконструкции. На таких условиях государство выделит 500 млрд рублей для госгарантий по кредитам, дополнительную капитализацию компаний и поддержку экспорта.

Та же установка определяла политику в отношении банковского сектора. Необходимо от экстренных мер спасения переходить к планомерному расширению его ресурсной базы. Банки получают 255 млрд руб. на такую поддержку, но только если они будут кредитовать реальный сектор экономики⁴⁷.

На фоне заявлений главы Минфина А. Кудрина о возможном наступлении второй волны кризиса банковской системы правительство принимает решение о выделении банкам в 2009 г. в дополнение к 255 млрд руб. еще 500 млрд руб. Только теперь кредиты Внешэкономбанку будут выделяться не под 7, а под 8,5% годовых, а коммерческим банкам – под 8–9,5%.

Но главным условием предоставления субординированного кредита будет привлечение самим банком на каждые, скажем, три выделенных государством рубля одного рубля акционеров, чтобы один рубль акционеров привлекал три государственных⁴⁸.

Итак, в кризисный год только банкам на расширение и активизацию их деятельности выделяется 755 млрд руб. И это при том, что в октябре – декабре 2008 г. – начале 2009 г., в период разгула инфляции, банки уже получили многомиллионные прибыли. Достаточно сказать, что активы банковской системы России возросли с 20 трлн 125,1 млрд руб. на 1 января 2008 г. до

28 трлн 527,1 млрд руб. на 1 апреля 2009 г., т.е. на 8 трлн 402 млрд руб. К тому же, 983 из 1093 российских банков завершили 1-й квартал 2009 г. с прибылью в сумме 87 млрд 386,7 млн руб.⁴⁹

Насколько эффективно работает этот мощный финансовый насос, можно судить хотя бы по тому, что инвестиции в основной капитал в России в апреле 2009 г. снизились на 16,2% по сравнению с апрелем 2008 г. и составили 511,5 млрд руб.⁵⁰

Тонко улавливая истинный курс политической элиты России, банковское сообщество страны даже и не думает возвращать государству кредиты, полученные под 8%, т.е. под «веселую песенку», предоставляемые клиентам под 25–30% годовых. Тем более государство не только не требует возврата, но и само приносит на подносе все новые и новые «презенты», требуя лишь, чтобы реальному сектору выделялось бы не менее 2% кредитного портфеля. А если заемщики не вернут средства банку, то государство не бросит, компенсирует⁵¹.

Иные принципы взаимоотношения банков и государства в США. Morgan Stanley, JP Morgan и Goldman Sachs, получившие деньги осенью 2008 г. в рамках государственной программы по поддержке финансовой системы, как только несколько окрепли, тут же подали заявку на досрочное погашение долга в 45 млрд долл. перед государством. Федеральная резервная система США, проведя стресс-тесты, пришла к заключению, что эти банки в дополнительном капитале не нуждаются и у них есть шанс на положительное решение ФРС⁵².

Как и российские банки, корпоративный капитал России не спешит рассчитываться по своим осенним 2008 г. долгам с государством. Тогда государство выделило 175 млрд долл. из Фонда национального благосостояния на поддержку фондового рынка. В итоге на фондовом рынке России оказалось 168 млрд долл. ВЭБ вложил эти средства в «голубые фишки»: ВТБ, Сбербанк, «Роснефть», «Транснефть», «Лукойл», ряд других компаний. И с начала 2009 г. российский фондовый рынок, переживший осенью 2008 г. обвал, поднялся уже на треть. А рост по акциям, которые приобрел ВЭБ, превысил инфляцию⁵³. Но нет и намека на стремление вернуть государству эти 168 млрд долл. А государство, как и в случае с банками, не требует их возврата.

Конечно, кризис не пощадил наших миллиардеров. Они несколько усохли. Общее состояние первых богачей «похудело» в три раза – до 76 млрд долл. Еще год назад в первую десятку можно было попасть, имея не меньше 15 млрд долл., а теперь достаточно 4,5 млрд долл. Конечно, О. Дерипаска потерял 35 млрд долл., но его активы по стоимости превышают сумму текущего долга. В итоге он оказался уже в небольшом плюсе. Кроме того, никто никогда не считал зарегистрированные в оффшорах дома, дворцы, самолеты, яхты всех российских дерипасок.

По большому счету мало что изменилось в их положении. Тем более над ними остался такой мощный и влиятельный патрон, как государство. Именно оно бросилось спасать их осенью минувшего года. И если бы не оно, мы бы сегодня не увидели столь благостную картину пусть и побледневшего, но вполне благополучного клуба миллиардеров⁵⁴.

Они снова пускаются во все тяжкие по расширению и укреплению своих империй. Только что канадская Magna, тесно сотрудничавшая с магнатом О. Дерипаской, которому принадлежит контрольный пакет акций ОАО «Газ», приобрели вместе с ним и ОАО «Сбербанк» 35% акций немецкого гиганта Opel. Сам премьер В. Путин обсуждал вопрос об участии России в заявке Magna во время телефонного разговора с канцлером Ангелой Меркель. Кремль снова продолжает поддерживать экспансионистские устремления российских олигархических структур⁵⁵.

А Р. Абрамович, этакий мечтательный олигарх, обедневший на 20 млрд долл., вновь «заболел» желанием построить самую большую в своей коллекции и в мире яхту Eclipse. Для своей любимицы Р. Абрамович уже купил собственный причал в Черногории. Это все приобретение обойдется Р. Абрамовичу всего лишь в 355 млн долл.⁵⁶

А российский миллиардер, бывший владелец Черкизовского рынка в Москве, Т. Исмаилов воздвиг в Анталье отель-комбинат. Это самый богатый дворец на Средиземном море. Это гибрид Гранд-Опера, Галереи Лафайет, Эрмитажа и Елисеевского, только помноженный на сто. Чтобы раззолотить перила этажей, сусальное золото возили грузовиками. Несколько тысяч стоек балюстрады выполнены из чистого хрусталя. Гигантские витражи на потолках придают дворцу выразительность нечеловеческой силы⁵⁷.

Ну а народ попроще просто улучшает свой рублевый статус. 23 члена правления Сбербанка, только что «откусившего» треть Opel'a, получили в виде бонусов по 40 млн руб. на человека⁵⁸. Только в отличие от империалистической Америки в демократической России не вознегодовал против этого ни президент, ни премьер-министр, ни демократическая общественность.

В этой связи как-то становится яснее, почему это прозвучавший в самый драматический период кризиса призыв-требование лидера ЛДПР В. Жириновского покончить с монополизмом в политической и экономической жизни так и остался гласом вопиющего в пустыне⁵⁹.

Политическая элита промолчала, интеллектуальная пошла еще левее, сформулировав свое кредо предельно лапидарно: «Государство должно перестать отвечать по долгам корпораций!»⁶⁰.

А мэр Москвы Ю. Лужков, обуреваемый желанием модернизировать госкапитализм, в феврале 2009 г. призвал государство отобрать бизнес у олигархов и выставить его на рынок после окончания кризиса⁶¹.

Он просто не мог скрыть потаенного желания провести грандиозный передел олигархической собственности, ослабленной кризисом.

Государство сохранило *status quo*, стратегию своей политики. И это сохраненное и оберегаемое *status quo* стало главным препятствием на пути радикального обновления России. Этот итог почти 20-летнего развития России под знаменем квазилиберализма вынужден был признать и Президент России Д. Медведев. В преддверии открытия Санкт-Петербургского экономического форума в интервью американскому каналу CNBC он констатировал печальные итоги пройденного демократами пути. «Мы достаточно много времени действительно потратили на то, – говорил он, – чтобы создать основу современной экономики в нашей стране». Каков же результат? Президент признает, что степень ее диверсификации остается крайне низкой. Не удалось создать «высокотехнологичной экономики». У нас «очень высокая степень зависимости от экспорта сырья». У нас «очень слабая инновационная составляющая в экономике», и нет «прямой конверсии тех инновационных продуктов в промышленности, которая... и отличает современную инновационную экономику»⁶².

А каковы же реальные выводы? Текущий бюджет формировался исходя из уровня спада в экономике в 2,2% за 2009 г. Затем этот уровень спада был понижен до 8%. А Кудрин поставил вопрос о необходимости зарубежных заимствований в размере 7 млрд долл. в 2009 г. и 10 млрд долл. в году 2010. А тут нефть вдруг подорожала сначала до 41 долл. за баррель, а затем до 60 долл. И в России пока «все опять становится хорошо. Доходы нефтяных компаний уже выросли, экспортная пошлина на нефть тоже. Теперь надо правильно этими деньгами распорядиться», – заключает управляющий директор инвестиционной компании «Арбат Капитал» А. Орлов⁶³.

И как будто не было драматического периода кризиса 2008–2009 годов. И как будто мы ничему не должны учиться и делать грамотные выводы.

Политическая элита страны вновь держит руку на пульсе нефтегазового щита. Для президента Д. Медведева пуск на Сахалине первого в России завода по производству сжиженного газа – ресурс для развития региона и серьезный бизнес. В Хабаровске он ратует за привлечение китайских инвестиций все в ту же нефтепереработку, нефтехимию⁶⁴. Президент считает опорой дальнейшего сотрудничества России и Норвегии энергетическую сферу и совместное освоение Штокмановского месторождения⁶⁵.

Премьер-министр В. Путин во главу угла сотрудничества с Финляндией тоже ставит энергетику. Правда, он не уточняет, что 88% российского экспорта в Финляндию составляют энергоносители, а машины и оборудование – лишь 1,5%. Ради получения согласия Финляндии на прокладку в акватории Финляндии трубы «Северного потока»

правительство РФ снижает пошлины на экспортируемый в Финляндию лес-кругляк «с целью поддержать наших финских коллег и друзей в условиях кризиса»⁶⁶.

Только непонятно, почему Россия сегодня ни у кого не ходит в друзьях и ей никто в мире не оказывает поддержку в период кризиса.

Огромные средства расходуется на разработку нефтяных месторождений Уватского проекта ТНК-ВР. «Роснефть» и «Транснефть» планировали заключить в 2009 г. в Пекине соглашение с Китайской национально нефтегазовой корпорацией на поставку нефти в КНР в объеме 15 млн тонн. Подписавший соглашение президент ОАО «НК «Роснефть» С. Богданчиков видит в нем возможность расширения экспортных рынков России⁶⁷.

Первые лица государства продолжают преодолевать препятствия по строительству «Северного» и «Южного» потоков⁶⁸.

Начинается новый масштабный этап разработки сырьевых ресурсов в недрах приполярного и полярного Урала⁶⁹.

Очевидно, российский кризис 2008–2009 гг. де-факто еще более открыл ворота для хищнической эксплуатации природных ресурсов России в интересах экономик иностранных государств, оставляя слишком мало места для созидания инновационного общества.

Трудно не согласиться с А. Реутом, который, как и «многие приличные люди, грамотные экономисты, надеялись, что кризис поможет нам выздороветь». Казалось, продолжает он, что «кризис заставит нас быть умнее». И заключает: «Но сейчас, когда чиновники увидели “дно” кризиса, надежды эти рушатся. Финансисты расчищают место в гаражах под новые “лексусы”, олигархи робко задумываются об очередных яхтах...»

О необходимости лучше работать думать уже как-то не хочется, зато можно поразмыслить, как бы так получше попросить помощи у государства. Тем более, что у нас не Америка – помощь возвращать не обязательно. Так неужели для того, чтобы мы что-то поняли, нас надо было погрузить в полный хаос и нищету? Ведь получается, что мы так ничего и не поняли...»⁷⁰.

Примечания

- ¹ Алексеева Н. Глава правительства Владимир Путин: «Меня ничего не ставит в тупик» // Известия. 2009. 28 янв. С. 7; Владимир Путин: «Я не истребитель олигархов» // Комсомольская правда. 2009. 28 янв. С. 2.
- ² Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 23 т. М., 1960. Т. 1. С. 166. Нас не должно смущать утверждение К. Маркса о том, что и промышленный капитал – тоже деньги, превращающиеся в товар, затем путем продаж вновь обретающие форму большего количества денег. К. Маркс выделяет лишь внешнее сходство функциональной роли торгового и промышленного капитала и их результатов.
- ³ Там же. С. 163, 166.

- 4 Маркс К. Капитал. С. 166.
- 5 Там же. С. 765.
- 6 Там же. С. 759.
- 7 Цит. по: *Лавров А.* Экономисты растерялись перед лицом кризиса // Комсомольская правда. 2009. 5 февр. С. 2.
- 8 Там же.
- 9 Цит. по: *Лавровский И.* Державным кошелькам предложено поделиться // Парламентская газета. 2009. 17 апр. С. 18.
- 10 Д, Медведев: «Шампанское открывать еще рано!» // Комсомольская правда. 2009. 16 июня. С. 2.
- 11 Парламентская газета. 2005. 10 марта.
- 12 Известия. 2008. 31 января.
- 13 *Арабов П.* Нефть вытекала из бюджета // Известия. 2008. 21 нояб. С. 1.
- 14 Прежняя модель роста исчерпана // Парламентская газета. 2008. 21 нояб. С. 6. По другим данным, в августе 2008 г. золотовалютные резервы России составляли 596 млрд долл. (Известия. 2008. 8 окт.)
- 15 Парламентская газета. 2008. 21 нояб. С. 6.
- 16 Там же.
- 17 По данным, приведенным министром финансов РФ А. Кудриным, в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния за годы высоких цен на нефть было накоплено 5,3 трлн руб. (*Ждан О., Ждан Ю.* В холодильнике. Золотовалютные резервы России вложены в долговые обязательства компаний, находящихся на грани банкротства // Гудок. 2008. 25 июля; Прежняя модель роста исчерпана... С. 6).
- 18 Известия. 2008. 9 июня.
- 19 См.: *Савиных А., Реут А.* Правительство поставило себе пятерку // Известия. 2008. 9 июня. С. 1; *Чайка Ф.* «Газпром» в Европе: второе пришествие // Известия. 2008. 30 июня.
- 20 *Лившиц А.* Трактор уже неподалеку // Известия. 2009. 3 июня. С. 6.
- 21 *Лившиц А.* Кудриномика // Известия. 2009. 14 янв. С. 6.
- 22 *Жириновский В.* Покончить с иллюзиями // Парламентская газета. 2009. 6 февр. С. 12.
- 23 Известия. 2008. 18 февр.
- 24 Деньги плывут на Канары мимо Сахалина // Парламентская газета. 2009. 30 янв. С. 10.
- 25 *Арабов П., Реут А.* Занимали чужие, отдадим казенные // Известия. 2008. 26 нояб. С. 7; ТЭК России выйдет из кризиса огосударственным // Российская газета. 2008. 21 нояб. С. А2.
- 26 *Арабов П.* Олигархов больше нет // Известия. 2008. 23 дек. С. 7.
- 27 *Арабов П., Реут А.* Занимали чужие... С. 7.
- 28 Деньги плывут на Канары...
- 29 *Чернова Е.* Главное пике рубля завершено? // Парламентская газета. 2009. 6 февр. С. 13. По другим данным, сумма российского чистого корпоративного долга на 1 июня 2008 г/ составляла 488,3 млрд долл. (Известия. 2009. 15 янв.)
- 30 *Каледина А.* Острая резервная недостаточность // Известия. 2009. 27 янв. С. 7.
- 31 Жизнь в условиях долговой неустойчивости // Парламентская газета. 2009. 3 апр. С. 11.
- 32 См.: *Гринберг Р.* Крах либерального капитализма // Парламентская газета. 2008. 21 нояб. С. 14–15; *Якунин В.* Не верю в возможность новой «холодной войны» // Известия. 2008. 23 окт. С. 4.
- 33 *Арабов П.* Банки заняли у государства 17 миллиардов // Известия. 2008. 3 дек. С. 8; *Бероева Н.* Министры не смогли потратить 323 миллиарда долларов // Комсомольская правда. 2008. 30 дек. С. 2.
- 34 Банкам протолкнут тромбы // Известия. 2008. 12 нояб. С. 3.
- 35 Цена стабильности – 100 миллиардов долларов // Известия. 2008. 20 нояб. С. 9.
- 36 *Лавровский И.* На роль покупателя приглашается... государство // Парламентская газета. 2009. 30 янв. С. 18.
- 37 Рынок труда должен быть цивилизованным // Парламентская газета. 2009. 20 февр. С. 6; *Беляков Е.* Новой волны кризиса и безработицы быть не должно // Комсомольская правда. 2009. 26 мая. С. 1.
- 38 Вакансий много, а работы мало // Парламентская газета. 2009. 20 февр. С. 17; Не каждому – по труду // Парламентская газета. 2009. 20 февр. С. 16.
- 39 Коммунальная гонка на выживание // Парламентская газета. 2008. 27 марта. С. 20.
- 40 Россия обставила Европу. По росту цен на продукты питания // Известия. 2009. 26 янв. С. 8.
- 41 *Соколова М.* Регионы ищут резервы // Парламентская газета. 2009. 22 мая. С. 22.
- 42 *Савиных А.* Бюджетом не обеспечены // Известия. 2009. 7 мая. С. 7.
- 43 *Савиных А.* Недвижимость обложат новым налогом // Известия. 2009. 5 мая. С. 1.
- 44 *Григорьева Е., Реут А.* Отчего чиновников стало в 2 раза больше? // Известия. 2009. 14 апр. С. 9.
- 45 Что сказал Владимир Путин? // Известия. 2009. 7 апр. С. 2.
- 46 Цит. по: *Савиных А.* «Никого спасать не будем – нужно брать на себя ответственность». Власть объяснила бизнесу, как выходить из кризиса // Известия. 2009. 2 марта. С. 8.
- 47 Что сказал Владимир Путин...
- 48 *Савиных А.* Как один рубль превратить в три // Известия. 2009. 21 мая. С. 8.
- 49 Банки в плюсе // Известия. 2009. 6 мая. С. 8.
- 50 Известия. 2009. 25 мая. С. 8.
- 51 *Каледина А.* Долг не ревет, но спать не дает. Почему американские компании пытаются досрочно расплатиться с государством // Известия. 2009. 21 мая. С. 8.
- 52 Там же.
- 53 *Каледина А.* Как «голубые фишки» сделать золотыми // Известия. 2009. 20 апр. С. 8.
- 54 *Арабов П.* Миллиардеры усохли // Известия. 2009. 16 февр. С. 1, 7.
- 55 Магна наступает на Opel // Известия. 2009. 2 июня. С. 8; *Савиных А.* Opel стал русским на треть // Известия. 2009. 1 июня. С. 8.
- 56 *Любимова А.* Роман Абрамович пожертвовал свадьбой ради яхты // Известия. 2008. 5 мая. С. 8.

- ⁵⁷ Рынска Б. Сказочный дворец султана Исмаилова // Известия. 2009. 26 мая. С. 7.
- ⁵⁸ В Сбербанке 23 члена правления получили в качестве бонусов по 40 млн руб. на человека // Известия. 2009. 31 марта. С. 7.
- ⁵⁹ Жириновский В. Итоги 2008 // Парламентская газета. 2008. 26 дек. С. 15.
- ⁶⁰ Арестуют их дворцы, заводики, клубы футбольные... // Известия, 2008. 16 дек. С. 7.
- ⁶¹ Юрий Лужков призвал отобрать бизнес у олигархов // <http://news.rambler.ru/Russia/head/1945735>. – 15.05.2009.
- ⁶² Президент Дмитрий Медведев: «Наша задача – снизить инфляцию» // Известия. 2009. 4 июня. С. 2.
- ⁶³ Арабов П. Баррель нашей мечты // Известия. 2009. 14 мая. С. 7.
- ⁶⁴ Первый сахалинский – пошел // Парламентская газета. 2009. 20 февр. С. 4; Мороченко Ю. Президент проинспектировал Дальний Восток // Парламентская газета. 2009. 22 мая. С. 4.
- ⁶⁵ Воронцова Н. На очереди Штокмановское месторождение // Парламентская газета. 2009. 22 мая.
- ⁶⁶ Латышев А. Северный обход // Известия. 2009. 5 июня. С. 1.
- ⁶⁷ Иванец С. Дан старт новой нефтяной провинции // Парламентская газета. 2009. 20 февр. С. 15; Садовников А. Восточная топливная интеграция // Парламентская газета. 2009. 20 февр. С. 15.
- ⁶⁸ Антипова Н. Путин и Берлускони попали в «Южный поток» // Известия. 2009. 18 мая. С. 2.
- ⁶⁹ Калинин Р. Второе дыхание Урала // Известия. 2009. 27 мая. С. 4.
- ⁷⁰ Реут А. Неужели кризис кончится, а мы так ничего и не поймем? // Известия. 2009. 20 апр. С. 6.

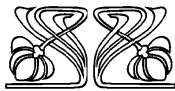
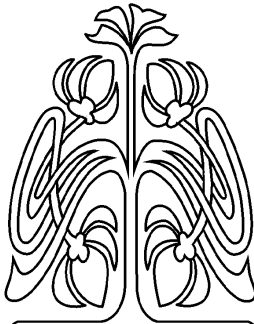
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1(09) (37+38)

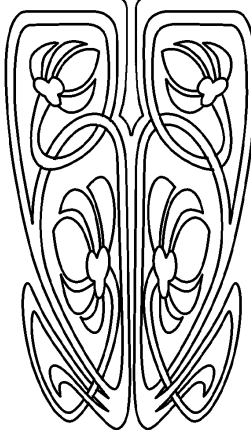
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РИМЛЯН КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНТИКОВЕДЕНИЯ (новые работы о *pompa funebris* и *imagines maiorum*)

В.В. Дементьева

Ярославский государственный университет,
кафедра всеобщей истории
E-mail: vv_dementieva@mail.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Изучение проблемы *memoria* и *res publica* в современной историографии включает в себя исследование погребальной процессии. В проанализированных в данной статье трудах историки по-разному видят приоритетность функций исторической памяти применительно к *pompa funebris*: К.-Й. Хёлькекампа выделяет коммуникативную, Э. Флаиг – обосновывающую, а У. Вальтер – и ту, и другую. Воспитательной функции *pompa funebris* больше других авторов новых работ уделил внимание Э. Флаиг.

Аргументация исследователями вывода о точности передачи реалий прошлого в ходе *pompa funebris* способствует реабилитации исторической памяти римлян в целом, в том числе косвенно, как представляется автору статьи, и римского историописания. Обоснование антиковедами отсутствия фальсификаций в *laudationes* помогает смягчить негативное восприятие достоверности информации в *elogia*, имевших первоисточником, в числе прочего, и надгробные речи.

Ключевые слова: память, функции, похороны, обряд, *laudationes*.

Historical Memory of Romans as an Object of Modern Studies of Antiquity (new papers on *pompa funebris* and *imagines maiorum*)

V.V. Dementyeva

Studying the problem of *memoria* and *res publica* in a modern historiography includes the investigation of a funeral procession. In the works analysed in this article historians differently consider the priority of functions of historical memory in respect to *pompa funebris*: K.-I. Hölkeskamp singles out the communicative one, E. Flaig – the proving one, and U. Walter – both of them. E. Flaig's pays more attention comparing with the other authors to the educational function as well.

The conclusion that the reconstruction of realities of the past was accurate during *pompa funebris* is well-reasoned by the researchers thus contributing to the rehabilitation of historical memory of Romans as a whole, including indirectly, by opinion of the author of this article, the rehabilitation of Roman works on history. The substantiation by researchers of antiquity of the absence of falsifications in *laudationes* helps to soften the negative perception of reliability of the information in *elogia*, having the graveside orations among other primary sources.

Key words: memory, functions, funeral, rite, *laudationes*.

Современная историография (а к таковой будем сейчас относить работы, опубликованные уже в XXI в.), изучая историческую память римлян, концентрирует внимание на следующих видах *memoria*:

- 1) гентильно-генеалогическая мемориальная практика (похоронные процессии, памятники и надгробия – изучаются *pompa funebris*, *imagines*, *atrium* и т.д.);
- 2) обряды и праздники;
- 3) историческая топография, памятные места и ландшафты, статуи;
- 4) римское историописание, *exempla*.

Исследование названных форм исторической памяти римлян имеет в современном антиковедении свою специфику, которая не всегда, на мой взгляд, должна быть оценена позитивно. Так, например, я не могу поддержать «новые» подходы к античной нарративной традиции, а

именно точку зрения «посмодернистских гиперкритиков» римского историописания, которые видят в нем только вторичный нарратив, непригодный для реконструкции фактов истории ранней Республики.

Но сейчас мне бы хотелось вести речь о тех исследованиях, которые действительно углубляют наше представление об исторической памяти римлян. Рассмотрим первое из перечисленных направлений – изучение гентильно-генеалогической мемориальной практики.

В антиковедческих работах первого пятилетия XXI в. наиболее значительное внимание этому сюжету уделили Эгон Флаиг, Карл-Йоахим Хёлькескамп и Уве Вальтер, посвятившие ему не только свои статьи, но и весьма представительные главы монографий¹.

Описание составлявших *pompa funebris* элементов во всех работах является, естественно, близким. Вкратце их напомним: по такому особому случаю несли публично лицедеи маски предков, которые обычно хранились в атриуме дома. При этом носители масок были облачены в должностную одежду высших магистратов, если предки достигли высших магистратур, или в одежду триумфаторов, перед ними несли *fascēs* и другие инсигнии. Похоронная процессия двигалась на форум к ораторской трибуне, к *rostra*, т.е. к политическому центру города (и затем империи), где представляемые *maiores* занимали курульные кресла и вместе с собравшимся *populus Romanus* внимательно слушали *laudatio* (надгробную речь) о покойном, произносившуюся сыном или другим родственником-мужчиной.

Эгон Флаиг (глава «*Pompa funebris* – предьявлять символический капитал») рассматривает похоронные процессии как «парад предков» в рамках семиотического анализа². (Э. Флаиг посвятил свою монографию памяти Пьера Бурдьё, поднявшего вопросы «символической власти», «символического капитала» и т.д.; немецкий исследователь развивает подходы, выработанные семиологией³.) Он подробно интерпретирует рассказ Полибия (VI.53.1–54.3), подчеркивая, что римская практика была единственной в своем роде в античном мире; это был дорогостоящий ритуал, в котором сенаторские семьи показом своих предков демонстрировали перед гражданами свой престиж.

Э. Флаиг полемизирует с Карлом Шнайдером, который полагал, что преимущественной функцией *imagines* было исполнение культа предков: портреты предков должны были провожать членов рода в последний путь (галерея портретов в атриуме имела, следовательно, вторичную, производную от этой, функцию)⁴. Э. Флаиг, возражая К. Шнайдеру, отмечает, что все семьи имели свой культ предков, но, тем не менее, все семьи должны были участвовать в *pompa funebris* знатных граждан, и только на похоронах аристократии использовали *imagines*. Утверждение К. Шнайдера

имело бы смысл, считает Э. Флаиг, если бы в Риме существовало два различных вида культа предков, – один для элиты, другой для народа, однако все этому противоречит.

Э. Флаиг утверждает, что парад предков служил тому, чтобы подтвердить (доказать) славу семьи, поэтому и необходим анализ ритуала как семиотических преимуществ, который немецкий исследователь и осуществляет.

Римляне переняли *pompa funebris*, по всей видимости, от этрусков. Вероятно, как подчеркивает Э. Флаиг, окончательную форму ритуал приобрел, когда в IV в. до н.э. знать получила четкие социальные очертания.

Семиотический анализ, проделанный Э. Флаигом, привел его к таким результатам:

1. Процессия предков на похоронах нобилия не представляла собой биологический ряд. В числе биологических предков были и не принадлежавшие к курульным магистратам, соответственно, не имевшие *imagines*. Изучение захоронения Сципионов, отмечает Э. Флаиг, показывает, что в нем нашли покой почти все члены семьи III и II веков. Но только половина из них имела отличия носителей должностей. Сципионы принадлежали к успешной ветви рода Корнелиев. Но даже и в этой семье каждый второй мужчина не имел масок предков, а для большинства других аристократических семей дело обстояло в этом отношении значительно хуже.

2. Ряд предков визуализировал политическую иерархию. Ранг и статус предков показывался точно, через должностную одежду и количество сопровождавших его ликторов. Выше консулов стояли цензоры, а триумфаторы возвышались над всеми другими. Между предками на этом параде нередко зияли дыры (если не всю цепочку иерархии они могли олицетворить). Иерархическая структура действовала не только в земной жизни, она была действительна и после смерти и организовывала достойных воспоминания предков.

3. Со смертью наступал дисконтинуитет (нарушение преемственности) в семье. Против этого был направлен ритуал семейного континуитета. Каждая смерть создавала брешь в персональном кругу, который должен был заново структурироваться, чтобы преодолеть возникший кризис. Каждая культура решает этот вопрос по-своему. В современной Европе похоронная процессия состоит из живущих, которые отдают умершему последние почести и прощаются с ним. Траурный ритуал инсценирует расставание. В Риме процессия на первом плане имела достойных воспоминания предков, которые приходили к умершему, чтобы дать ему сопровождение на пути к ним. Умершего сенатора сопровождавшие предки провожали к его новому месту в ряду предков его рода. Провозглашалась сила порядка, предки подтверждали действительность этого порядка, они демонстрировали интеграционную способность этого порядка. Однако они принимали умершего

не в середине, они предоставляли ему место позади всех, его носилки отделяли последующую процессию живущих от впереди идущих предков.

4. Как процессия показывала успешных предков, так и удаляла она тех предков, которых она не демонстрировала, так как они не были успешны. Юные аристократы знали, что только часть предков проходит во время похорон, а часть погружена в забвение. Это отделение незабвенных предков от забытых давало предупреждение молодежи. Оно убедительно внушало всем наблюдавшим процессию римлянам, что только достижения в деле служения *res publica* приносят посмертную славу и дают право приобрести политически представительный индивидуальный портрет. Нередко римские знатные семьи устраивали похороны женщин – членов своего рода как *pompa funebris* на форуме, хотя женщины не имели, естественно, необходимых для этого должностей. Семья использовала такой печальный случай в качестве повода для демонстрации своего политического престижа. Между тем отсутствует всякое указание на то, что неуспешные аристократы – такие, которые не достигли куркульных должностей, – почитались парадом предков. Они могли быть похоронены только в семейном кругу. Этот контраст объясняет, как непреклонно их элиминировали из политической памяти.

5. Участвовавшие в процессии предки были примером для членов семьи, для потомков. В случае, если нельзя было достижений предков превзойти или сравняться с ними, нужно было как минимум добиться претуры. Этим минимумом могли довольствоваться сыновья успешных нобилей. В успешных семьях от поколения к поколению число добившихся высших должностей возрастало, количество цензоров и триумфаторов увеличивалось, и юный Валерий или Клавдий был одержим тем, чтобы продолжить ряд корифеев своей семьи.

6. Престиж знатного рода был особенно отчетливо виден во время *pompa funebris*. Одно только перечисление: два триумфатора, пять цензоров, семь человек, дважды занимавших консульскую должность, двенадцать просто консулов, двадцать преторов – показывало заслуги на протяжении длительного времени и престиж рода. Но на одном подсчете стратифицировать элиту было трудно: один триумфатор мог «уравновешивать» многих консулов. Вероятно, служило мерилом сначала число триумфаторов, затем цензоров. Триумфаторы могли превзойти по престижу других, но ритуал уравнивал, сглаживал это неравенство, делал соизмеримыми различия в достижениях.

Некоторые семьи не часто имели повод организовать похоронные процессии, отмечает Э. Флаиг, но вместе с тем такие процессии с портретами предков в Риме проходили постоянно, поскольку в совокупности знатные роды в течение года имели достаточное количество смертей. Каждый ряд

предков, которые дефилировали по такому поводу, конкурировал с совокупностью отсутствовавших рядов. Поэтому постоянно актуализировала каждая процессия значимость других рядов предков.

«Жертвы конкуренции: два списка умерших», – так формулирует немецкий исследователь название параграфа, в котором он отмечает, что при изучении погребального ритуала в рамках культуры римской элиты обнаруживается различие между культом умерших и ритуальной демонстрацией собственного символического капитала. Дистанция между этими обеими культурными сферами определяется Э. Флаигом следующими моментами.

1. Отмеченным выше обстоятельством, что ряд предков в похоронной процессии не охватывал полностью список биологических предков, он охватывал меньшинство этих биологических предков, в соответствии с критериями, которые действовали для всех сенаторских семей. Поэтому не имели предки без масок своего места в атриуме. Они исключались из политической памяти, они не существовали публично. Однако они сохраняли свое место в фамильном культе предков, если они оставили после себя детей. Там они оставались как минимум три поколения *dei parentes* и затем исключались из индивидуально упоминаемых предков и переходили в разряд называемых в совокупности (без имен) предшественников рода. Тем не менее многие семьи строго придерживались способа поминаний и сохраняли цепь *parentes* поименно до шестого предка. Когда римляне говорили о своих предках и называли *maiores*, нужно выяснять контекст: *maiores* делились на два различных списка, в политическом пространстве не считались вообще все предки *maiores*; *maiores* были исключительно те предки, которые были достойны политической памяти.

2. Следовательно, семантически противопоставлялись могила и атриум, поскольку значительная часть предков находили свое место в некрополе, но оказывались не принятыми в атриум. Два различных семейных типа поминования исполнялись противоположно. Один принадлежал к культу предков и был делом внутрисемейным, другой относился к сфере конкуренции и престижа, он был делом и знатных семей, и *res publica*. Правильнее считать, как утверждает Э. Флаиг, что *imago* принадлежала не к миру мертвых, но живых, хотя изображала умершего: поэтому *imago* хранилась в доме и не играла роли при *parentalia* (поминальное празднество в честь покойных родственников) и *feralia* (ежегодный праздник в честь усопших), т.е. при главных праздниках культа умерших.

По сути дела, исследование Э. Флаига в результате семиотического анализа на новом уровне осуществило возврат к тезису Курта Латте о том, что *pompa funebris* служила не культу умерших, а должна была в этом мире явить на свет блеск

римской фамилии⁵. Возврат на новом уровне и с новыми интересными наблюдениями.

3. Если неуспешные предки не имели ларца в атриуме, они не включались в родословную, которая устанавливалась на внутренней стороне атриума, – полагает Э. Флаиг. Поэтому не следует считать родословную в атриуме параллельной на доске *parentes*, по которой почитались три поколения предков, имевшие на то культовое право. *Parentes* были биологическими предками, – неважно были ли они политически успешными или нет, неважно были ли они мужчинами или женщинами. Они оставались таковыми, пока не заполняла место «снизу» новая генерация, а «сверху» предки «третьей степени» не отпадали, идентифицируясь с *maiores*. Исходя из таких наблюдений, полемизирует Эгон Флаиг с Маурицио Беттини, считавшим, что имена всех членов *stirps* (семьи, рода, поколения) сохранялись на внутренней стене атриума. Сохранялись на ней, по мнению Э. Флаига, имена только политически успешных предков.

Исходя из приведенных выше рассуждений, Э. Флаиг предпринимает попытку нового объяснения пробелов в родословной, в которой перечислялись предки. М. Беттини объяснял эту неполноту «генеративной памятью» социальной группы, манипуляторским вмешательством семей, фальсификаций. Э. Флаиг считает, что этим можно объяснить нелегитимные добавления в родословные, но не пробелы в них. Оппозиция, предложенная М. Беттини, противопоставление «объективной генеалогической структуры» «едва ли явному семейному почету», не имеет социологического значения, подчеркивает Э. Флаиг. На его взгляд, неполнота перечня предков в атриуме была результатом политической селекции, этот перечень не был семейным родословным деревом, в том виде, как его знали европейские аристократические роды, начиная со средневековья. Эгон Флаиг возражает также Гарри Фловуэ, который не видел различий между ними, полагая, что женщины в Риме также включались в родословную. Но если в ней отсутствовали неуспешные мужские предки, утверждает Э. Флаиг, не включались в нее и женщины. Заметим, что чисто логически здесь можно возразить Э. Флаигу на основе его собственных выкладок: он утверждает, что неуспешным мужским предкам никогда не полагалась *pompa funebris*, тогда как женщины могли быть её удостоены. В данном случае ничто не мешает экстраполировать такой подход и к родословной в атриуме. Здесь, на мой взгляд, более уместен другой логический аргумент, вытекающий в том числе и из анализа Э. Флаига: поскольку в родословной не было тех, кто не удостоивался масок, в ней не могло быть и женщин.

Семиотический анализ римского ритуала приводит Э. Флаига еще к двум выводам. Погребальная процессия римлян служила, на его взгляд, не прославлению умершего, она служила

тому, чтобы показать престиж семьи. Второй вывод касается отдельных сегментов аристократических похорон, т.е. установления гроба с телом для торжественного прощания, причитаний над покойником, процессии, надгробных речей, погребения. Вильгельм Кирдорф полагал, что в центре церемонии были погребальные речи – *laudatio funebris*. Заметим, что это мнение присутствует и в других работах, в том числе самого последнего времени⁶. Так, Э. Штербенк-Эркер пишет о *laudatio funebris*, что «с политической точки зрения это самый важный момент похорон»⁷. Из изложения Э. Флаига следует другое умозаключение: похоронная процессия комбинировала визуальные и риторические элементы в семиотически структурированное целое; важность отдельных элементов приобретала те размеры, какую символическую силу они имели, чтобы маркировать различие и подкреплять нормы. Для простых римских граждан тоже произносились надгробные речи – в рамках частного чествования. Маски же персонифицировали предков только при senatorской *pompa funebris*. Так демонстрировали семьи римской элиты наглядно свои притязания на первенство перед незначительными семьями и вступали в конкуренцию с соперничавшими фамилиями. Следовательно, утверждает Э. Флаиг, важнейшим элементом похоронной процессии были именно *imagines*. Не соглашается Эгон Флаиг и с Флоранс Дюпон, чье мнение связывало восхождение умершего и престиж его *gens*, главным образом с *laudatio funebris*⁸. Ф. Дюпон считает, что речи произносились перед масками и не могли звучать без них. Э. Флаиг же утверждает, что маски не требовались необходимым образом для погребальных речей. Таким образом, заключает Э. Флаиг, в центре ритуала *pompa funebris* находилась процессия и собрание портретов предков, так как они и осуществляли презентацию символического капитала senatorской семьи.

Карл-Йоахим Хелькескамп (параграф «История в современности: амбивалентность *pompa funebris*»), как и Эгон Флаиг, подчеркивает, что центральным элементом дорогостоящей и демонстративно публичной формы похоронных торжеств умершего нобилия была процессия всех его *maiores* (предков), которые сопровождали лежащего в гробу⁹. Таким образом, при умершем пребывала, как это формулирует Плиний Старший (NH. 35.6), вся его семья.

Процессия прощания с умершим соединяла прошлое с настоящим, она гарантировала непрерывный континуитет, так видит ее значение К.-Й. Хелькескамп. Он по-иному, чем Э. Флаиг, рассматривает *laudatio funebris*, отмечая важность присутствия предков во время произнесения речи: представляемые *maiores* занимали курульные кресла и вместе с собравшимся *populus Romanus* внимательно слушали *laudatio* о покойном. Как свидетельствует известная надгробная речь Квинта Цецилия Метелла о своем отце, консуле 251 и

247 г., великом понтифике и диктаторе 224 г. в *laudatio* перечислялись, с одной стороны *honores*, т.е. должности и деяния, посредством которых достигалась *dignitas* (достоинство) умершего, а с другой – его *virtutes* (доблестные дела, подвиги) в качестве магистрата, командующего войсками и сенатора, *sapientia* (мудрость, рассудительность), *fortitudo* (храбрость, отвага) и другие гражданские и военные добродетели, которые проявлялись в его делах. И эти добродетели соответствовали доблестям символически присутствовавших предков. Если Э. Флаиг считает, что в функции *pompa funebris* не входило прославление умершего, то К.-Й. Хелькескамп, как видим, подчеркивает наличие такой составной части и ее значимость для исторической памяти.

Однако, на взгляд К.-Й. Хелькескампа, в надгробных речах не только репродуцировались исторический материал, морализаторские обращения и ценности, которые выполняли роль точки отсчета «исторической памяти» в *res gestae* и *exempla*. Прежде всего, акцентирует К.-Й. Хелькескамп, удалялся умерший со сцены активной деятельности, но одновременно современный нобиль церемониально вводился в круг своих предков, *maiores*, которые удостоверяли этот переход своим символическим присутствием. В этом симбиозе *maiores* и *nobilis* продуцировалось ни одно лишь только участие великого прошлого в настоящем, но и одновременно утверждалось следующее: каждое поколение, каждое настоящее время приносит всегда новых *maiores* – непрерывное удлинение прошлого через настоящее инсценируется в будущем.

Благодаря таким похоронным процессиям, подчеркивает К.-Й. Хелькескамп, каждый взятый в отдельности сенатор или нобиль знал достаточно много не только о традициях своего собственного рода (*gens*), но и об истории других больших семей и вообще о *res publica* в целом.

К.-Й. Хелькескамп делает вывод, что в республиканском Риме *pompa funebris* была тем особенно мощным коммуникативным средством, при помощи которого выполняла коллективная память свою важнейшую общественную функцию: сохранение идентичности *populus Romanus* через соблюдение континуитета *res publica*¹⁰.

Дихотомия, лежавшая, на взгляд К.-Й. Хелькескампа, в основе идентичности нобилитета, заключалась, с одной стороны, в индивидуальном действии, стремлении превзойти других в перманентной конкуренции и персональной значимости, ранге и преимуществах и, с другой стороны, в связи (когерентности) и коллективной дисциплине в группе посредством единой ориентации. Эта вторая сторона, как можно заключить из рассуждений К.-Й. Хелькескампа, и проявилась в *pompa funebris*.

Гентильно-генеалогической мемориальной практике, в том числе портретам предков и похоронным процессиям, уделяет внимание Уве

Вальтер. *Pompa funebris* характеризуется У. Вальтером как генеалогически структурированное ясное представление о прошлом (генеалогически организованная история), а *imagines* – как импульс к действию новых поколений римской аристократии. Данный вывод его исследования близок к положениям книги Яна Ассмана, который делит воспоминания об умерших на ретроспективные и перспективные. В ретроспективном измерении – это опора на умерших предков, «в перспективном измерении речь идет об аспекте *достижения* и *fama*, путях и формах стяжания незабвенности и славы»¹¹.

Представлявшаяся в лицах во время похоронной процессии римская история была, отмечает У. Вальтер, не повествовательно оформлена, она воспроизводилась через значение иерархических знаков отличия, должностной одежды, *fascies* и других инсигний. Такая инсценировка явно ренимировала для непосредственного восприятия исторические фигуры и события прошлого, она должна была осуществлять значительное аффективное воздействие.

У. Вальтер обращает внимание на то, что с течением времени проникали в погребальную процессию элементы процессии триумфальной, в форме проносимых сполгий и портретов, посвященных божествам в храме. Поэтому широкие массы римского населения, которые не могли положить на литературную историографию, воспринимали генеалогически организованную историю, такую историю, которая посредством представления, сравнительно частого повторения и организации на основе известных символов в значительной мере объясняла памятные места и монументы.

Попутно (в сопоставлении) У. Вальтер не относит к генеалогически организованной истории портреты на монетах, чеканка которых находилась в руках *Viri monetales*, он соглашается с Паулем Цанкером (Paul Zanker) и Тонио Хельшером (Tonio Hölscher), отмечавшими в 80-е гг. XX в., что многие портреты на монетах были интересны и понятны только внутри узкого круга конкурировавших семей; история на монетах не была общей, она дробилась на отдельные истории, приспособленные к отдельным семьям нобилитета. У. Вальтер противопоставляет «портретной истории» на монетах вид зрительных образов во время похоронной процессии, организовывавшей дискурс о прошлом в манере континуитета и соревновательности. У. Вальтер соглашается с Э. Флаигом, что процессия предков на похоронах была «матрицей для исторических знаний в Риме».

Все же вопреки хронологическому упорядочению, отмечает У. Вальтер, и при всем стремлении к возможно длинной и впечатляющей процессии был ряд предков на ней одновременно сильно укороченным. Из всех праотцов могли принимать в ней участие только такие успешные предки, кто, на взгляд исследователя, как минимум

достигли курульного эдилитета (заметим, не претуры, как считает Э. Флаиг). Не достигшие хотя бы курульного эдилитета не имели портретов, и их похоронное шествие не следовало через форум и проходило в другое время дня. В фамильном же захоронении они находили свое место, что подтверждает тот факт, что могила и похороны принадлежали к различным мемориальным реестрам. В этом У. Вальтер солидарен с Э. Флаигом. По этому поводу У. Вальтер замечает также, что, как кажется, под данное ограничение попадали формально успешные предки, имевшие, однако, плохую репутацию. Наоборот, было, по-видимому, возможным в политической преемственности через *imagines* выставлять совсем не родственников, укрепляя тем самым собственный образ. Так, Секст Тиций в качестве плебейского трибуна в 99 г. до н.э. не только продолжил политику своего друга Аппулея Сатурнина посредством земельного закона, но и показывал в своем доме портрет мятежника 100-го года (о чем сообщают Цицерон и Валерий Максим – *Cic. Rab. perd.* 24–25; *Val. Max.* 8.1.3.). По Цицерону это было существенным основанием для последующего осуждения на процессе *de maiestate*.

Останавливается У. Вальтер и на *pompa funebris* римских женщин. Он полагает, что сообщения о таких похоронах для IV. до н.э. не историчны, а первый раз, вероятно, они мели место лишь в позднереспубликанское время и были, конечно, нерегулярными. Насколько нам известно, указывает У. Вальтер, женских *imagines* не было, как не было их имен в начертанной в атриуме родословной, служившей, как он пишет, структурированной организацией семейной памяти и путеводителем по сохранявшимся в ларцах *imagines*. Так же и семейный архив, который находился в *tablinum* (деревянной галерее) дома в качестве второго места для сохранения *memoria*, служил только, как правило, для записей об успешных представителях семьи. *Pompa funebris* – и именно она сама в ее римском варианте – воплотила, по мнению У. Вальтера, в этом отношении гораздо больше, чем литературная историография, монументальную (грандиозную) историю, которая временной континуум истории нормативно-наставительно сильно укорачивала и не предоставляла места для расхождений в чтении.

Уве Вальтер замечает, что, только начиная от цензоров, консулов, консульских трибунов и преторов времен ранней Республики, которые подтверждались в монументах и документах (или как минимум в них присутствовали), могли быть речи в погребальной процессии, но не от предков из царского времени или из доримских мифологических времен. Происхождение от Геракла или спутников Энея, или даже от римского царя было, правда, легко конструировать при помощи генеалогическо-мифологической литературы греческого происхождения, и такие конструкции могли играть роль в других способах семейной

памяти. В целом лежали события и персоны царского времени за пределами главной линии аристократической семейной традиции, такого мнения придерживается У. Вальтер. Недостаток впечатляющего ряда агнатов из ранних времен привел Юлиа Цезаря в *laudatio* на похоронах его тетки Юлии в 69 г. до н.э. даже к тому, чтобы сослаться не только на Мариа как когнатического своего предка, но также и на Венеру для отцовского происхождения и на царя Анка Марция для материнского. Слушатели восприняли это как политическую провокацию и новомодную бесцеремонность юного нобилия, только что наделенного квестурой. И было, действительно, приемлемо, что изображение Цицероном ранних римских времен обходилось без Геракла и Энея, без спасшихся троянцев, прибывших греков и путешествовавших полубогов, и только отдельные цари рассматривались последовательно как основатели общегосударственных институтов.

Дифференциация восприятия генеалогической аргументации в различных областях исторической культуры была важна еще и в другом отношении, полагает У. Вальтер. Известно, что считались *laudationes* и производные от них *tituli* и *elogia* фальсифицированными через неисторические триумфы и дополнительные консулаты. Напротив, однако, не известны соответствующие попытки облачить кого-либо из умерших в ему не соответствующее должностное одеяние или представить фальсифицированными *imagines* в сравнительно хорошо документированном I в. до н.э. Между тем имело большие последствия то, что историографическая традиция, естественно, первично находилась под влиянием сохранившихся текстов.

Pompa была поводом для коммуникативной актуализации, оживления истории. *Pompa* должна была быть местом высказываний об истории. Кроме того, могли всегда некоторые слушатели говорить о собственном пережитом с умершим или его семьей, о походах под его командованием или об особенно острой избирательной борьбе. Эти люди имели истории, подчёркивает У. Вальтер, которые при удобном случае могли привноситься в большую инсценировку истории. Хотя образовывала *pompa* часть вертикальной социальной коммуникации, это не была «дорога с односторонним движением», поэтому инсценировавшаяся там история могла приниматься и ощущаться «маленькими людьми» как их собственная. Самоидентификация семей нобилитета со всей *res publica*, которая каждую важную погребальную церемонию определялась в перспективе всей римской истории, находила подтверждение со стороны воспринимавших эту процессию.

Прежде всего, знание об успешных предках из далекого прошлого требовало его актуализации, с другой стороны, имелась опасность, что предки существуют только в памяти семьи, но исчезли с горизонта аристократии и *populus* в

целом. Если нобили своего предка не имели в живой памяти или хотя бы не освежали о нем воспоминания избирателей, образованные люди должны были извлекать сведения из старых рукописей. В таком случае они не годились в качестве *commendatio* (рекомендации) для потомков и не были в состоянии ничем содействовать его *dignitas* (достоинству).

«Историческим комментарием» к погребальной процессии называет У. Вальтер *laudatio funebris*. Гентильные надгробные речи на форуме воспроизводили, на его взгляд, в обеих главных частях функцию погребальной процессии: в качестве чествования умершего и демонстрации статуса всего *gens*, перечисление *honores* и *res gestae* умершего в речах связывалось с восхвалением предков. Речь с роstr была, как замечает У. Вальтер, формальный *contio*. Гентильный порядок прошлого так же твердо устанавливался в важнейших речах, как его устанавливал ряд *exempla*.

У. Вальтер определяет роль *pompa funebris* в римской культуре памяти как центральную, отмечая ее действенность. Этим она обязана, на его взгляд, тому обстоятельству, что приводили к синтезу два фундаментальных для данного действия исторического представления: они выдвигали примеры и одновременно выстраивали картину непрерывно представляемого континуитета прошлых успехов, которая создавалась актёрами в масках. Прошлое должно было сохраняться в будущем; цепочка каждый раз удлинялась на одно звено, поэтому *pompa* может рассматриваться в качестве инсценирования долгого последовательного континуитета, она внушала народу доверие и мысль о стабильности военных успехов господствовавших семей. В этих рассуждениях У. Вальтер близок к К.-Й. Хелькескампу.

Так же как и Э. Флаиг, У. Вальтер полностью отрицает магическую или религиозную функцию *imagines* в культе умерших.

Действенность символического капитала, который аккумулировался из достижений предков, отмечает У. Вальтер, ценилась в качестве рангового критерия в противовес доступа новому пополнению в открытую (в принципе) элиту. Политик, который не соответствовал этому критерию, как аутсайдер, должен был находиться в оппозиции к нему. Для Цицерона это было характерно в меньшей степени, считает Вальтер, для Гая Мария – в большей. В связи с этим мне кажутся интересными наблюдения немецкого исследователя, которые включают в себя следующее. Если Цицерон (как минимум после своего консулата) довольствовался тем, что свои собственные заслуги выдвигал на первый план, то Марий стремился развенчать господствовавших в его время нобилей, с тем, чтобы отделить прошлое от настоящего, а также гентильный коллектив от живущих индивидов, полагает У. Вальтер. Поэтому Марий радикально акцентировал «меритократический», по выражению У. Вальтера, критерий принадлежности к

нобилитету (исследователь ссылается при этом на Саллюстия – *Sal. Jug.* 85. 10–14). Цицерон, на взгляд У. Вальтера, вряд ли так делал сам, но он, вероятно, соглашался с Марием в том, что *memoria o maiores* для римского нобилитета должна была иметь значение не столько рангового критерия, сколько, прежде всего, динамичного и динамизирующего (приводящего в движение) элемента. Этим, пишет У. Вальтер, отличалась позиция Цицерона (*Cic. Ver.* II.4.81) от попытки Мария лишить легитимности портреты предков. У. Вальтер не думает, что Цицерон хотел «частную собственность на капитал предков» коллективизировать (отнести ко всему народу), но он мог в качестве политического аргумента не только отрицать силу (действенность) *imagines* для определения индивидуальных способностей, но и поставить под вопрос их эксклюзивное значение лишь для семей, которые их наследовали.

Но и без того, чтобы заключать в себе далеко идущее отчуждение символического капитала предков в пользу всего народа или только одного-единственного дома, погребальная процессия может быть рассмотрена в качестве «общегосударственной», считает У. Вальтер. Первая *laudatio funebris* была произнесена хорошо известным Валерием Попликолой в качестве консула о своем коллеге Бруте, павшем в борьбе против Тарквиния (*Plut. Rom.* 9, 10). Публичные похороны выдающейся личности относятся, таким образом, к первому году Республики, чем подчеркивается их всеобщее значение, однако первая *laudatio funebris* была произнесена не родственником, но коллегой, носителем высшей должности *res publica*.

Влияние хранившихся в фамильных архивах погребальных речей на образование историографической традиции бесспорно, отмечает У. Вальтер, но в деталях в нем трудно разобраться. Нельзя недооценивать дальнейшее воздействие, которое производили портреты членов знаменитых семей с их дополнительной и стереотипной семантикой, а именно с идеей «типичных» качеств и образа действий всех представителей одного *gens*, так же как и *stirps*. Так, появились в историографической традиции все Клавдии в качестве реакционеров и врагов плебеев, Валерии, напротив, как дружественные народу поборники *libertas*; Манлии были особенно суровы, а Фабии большей частью благочестивы. Выдающиеся, излюбленные в устной традиции живые фигуры выцветали до точно очерченных родственников и приобретали в соответствии с материалом, имевшимся у писавших историю, надежные контуры, по которым последние затем могли моделировать, будто бы на похоронной процессии внушали представление о континуитете создаваемые клоны. Такое явление в исследованиях методически охвачено в понятии «дублеты», но, замечает У. Вальтер, в нашем контексте важнее констатация, что для римлян модель «положительных и сознательно принимаемых наследников» была привычной и воспринималась

даже как изображающая выдающийся *exemplum*. Обратной стороной этого гомогенизированного формирования и увеличения семейных профилей могло быть, конечно, создание образа, которому живущие при взгляде на их *maiores* могли уступить.

Проблема *memoria* и *res publica* в современной историографии закономерно привела к формулированию функций исторической памяти римлян. В обобщающем виде они могут быть даны так:

1) коммуникативная функция исторической памяти римлян;

2) образовательная и воспитательная функция;

3) обосновывающая и «контрапрезентная» функция (Ян Ассман¹² поясняет их суть так: обосновывающая функция показывает явления настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, необходимыми и неизменными; контрапрезентная связана с ощущением недостатков настоящего и закликает в воспоминании прошлое, которое приобретает черты героической эпохи).

Погребальная процессия как вид исторической памяти римлян выполняла, как можно заключить, обобщая исследования современных антиковедов, все эти функции; в историографии начала XXI в. они, как видим, и стали объектом специального анализа. Вместе с тем исследователи в проанализированных трудах по-разному видят приоритетность этих функций для *pompa funebris*: К.-И. Хёлкескамп выделяет коммуникативную, Э. Флаиг – обосновывающую, а У. Вальтер – и ту, и другую. Воспитательной функции *pompa funebris* больше других авторов новых работ уделил внимание Э. Флаиг.

Аргументация исследователями точности передачи реалий прошлого в ходе *pompa funebris* способствует реабилитации исторической памяти римлян в целом, в том числе определенным образом (косвенно), как мне кажется, и римского историописания, хотя погребальная процессия в этом отношении (с точки зрения отсутствия фальсификации) нередко и противопоставляется другим видам исторической памяти римлян. Ведь, в частности, обоснование отсутствия фальсифи-

каций в *laudationes* помогает смягчить негативное восприятие достоверности информации в *elogia*, имевших первоисточником, в числе прочего и надгробные речи.

Примечания

- ¹ См.: Flaig E. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. S. 49–68; Hölkeskamp K.-I. Senatus populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik. Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004. S. 188–190; Walter U. Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur im republikanischen Rom. Frankfurt am Main, München, 2004; Idem. „Ein Ebenbild des Vaters“. Familiäre Wiederholung in der Historiographischen Traditionsbildung der Römischen Republik // Hermes. 2004. Bd. 132. S. 406–425; Idem. Ahn macht Sinn. Familientradition und Familienprofil im republikanischen Rom // Sinn (in) der Antike. Orientierungssysteme, Leitbilder und Wertkonzepte im Altertum. Mainz am Rhein, 2003. S. 255–278.
- ² См.: Flaig E. Op. cit. S. 49–68.
- ³ См.: Дементьева В.В. Римская Республика: институциональная история и семиология // Политика. Идеология. Культура. Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 3–11.
- ⁴ Schneider K. Imagines maiorum // RE. Sp. 1098.
- ⁵ Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 100.
- ⁶ Kierdorf W. Laudatio funebris. Interpretationen und untersuchungen zur Entwicklung der römischen Leichenrede. Meisenheim am Glan, 1980. S. 79.
- ⁷ Штербенк-Эркер Д. Оплакивание покойника в Риме: материал к анализу роли женщины в римском трауре // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура: Сб. статей / Под ред. О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 180.
- ⁸ Dupont F. Les monstres de Seneque. Pour une dramaturgie de la tragedie romaine. Paris, 1994.
- ⁹ Hölkeskamp K.-I. Op. cit. S. 188–190.
- ¹⁰ Ibid. S. 189.
- ¹¹ Ассман Я. Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004. С. 65.
- ¹² Там же. С. 83–84.

УДК 82–94

ТИПЫ И МОДЕЛИ БИОГРАФИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

Н.Г. Зимина

Поволжский кооперативный институт (филиал),
АНО ВПО ЦС РФ «Российский университет кооперации», Саратов
кафедра истории, философии, социологии и кооперации
E-mail: tanazol@mail.ru

Статья посвящена методам написания биографий. Важное место здесь занимает определение с помощью сравнительного анализа типа и модели биографической личности.

Ключевые слова: биография, биографическая личность, тип биографической личности, модель биографической личности.

Types and Models of Biographical Personalities

N.G. Zimina

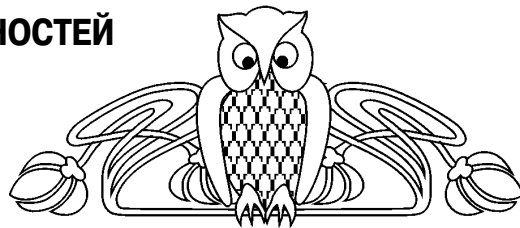
The article is devoted to the methods of writing biographies. A great focus is placed on defining the type and the model of a biographical personality by means of comparative analysis.

Key words: biography, biographical personalities, type of biographical personality models of biographical personality.

В методологии биографического исследования важное значение имеет определение типа биографических личностей. Здесь необходима их научная классификация по общности внешних и внутренних черт.

Так, к примеру, можно проанализировать тип христианских духовных лидеров, в основе которого – духовная ценность – одна из самых важных человеческих ценностей. Начало духовному лидерству было положено древними пророками, провозвестниками христианского учения. Содержание их деятельности изложено в дохристианской части Библии – Ветхом Завете.

Пророки сменяли друг друга на протяжении трех столетий. Местом их действия было государство Израиль. Пророческое движение возникло в условиях резкого обострения социальных конфликтов, которым пророки пытались найти объяснение. Они провозглашали идеалы добра и справедливости, искали путь избавления от зла и страдания. Пророки поставили вопрос о личной ответственности человека за свою праведную жизнь, а некоторые из них выступали с протестом против власть придержащих. Они критиковали их по-своему, что объяснялось их библейским пониманием истории. Иногда они проклинали целые династии, считая, что правление царя легитимно до тех пор, пока они выполняют Божьи законы. По утверждению А. Меня, известного священника, у правителей «было немало средств оставить след в веках. Они проходили по земле с шумом и грохотом, окруженные солдатами и палачами. А между тем против них шла незаметная, но неустанная борьба носителей духа»¹.

Что предлагали сторонники духовной власти в социальном плане? Прежде всего избавление от грехов и заблуждений. Они призывали обратиться к высшей жизни, гармонии, цельности, «божественному совершенству»². Однако конкретных планов социального переустройства общества у пророков не было. Для них человек ассоциировался с понятием активного сподвижника Бога, а не творца истории.

Собирательный образ духовного лидерства получил свое конкретное воплощение в Иисусе Христе. Его духовные победы заключались «в обуздании пороков, в подчинении страстей и мирном завоевании душ»³.

В характере Иисуса Христа привлекало соединение силы и доброты. Он был человечным, чувствительным к чужой боли. А. Мень подчеркивал: «Люди видели, как он скорбит, удивляется, радуется, обнимает детей, любит цветы»⁴. Речь Христа была снисходительной к слабостям человека. Он мог говорить «с нежной добротой, а мог быть строг, даже резок»⁵.

Размышляя о духовной власти Иисуса Христа, Наполеон признавал: «Какая пропасть между моей глубокой ничтожностью и вечным царствованием Христа, проповедуемого, воспетого, возлюбленного, боготворимого, живущего во всем мире»⁶. Так, Наполеон попытался поставить вопрос о том, а возможна ли вообще духовность реального человека и политического деятеля?

Писатель О. Хаксли попытался разобраться в этом на примере отца Жозефа, священнослужителя времен Ришелье, который был связан с религией и властью одновременно. Ему было свойственно постоянное стремление к святости, но, ввязавшись в политику, он был вынужден горько сожалеть об этом, «теряя остатки своего духовного авторитета»⁷. В конце концов его ждало разочарование от осознания расхождения политической практики с его приверженностью Богу, высшему совершенству, а более всего с моралью и нравственностью.

В то же время другой исторический деятель, лидер индийского движения за независимость М. Ганди, не имевший религиозного сана, явно показывал пример высокой духовности. В этом хотел разобраться известный писатель Дж. Оруэлл. Мироззрение Ганди, по словам Оруэлла, «носило скорее этический, нежели религиозный характер»⁸. Тем не менее полностью принять уче-

ние Ганди можно, лишь допустив существование Бога, а если сравнить его с другими политиками, то «какой чистой покажется атмосфера, которую он оставил после себя», – заключал писатель⁹.

Итак, опыт духовного лидерства многообразен и он может быть изучен как тип биографической личности.

Совершенно иной тип представлен так называемыми наместниками Бога на земле. Речь идет о монархах, которых объединяет традиционный тип власти, когда она передается по наследству. Данный тип подразделяется в свою очередь на два подтипа: монархов-тиранов и просвещенных монархов. При анализе типа ставится задача проследить, что общего было в характере монархов и каковы особенности их психологического склада и присущие им методы управления¹⁰.

К числу монархов-тиранов можно отнести биографии: Людовика XI (1461–1483) французского короля; английского короля Генриха VIII (1509–1547); русского царя Ивана IV Грозного (1547–1584) и испанского короля Филиппа II (1556–1598). Заметим, что в детстве у королев-тиранов рано проявлялась жестокость. Иногда это даже противоречило их внешней привлекательности. Известно, что Людовик XI, Генрих VIII, Иван IV и Филипп II в молодости были красивыми людьми и подавали большие надежды. Чем же объяснить изменение их характеров? У каждого, оказывается, были свои причины. Жестокость Людовика XI нарастала медленно и незаметно. Его врожденное коварство и подозрительность усиливались под влиянием обстоятельств. Приступы жестокости у Генриха VIII были бурными, внезапными и неожиданными. Тем не менее ярость Генриха не всегда толкала его на путь политического безрассудства. Король отправлял на плаху и жен, и поданных, и знаменитых сановников, ранее пользовавшихся его высоким доверием. В этом он во многом напоминал своего современника Ивана Грозного.

Иван IV, действительно, получил прозвище Грозный, что вызвало у его современников глубокое почтение и благоговейный страх. Характер царя был тяжелым и противоречивым. Ему была свойственна врожденная подозрительность и безграничный деспотизм. Оба – и Иван IV, и Генрих VIII – не терпели рядом с собой приближенных, которые не разделяли их взглядов. Они пытались сломить их волю то угрозами, то уговорами. А если те не поддавались, их попросту убивали.

Короли-тираны отличались своим поведением, жестокими поступками. Но несмотря ни на что ни один из монархов не вызывал глубокой массовой ненависти. Напротив, им поклонялись, признавали законной силой.

Таким образом, как следует из приведенных фактов биографий, монархов объединяли общие черты, их власть основывалась на силе. Они заботились в основном о впечатлении твердости и непоколебимости, что внушало подданным и про-

тивникам страх, но им было не чуждо и желание понравиться и произвести впечатление. Все это ломало данный им от природы характер.

В отличие от монархов-тиранов феномен просвещенных монархов связан с развитием культуры высших слоев общества, что привело к изменению политического строя. В центре внимания оказывалась значительная сама по себе личность монарха. Один из них Людовик XIV (1638–1715) вошел в историю как родоначальник просвещенного абсолютизма.

Укрепление абсолютизма было главным делом короля. Все его указания претворялись в жизнь под строгим наблюдением государственных деятелей, духовенства, парламента, дворянской знати, дворцовых слуг, а также в провинции – служителей юстиции, полиции, которые стали комиссарами, призванными королем¹¹.

Фридрих II, прусский король (1712–1786) был еще одним представителем просвещенного абсолютизма. В отличие от Макиавелли, Фридрих считал, что орудием государей должны быть добродетель, справедливость и милосердие. Король был талантливым полководцем, мыслителем, писал трактаты о политике и военном деле.

Фридрих II умел подбирать людей по способностям, щедро награждал их за заслуги. Он был против насилия в государственных делах. Кроме дарований, он ценил «в своих министрах еще и наклонность к добру и правоте»¹².

В отношениях с окружающими король был прост, остроумен, довольно культурен, проявлял интерес к искусству и музыке. Он был даже другом французского философа Вольтера. Его самого называли «философ на троне»¹³.

Прусский король Фридрих II сыграл важную роль в судьбе следующей представительницы просвещенного абсолютизма Екатерины II, российской императрицы. Именно он в 1745 г. предложил ее кандидатуру в качестве невесты для наследника русского престола.

Екатерина приехала, незнакомая ни с языком, ни с обычаями страны, где она царствовала 34 года, и после своей смерти в 1796 г. была провозглашена Великой. Много в жизни она приобрела собственными усилиями, научилась хорошо говорить по-русски, проявляла немалые познания в истории Русского государства, что было большой редкостью среди полуграмотных придворных. Как писал ее биограф А. Труайя, Екатерина читала и перечитывала Плутарха, по ее словам, «для укрепления душевных сил»¹⁴. Она изучала произведение Ш. Монтескье, переписывалась с Вольтером и французским философом Дидро.

Императрица высказывала полезные мысли о руководстве внешней и внутренней политикой. «Все, чего она хотела, – находим мы у Труайя, – она добивалась благодаря терпению, уму, твердости, мужеству, умела, когда нужно, брать на себя невероятный риск, неожиданно меняя курс, чтобы вернее достигнуть цели»¹⁵.

Итак, на основе анализа типа абсолютных монархов напрашивается вывод о том, что они обладали единоличной властью и опирались на постулат о ее божественном происхождении. Между тем короли-тираны превращали представительные учреждения (Генрих VIII – парламент, Иван IV – Земский Собор, Филипп II – кортесы) в орудие своей политики. Что касается просвещенных монархов, то модель их власти оставалась такой же, как у королев-тиранов, но они относились к придворной знати с гораздо большим уважением. Несмотря на некоторые черты сходства, каждый просвещенный монарх представлял собой индивидуальность, оставившую яркий след в истории. Налицо было сочетание таланта и образованности, которые у них проявлялись по-своему. Они добивались успеха умом и трудом, и их нельзя назвать баловнями судьбы.

Таким образом, методом сравнительного анализа биографических личностей действительно можно выявить черты, характерные для данного типа, а также индивидуальные особенности, что, несомненно, будет способствовать достоверности биографических данных.

Биограф, намечающий методы исследования, выбирает не только объективность или пристрастность, но и установившуюся модель биографической личности. Если тип личности выявляется путем сравнения личностных характеристик по горизонтали, то модель можно определить методом сравнения разных эпох по вертикали. Здесь необходимо найти особенности личности, соответствующие данной эпохе или отклоняющиеся от нее. По определению О. Шпенглера, этот метод дает видение «образа, при помощи которого изображение человека стремится получить понимание живого бытия мира по отношению к собственной жизни»¹⁶.

Сначала модель не просматривалась, выступали только ее контуры. Так, в Древней Греции по мере становления демократических учреждений появилась потребность в человеке образованном, красноречивом, умеющем убеждать. В Древнем Риме облик человека был иным. Для него была характерна целеустремленность, дисциплинированность, практичность.

Человек Средневековья не был уверен в земной жизни. Ее порядок, как ему казалось, целиком и полностью зависел от Бога. Личность окончательно потеряла свою индивидуальность. Переживания человека были контрастными. С одной стороны, он был подвержен взрывам страстей, которые проявлялись то в грубости, то в необузданности, то в зверской жестокости, то, напротив, отличались духовностью, потому что главной заботой была забота о душе. Страсти были свойственны как правителям, так и подданным.

В конце Средневековья и начале Ренессанса человек переживает новое рождение. После смирения и угрюмости появляется новое мирооще-

ние. Классическим наследием эпохи Возрождения были труды Н. Макиавелли, который впервые обрисовал модель биографической личности политического деятеля. Кодекс ее поведения соответствовал требованиям своего времени. Личная практика дипломата и политика убедила Макиавелли в иллюзорности справедливости в условиях неизбежной жестокости со стороны правителей. Хотя он и признавал значимость определенных человеческих качеств, на первое место он ставил сильную личность.

Советы Макиавелли государю поражают своей откровенностью, граничащей с безнравственностью. Государю, желающему остаться у власти, он рекомендует быть недобродетельным или пользоваться добродетелью по необходимости. На самом деле Макиавелли принимал властителя таким как он есть. «В силу своей природы, – подчеркивал он, – человек не может иметь одни добродетели»¹⁷. Макиавелли предлагал учитывать прежде всего потребности политики, когда добродетель может оказаться пагубной или выглядеть как порок. В тех исторических условиях государю требовалось бесстрашие, основательность и твердость. По утверждению Макиавелли, государь всем своим видом должен был производить такое впечатление, чтобы «никому не могло прийти в голову, что его можно обмануть или перехитрить»¹⁸. Эта модель была принята многими государственными деятелями, в частности Ришелье и Наполеоном.

В эпоху Просвещения появилась теория «естественного человека». После Великой французской революции с учетом уроков истории возникли новые требования к монархам. В отличие от Макиавелли, Г. Мабли предложил им «управлять мудро»¹⁹. Однако при условии, что «мудрость одного царствования не служит уроком следующему правителю»²⁰.

Г. Мабли высказал мысль о специализации власти. Государь был обязан представлять отчет о своем правлении. По мнению Мабли, ни несметные богатства, ни многочисленные войска не делают государя сильным. Чтобы осуществлять преобразования, государю нужно завоевать доверие его подданных. Он должен отказаться от своенравия, прихотей, корыстолюбия и тщеславия, явить пример искренности, издать законы против роскоши²¹. На традиционный вопрос: каким быть государю, Мабли ответил: «Государи суть правители, а не властители народов»²². Что касается граждан, то для них должны действовать естественные права и равенство перед законом.

Другими словами, модель биографической личности, представленная Макиавелли, соответствовала типу монарха-диктатора, а модель Мабли – просвещенного монарха.

Т. Карлейль стал создателем новой модели биографической личности. Будучи выразителем индивидуализма, он заинтересовался деятелями буржуазных революций. Он поделил их на тво-

рящих беспорядок, таких как Кромвель, и людей порядка, таких как Наполеон, появляющихся для завершения дел, начатых революцией.

Развитие мировой истории Карлейль связывал с деятельностью великих людей, героев. Карлейль писал по этому поводу: «Никакому времени не угрожала бы гибель, если бы оно могло найти достаточно великого человека: мудрого, чтобы определить потребность времени, отважного, чтобы повести его прямой дорогой к цели. В этом спасение всякого времени»²³. «История мира, – заключал он, – это биография великих людей»²⁴.

В основу данной модели легло признание заслуг великих людей и героев, но Карлейль допускал и объективную оценку, анализ отрицательных сторон их деятельности. Так, в Кромвеле, помимо его способностей, необычайного таланта и отваги, он отмечал честолюбие, бесчестность и двуедушие. Кромвель был, по Карлейлю, «свирепым, грубым и лицемерным»²⁵.

Другим героем Карлейля был Наполеон. Стремясь к абсолютной власти, он тем не менее смог стать руководителем демократического государства и овладеть наукой управления. Трагедия его, по мнению Карлейля, заключалась в том, что действительность диктовала демократическое развитие, а он установил авторитарную власть.

Весь последующий период шаг за шагом в Европе получают распространение демократические государства. Укрепляются либеральные ценности, новые формы поведения. Но всё ещё зыбко, непрочно, нет уверенности в полной победе демократических завоеваний, возможен откат назад. Однако две страны, Германия и Россия, остались монархиями, где правили Вильгельм II и Николай II.

В Германии считалось, что кайзер и государство – понятия нераздельные. У императора не могло быть интересов, отличных от интересов государства, и власть его от Бога. То же самое и в России, где правил Николай II. Обоим правителям был свойствен непрофессионализм в политике. Оба отрицали демократические институты, не признавали оппозицию. Их окружала лесть поданных. Именно в этих государствах потом сформировались тоталитарные режимы.

С развитием рыночных отношений появился соответствующий им тип личности, которому была свойственна гибкость, общительность, умение перестраиваться. С возрастанием роли массовой культуры имидж лидера становился все более зависимым от нее, что способствовало возникновению разбушевавшихся тенденций, приведших к установлению диктаторских режимов. Их целью стало создание нового устройства общества. Этим целям соответствовала определенная модель биографической личности тоталитарного типа.

В противовес демократии тоталитарное сознание базировалось на необходимости безусловного подчинения человека коллективу, партии, государству. Тоталитарный контроль распростра-

нялся на то, о чем думает человек, что порождало массовый слой сомнений, опасных мыслей, отрицательных эмоций, в которых нельзя было признаться другим и даже себе.

Тоталитаризм не признавал всю полноту человеческой природы, отбрасывая все ее слабости, якобы ненужные для человеческого блага. Отсюда модель биографической личности не включала личную жизнь героя, анализ его интересов, увлечений, человеческих слабостей, ошибок. Живые чувства оттеснялись на задний план, важнее всего была официальная позиция. Такому типу личности должна была соответствовать беззаветная преданность официальной идеологии, верность делу партии и исполнительность. В результате в биографиях отсутствовали человеческие черты, составляющие индивидуальность, своеобразие личности. Так, к примеру, Сталин хотел поручить свою биографию известному немецкому писателю Э. Людвигу, но биография не появилась. Вместо нее была опубликована прижизненная и типичная для тоталитаризма официальная биография²⁶. В ней не было места представлениям о Сталине-человеке, подчеркивалось единство вождя, партии и ее идеологии. Это было жизнеописание, подчиненное заданным целям, где, по определению Юнга, он изображался не таким, какой есть, а как «фальшивая личность»²⁷.

Тоталитаризму было свойственно постоянное подчеркивание превосходства вождя. Он провозглашался единственным творцом. Другим запрещалось применение творческих сил по собственной воле. В то же время, справедливости ради, следует согласиться с Дж. Оруэллом, который заметил способность вождей пробуждать энергию масс. Такая энергия порождалась чувством национальной гордости, религиозной верой, воинственным пылом – словом, эмоциями²⁸.

Люди тоталитарного типа могли прийти к власти только в недемократических странах, где было сильно поклонение вождю, способному защитить, где не было общественного контроля за его действиями. После падения тоталитарных режимов главенствующей стала модель биографической личности демократического лидера.

Р. Даль высказал мысль, что для такой модели требуется «неподкупность, умение и решимость твердо противостоять многочисленным соблазнам и искушениям власти, постоянная и беззаветная преданность общественному благу, а не своекорыстным личным узкогрупповым интересам, нужна также компетентность»²⁹. Кроме того, необходима мудрость правящей элиты.

Успех демократического лидера во многом зависит от умения взаимодействовать со своей командой и окружением, а иногда пойти на компромисс. Не все воспринимают новые идеи, некоторые видят в них покушение на основы устоявшегося миропорядка. С ними тоже надо найти общий язык. Для демократического лидера важна забота о поддержке его курса большинством на-

селения, но для этого следует уделять внимание нуждам граждан.

Все критерии демократического лидерства могут быть соблюдены в случае постоянного и критического отношения активных граждан к своим избранникам. Особая роль принадлежит средствам массовой информации, которые рассматривают лидера как обыкновенного человека с его пороками и слабостями. Главным критерием оценки деятельности демократического лидера остается профессионализм и высшие результаты, достигнутые действенным управлением.

Шансы стабильной демократии против формирования модели авторитарной личности могут появиться только в тех странах, где политические лидеры и рядовые граждане оказывают могучую поддержку демократическим идеям, ценностям и процедурам³⁰. Все зависит от того, насколько демократические воззрения укоренены в политической культуре стран и передаются из поколения в поколение.

В целом существование моделей биографической личности не означает написания биографий только в рамках этих моделей. Они не сковывают свободу творчества, потому что только на этом пути возможно совершенствование биографического исследования.

Примечания

- 1 *Мень А.* Ветхозаветные пророки. М., 1998. С. 72.
- 2 Там же. С. 73.
- 3 *Наполеон I, император Франции.* Религиозные беседы о божественности Христа // Слово. 1995. № 1. С. 90.
- 4 *Мень А.* Сын человеческий. М., 1992. С. 28.
- 5 Там же.

- 6 *Наполеон I, император Франции.* Религиозные беседы о божественности Христа // Слово. 1995. № 7, 8. С. 92.
- 7 *Хаксли О.* Серое прееосвященство. М., 2000. С. 294.
- 8 *Оруэлл Дж.* Размышление о Ганди // Человек. 2000. № 2. С. 38.
- 9 Там же. С. 42.
- 10 См.: *Каплан А.Б.* Психологические характеристики различных типов абсолютных монархов (историко-биографический аспект) // Человек: образ и сущность. М., 1992. С. 80.
- 11 См.: *Histoire de l'Europe.* P., 1990. P. 248.
- 12 См.: *Кони Ф.* Фридрих Великий. Ростов н/Д, 1997. С. 217.
- 13 Там же. С. 536.
- 14 *Труайя А.* Екатерина Великая. М., 1997. С. 323.
- 15 Там же. С. 231.
- 16 *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск, 1994. С. 40.
- 17 *Макиавелли Н.* Государь. М., 1991. С. 46.
- 18 Там же. С. 54.
- 19 *Мабли Г.* Об изучении истории. СПб., 1812. С. 17.
- 20 Там же. С. 77.
- 21 Там же. С. 121.
- 22 Там же. С. 129.
- 23 *Карлейль Т.* Герои и героическое в истории. СПб., 1891. С. 17.
- 24 Там же. С. 18.
- 25 Там же. С. 291.
- 26 См.: *Сталин И.В.* Краткая биография. М., 1947.
- 27 *Юнг К., Нойман Э.* Психоанализ и искусство. М., 1998. С. 214.
- 28 См.: *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 237.
- 29 См.: *Даль Р.* О демократии. М., 2000. С. 72.
- 30 Там же. С. 150.

УДК 32–94

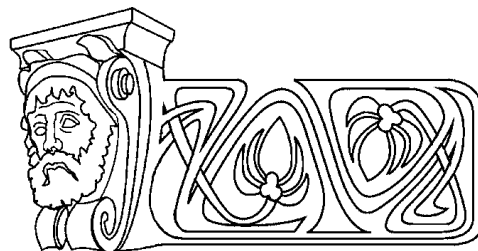
АМЕРИКАНСКИЕ МИССИОНЕРЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – начало XX века)

Н.Г. Зимина

Поволжский кооперативный институт (филиал),
АНО ВПО ЦС РФ «Российский университет кооперации», Саратов
кафедра истории, философии, социологии и кооперации
E-mail: tanyazol@mail.ru

В статье исследована политика прозелитизма в Османской империи в XIX – начале XX века. Показана деятельность американских протестантских миссионеров среди православных христиан и армян.

Ключевые слова: американское миссионерство, Османская империя, протестантизм, прозелитизм, православие.

American Missionaries in the Ottoman Empire in the XIX Century and Beginning of XX Century

N.G. Zimina

The policy of proselitism in the Ottoman Empire in the nineteenth and at the beginning of the twentieth centuries in the article. The activity

of the American Protestant missionaries is shown among the Orthodox Christians and Armenians.

Key words: American missionaries, Osmanic Empire, protestantism, proselitism, orthodoxy.

Период с XIX и до начала XX в. связан с активной деятельностью американских протестантских миссионеров среди христианского населения Османской империи. Чем была обусловлена эта кампания и почему она имела успех? Ответ на этот вопрос предполагает исследование политических событий в данном регионе и особенностей протестантского миссионерства.

Протестантское движение возникло в эпоху Реформации в Европе. В основе его лежала концепция личного общения с Богом, требовая перевода Библии на язык, на котором разговаривали верующие. Однако на первом этапе после Реформации протестантские церкви не вели большой работы, они были заняты созданием собственной институциональной структуры.

В Америку протестантские миссионеры попали вместе с первыми переселенцами. После того как были построены дома и возведены церкви, одной из главных забот протестантских миссионеров стало просвещение колонистов. Это было в традиции Реформации, так как и Кальвин и Лютер настаивали на том, чтобы простой человек был грамотным и сам смог читать Библию, а руководители церкви и государства должны были получить соответствующее их служению образование. Протестантские религиозные организации открывали школы и колледжи, а в 1636 г. приняли участие в основании Гарвардского университета¹.

Широкий простор для деятельности церкви в Америке способствовал ее творческим устремлениям. Сюда входила щедрая благотворительность, участие в антиалкогольном движении. Деньги на это поступали от акционерных компаний, субсидировавших переселение на Американский континент².

От Американской революции и до Первой мировой войны США были страной, где протестантизм стал религией большинства. Однако к концу XVII в. и в XVIII в. после прибытия в Америку англичан, испанцев и французов у них появилось желание открыть собственные церкви. В результате отношение к протестантизму изменилось, он постепенно утратил монополию. Это побуждало протестантских миссионеров посылать своих агентов в другие страны. Многие из них уже имели опыт обращения в протестантизм индейцев. При этом следует подчеркнуть, что у язычников они искали общность принципов их религий с христианством. У них была идея создания религий, являвшихся одновременно и природными, и научными³. Теперь же, отправляясь в другие страны, американские миссионеры наряду с цивилизаторскими целями были призваны выполнять и специфические политические задания и обращать в протестантскую веру народы, уже

исповедовавшие другие религии, иными словами, заняться прозелитизмом.

Для названных целей в Америке были созданы специальные миссионерские организации. Среди них особо значимыми были: Бюро уполномоченных для иностранных миссий (основано в Бостоне в 1810 г.); Бюро протестантской епископальной церкви в Северной Америке (основано в 1835 г. в Нью-Йорке); Бюро пресвитерианской церкви (основано в 1837 г. в Нью-Йорке); Миссионерский Союз американских баптистов (основан в 1814 г. в Филадельфии)⁴.

Деятельность миссионеров из Америки, направившихся в Османскую империю, началась с 1820 года⁵. После отплытия их из Бостона в 1819 г. в Сирию и Палестину, в первые годы греческой войны США направили своих миссионеров также и в Грецию, и в приморские города Малой Азии, на остров Крит и в Бейрут⁶. Здесь они утверждали прозелитизм, распространяя протестантскую литературу, но столкнулись с православными церквями и после восстания в Греции были вынуждены покинуть Сирию в 1828 году. Тем не менее, спустя два года, с 1830 г. они возобновили свою миссионерскую агитацию среди армян, а в 1831 г. ими была открыта протестантская миссия в Константинополе.

Не менее значимым для них было и стремление охватить своим влиянием мусульман Османской империи. Мыслилось, что все это могло бы помочь США осуществить политическое давление на Турцию, в частности, в вопросе о проливах Босфор и Дарданеллы, чтобы обеспечить своим кораблям равные права прохода с другими государствами.

Россия выразила свое недовольство распространением протестантизма среди православных. В 1837 г. русский посол в Турции предупредил миссионеров о том, что Россия «никогда не позволит протестантизму распространиться в Турции»⁷.

Свою лепту в этот процесс внесла и Великая Порта. В 1847 г. турецкое правительство признало протестантских христиан сепаратистской общиной, присвоившей права, уже имевшиеся у других христиан⁸.

Протестовали и христианские церкви. Одной из первых выступила православная церковь в Греции. Патриарх Григорий VI в 1835 г. в ответ на распространение американскими миссионерами литературы на ново-греческом языке направил специальное послание к православным и предал протестантских миссионеров анафеме⁹. Он заявил, что их книги содержат хулу на догматы и обряды православия¹⁰.

Поэтому в 1846 г. возник конфликт между миссионерами и армянскими патриархом. Американская миссия в Константинополе, созданная для обращения евреев в протестантство, вместо евреев направила свои усилия на христиан других исповеданий и прежде всего на армян¹¹. И тем не менее, несмотря на недовольство действиями

протестантских миссионеров, они неуклонно расширяли сферу своего влияния. В Бейруте, где американский консул оказывал им всяческое содействие, они основали свою типографию¹².

Всего в Османской империи существовало семь миссионерских протестантских организаций из США, в том числе три отделения американских обществ функционировали в Сирии и Палестине. При этом особое значение придавалось созданию в Бебеке, пригороде Константинополя, духовных и светских школ. Там же с 1845 г. была открыта школа для девочек, работавшая до 1862 года. Одновременно в Константинополе появилась евангелическая церковь, специально для привлечения армян¹³.

В результате общее число американских миссионеров к началу XX в. в Османской империи увеличилось до 60 тысяч¹⁴. Число протестантских церквей с 1845 по 1900 г. возросло с 7 до 133, количество функционировавших школ – с 7 до 425, а учеников в них – с 135 до 23 тысяч¹⁵. Общие расходы на миссионерскую деятельность к 1891 г. достигли 1665 турецких лир¹⁶.

Главным источником средств для осуществления протестантского миссионерства были поступления от американских торговых фирм, в которых миссионеры нередко числились торговыми агентами. Иногда за определенную плату к миссионерской деятельности привлекались и выходцы из местного населения¹⁷.

Миссионеры редко селились в городах, предпочитали глухие и малодоступные провинциальные уголки, где без конкуренции и противодействия со стороны других конфессий добивались своих целей.

В 1890 г. в Нью-Йорке состоялся общий конгресс всех протестантских миссий, на котором было представлено 249 миссионерских обществ, охвативших 6000 миссионеров. Ежегодный бюджет организаций составил 19 млн долларов, или 5 млн франков¹⁸.

Остается выяснить, почему протестантский прозелитизм стал возможным на территориях Османской империи, заселенных, прежде всего, армянами и православными христианами. Одна из причин состояла в том, что в прошлом эти этносы и верующие входили в состав Византийской империи, которая была оплотом православия, или восточного христианства. Оно возникло в Греции, тоже бывшей тогда в составе Византии, где церковь находилась под управлением императора¹⁹. Только армяне в 300 г. приняли христианство сами и в Армении после разрыва с западным христианством в 506 г. была образована григорианская церковь. В IX в. Армения была завоевана Турцией.

После падения Византии в 1453 г. Константинополь стал столицей Османской империи, на территории которой был введен ислам. В 1516 г. Ливан, Сирия и Палестина вошли в ее состав наряду с другими государствами.

Конфронтация с исламом, начиная с VII в., и сокращение ареала влияния не прошли бесследно для православной церкви. Кроме того, у нее не было единого центра, подобного Ватикану. Важным было и то, что с падением Византии православная церковь лишилась поддержки государства.

Вторая причина была обусловлена тем, что православная Россия, которая постоянно претендовала на роль объединительницы всех православных христиан, так и не стала реальной защитницей своих единоверцев в Османской империи. Русской православной церкви прозелитизм как явление был чужд. Только в 30–40-е гг. XIX в. он появился, но не как церковная, а как государственная стратегия в царствование Николая I в его политике на Ближнем Востоке. Почвой для его появления было стремление к сплочению Восточных христианских церквей вокруг России и русского православия для отпора протестантскому прозелитизму. Однако после поражения в Крымской войне все прозелитистские установки быстро сошли на нет²⁰. У самой Русской православной церкви, которая была тесно связана с государством и зависела от него, не хватало ни опыта, ни денег для миссионерства и религиозной экспансии.

Третья причина состояла в том, что и сама Турция не сумела противостоять протестантскому прозелитизму. Османскую империю называли «большим человеком Европы». XIX в. и начало XX в. стали для нее периодом серьезного кризиса и распада. После поражения в войне с Россией и Грецией и их европейскими союзниками она уже не обладала военным и культурным потенциалом, который был у нее раньше. США и европейские державы были заинтересованы в дележе ее территорий.

С 1828 г. северо-восточная часть Армении вошла в состав России, а затем после поражения в Русско-турецкой войне 1877–78 гг. начался рост национального самосознания народов, в том числе армян в Анатолии, где волнения жестоко подавлялись. Среди турок возродились настроения воинствующего панисламизма. В 1894–1895 гг. турецкие правители организовали серию погромов. Но самым трагическим событием для армян была резня 1915 года.

До 1914 г. на территории Турции проживало 2,3 млн армян и 1,5 млн – в Российской империи. Однако накануне Первой мировой войны перед армянами, проживавшими в Турции, встала проблема политического выбора: поддержать Россию, традиционно покровительствовавшую христианам, или сохранить лояльность по отношению к Порте. Они выбрали Турцию. Тем не менее турецкое правительство, опасаясь пророссийских настроений среди армян, приняло решение о депортации армянского населения из районов, которые могли оказаться в зоне боевых действий.

Таким образом, из приведенного анализа можно заключить, что пропаганда американских

миссионеров привнесла в Османскую империю определенные ценности и достижения американской цивилизации, она «была сильна своими образовательными средствами, материальными и нравственными, своей рациональной постановкой обучения»²¹. Миссионеры получали поддержку американских и английских консулов. Для вовлечения армян-христиан в протестантство использовалась финансовая заинтересованность, за них уплачивали налог, заменявший для христиан воинскую повинность²². В то же время, несмотря на очевидную цивилизаторскую роль, налицо был явный прозелитизм, когда в протестантство обращали уже исповедовавших другую религию: армян-христиан и православных в Бейруте, Сирии и Палестине. Их церкви не имели достаточно сил, чтобы этому противостоять. Все это подготовило почву для политического проникновения в Османскую империю европейских держав и США.

Примечания

- ¹ См.: Эрл К. Дорогами христианства. М., 1992. С. 309.
- ² Там же. С. 301.
- ³ Там же. С. 314.
- ⁴ См.: Христианство. Энциклопедия. М., 1995. Т. II. С. 117.
- ⁵ См.: Sousa N. The Capitulatory regime of Turkey. Baltimore, 1933. P. 140.

- ⁶ См.: *Базили К.* Сирия и Палестина под турецким правлением. Одесса, 1862. Т. II. С. 301.
- ⁷ Hamlin Kyrus Among the Turks. L., 1878. P. 34.
- ⁸ См.: *Sousa N.* Op. cit. P. 142.
- ⁹ См.: *Архимандрит Иона.* Свет Востока. СПб., 1910. С. 16.
- ¹⁰ См.: *Базили К.* Указ. соч. С. 301.
- ¹¹ См.: *Березин И.* Православная и другие христианские церкви в Турции. СПб., 1885. С. 66–67.
- ¹² См.: *Базили К.* Указ. соч. С. 302.
- ¹³ См.: *William Webster Hall Y.K.* Puritans in the Balkans. Ph. D. Sofia, 1938. P. 9.
- ¹⁴ Ibid. С. 24.
- ¹⁵ См.: *Архимандрит Иона.* Протестантская пропаганда среди православных христиан Востока. СПб., 1911. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 14.
- ¹⁷ Там же. С. 26.
- ¹⁸ См.: *Pisani P.* Les missions Protesfantes a la fin XX siecle. Paris, 1908. P. 22.
- ¹⁹ См.: Эрл К. Указ. соч. С. 160.
- ²⁰ См.: *Соколов А.* Православный прозелитизм на Ближнем Востоке и Эфиопии: мифы и реальность // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 10. С. 65.
- ²¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). 1888. Д. 1629. Л. 25.
- ²² АВПРИ. 1881/84. Д. 1625. Л. 39.

УДК 94 (437) [14]

ОБРАЗ ЯНА ГУСА В ТВОРЧЕСТВЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории средних веков
E-mail: galyaman@rambler.ru

В статье рассматривается поэма великого украинского поэта Т.Г. Шевченко «Еретик» как памятник исторической мысли. Выявляются особенности трактовки Т.Г. Шевченко деятельности Яна Гуса и её исторического значения.

Ключевые слова: Ян Гус, историография гуситского движения, Тарас Шевченко.

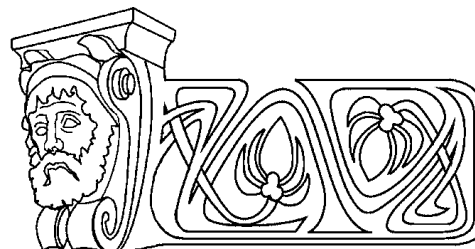
The Image of John Hus in Creation of Taras Shevchenko

A.N. Galyamichiev

This article describe the poem Heretic by T.G. Shevchenko. Author examine the poem like historical origin and discover peculiarity of Shevchenko's understanding John Hus and his activity.

Key words: John Hus, historiography of the Hussite movement, Taras Shevchenko.

Поэма «Еретик», написанная в 1845 г., является одним из самых известных произведений Тараса

Шевченко. Исследователи творчества Шевченко, высоко оценивая литературные достоинства поэмы, вместе с тем с полным основанием отмечали и глубину представленного в ней осмысления исторического значения судьбы великого сына чешского народа – Яна Гуса, жизненному подвигу которого и было посвящено это произведение¹.

При этом признание смелости и самобытности Шевченко-историка сочеталось, как нам представляется, с ярко выраженной тенденцией свести новизну и саму ценность предложенной поэтом трактовки драматических событий начала XV в. к признанию им социального, точнее – антифеодалного содержания учения и деятельности Яна Гуса. Кроме того, заключительные строки поэмы, напоминающие о последовавшей после гибели Гуса грозной эпопее гуситских войн², представлялись в качестве квинтэссенции содержания

поэмы. Например, по оценке С.М. Бабинцева, «Ян Гус для Шевченко в первую очередь, не церковный реформатор, а борец за независимость родного народа, пламенный революционер, готовый отдать за своё дело жизнь»³.

Авторы исследований, опубликованных в советский период, делают особый акцент на резко негативные, эмоционально ярко окрашенные нравственные оценки плачевного состояния официальной церкви на Западе в начале XV в., далеко зашедшего процесса нравственного разложения высшего духовенства. Характерно, что единственное отдельное издание поэмы, хранящееся в фонде Зональной научной библиотеки Саратовского университета, вышло в свет в рамках серии «Художественная атеистическая библиотека», выпускавшейся Издательством политической литературы⁴.

Приводимые авторами работ о творчестве Шевченко факты использования перефразированных строк поэмы «Еретик» русскими революционерами разных поколений были призваны подкрепить и усилить вынесенные ими оценки⁵. Однако они, как нам представляется, свидетельствуют прежде всего о том, что творение Шевченко доходило до умов и сердец думающей России. Секрет же этого успеха состоял в том, что выдающийся украинский поэт и мыслитель, пытаясь постичь значение подвига Яна Гуса, стремился быть предельно исторически достоверным, увидеть Гуса человеком своей эпохи, со свойственным ей и только ей взглядом на мир.

Взявшемуся за перо в середине 40-х гг. XIX в. «Кобзарю» было крайне трудно решить эту задачу, поскольку на русском языке тогда не было ещё написано ни одной работы, в которой жизнь и деятельность Гуса нашли бы сколько-нибудь подробное освещение: сказывались столетия духовного обособления католического (а затем и протестантского) Запада и России.

Исследователи установили, что Шевченко занимался целенаправленным поиском сведений о Гусе. В этом ему очень помогло общение с О.М. Бодянским – знаменитым профессором Московского университета, одним из зачинателей отечественного славяноведения. Он неоднократно бывал в славянских землях, в том числе в Чехии, поддерживал тесные контакты с зарубежными славянскими учёными. Есть основания предполагать, что О.М. Бодянский познакомил Т.Г. Шевченко с рукописью первого русского научного труда о Гусе – книги своего ученика, болгарина по происхождению, С.Н. Палаузова⁶.

Знакомство с текстом поэмы приводит к выводу, что в ней отчётливо представлены основные вехи деятельности Яна Гуса. Она открывается освещением мучительно трудного решения Гуса бросить вызов царящей в мире неправде, воспринимаемой им как торжество зла, цинично поправшего Божью заповедь:

«О царь небесный! Суд твой всеу,
И всеу царствие твоё,

Разбойники, людоеды
Правду побороли,
Осмеяли твою славу,
И силу и волю ...
Так в келье Гус с неправдой злою
Решил бороться – разорвать
Оковы ада... и святое,
Святое чудо показать
Очам незрячим: «Поборюсь...
Со мной всевышний! Да свершится»
И в Вифлеемскую каплицу
Пошёл молиться добрый Гус»⁷.

Поэтические строки Шевченко дают возможность читателю проникнуть в своеобразный внутренний мир главного героя средневековой чешской истории, не приписывая ему идей и настроений, свойственных XIX столетию.

Далее в поэме находит полностью соответствующее данным исторических источников отражение характера проповедей Яна Гуса в Вифлеемской часовне в Праге, с началом которых в 1402 г. принято связывать начало гуситского движения. От бесстрашного обличения пороков высшего духовенства Гус постепенно перешёл к систематической критике догматов и внутреннего устройства римско-католической церкви. Особый общественный резонанс, вызывавший серьёзные опасения глав церковной и светской власти, произвело решительное выступление Гуса против торговли индульгенциями в Праге в 1412 г., обозначившее его непримиримый конфликт с официальной церковью. В поэме этот момент отмечен кульминационной по эмоциональному накалу проповедью Гуса:

«Проснитесь, чехи!
Вы же люди,
А не потеха чернецам!
Злодеи, палачи в тиарах
Всё обратили в прах и дым,
Как там, в Московии, татары,
И догматы свои слепым
– Нам навязали!.. Кровь, пожары,
Всё зло на свете, войны свары,
Мученья адские, а Рим
Распутством одержим.
Вот все их догматы и слава!
Чего славней!.. А нынче – вот
Установление конклава:
Кто, буллы не купив, умрёт,
Тот – прямо в ад. А если плату
Ты внес двойную – режь хоть брата,
Всех, кроме пап и чернецов,
И в рай ступай в конце концов!»⁸

В полном соответствии со свидетельствами исторических источников написаны яркие картины Констанцского собора, прощания Гуса с Родиной, его героического единоборства с неправыми судьями и мужественная смерть:

«Загудел Констанц от звона...
В кандалах, под стражей,
На Голгофу ведут Гуса...
И не дрогнул даже
Пред костром, ступил на пламя
Он с молитвой смело...»⁹

Не нарушает исторической истины и напоминание поэта о постигшей папство Божьей каре – ринувшийся после сожжения «гуся» с небес «орёл» символизирует европейскую Реформацию XVI в.¹⁰, главные вдохновители которой прямо признавали себя единомышленниками Гуса.

Таким образом, то почётное место, которое занимает поэма «Еретик» в истории осмысления подвига Яна Гуса в нашей стране, определяется прежде всего высокой степенью её исторической достоверности и особым вниманием к огромному общечеловеческому, нравственно-мировоззренческому содержанию его учения и деятельности.

Не случайно Шевченко отправил один из экземпляров поэмы с посвящением П.И. Шафарику – выдающемуся историку, словаку по происхождению, работавшему в Чехии и писавшему на чешском языке, который считался основателем славяноведения как науки. Содержание его многогранной деятельности было созвучно мировоззренческим исканиям молодого украинского поэта, ставшего в начале следующего, 1846-го г. одним из основателей Кирило-Мефодиевского общества, ставившего своей задачей создание ряда славянских демократических республик во главе с Украиной, объединённых на федеративных принципах в Славянский союз со столицей в Киеве. Участники общества полагали, что движущей силой истории является христианская религия, «указывающая человечеству путь к достижению царства справедливости, свободы, равенства и братства»¹¹.

Славянские народы, принявшие благую весть от святых Кирилла и Мефодия, как подчёркивалось в Уставе общества, «скоро принимали Христову веру, как ни один народ так не принимал»¹², и образ Яна Гуса, как никакой другой в историческом прошлом, выражал чаяния основателей Кирило-Мефодиевского общества. Думается, что с наибольшей ясностью это выражено в заключительных строках посвящения П.И. Шафарику:

«Будь же славен ты, Шафарик,
Вовеки и веки,
Что в одно собрал ты море
Славянские реки!
Так прими же в своей славе,
Повстречай приветно
Эту думу немудрую,
Дар мой неприметный,
Про того святого чеха,
Мученика Гуса!
Прими, отче! А я тихо
Богу помолюся.
Чтобы стали все славяне

Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками,
Вот такими, как Констанцкий –
Муж великий, правый!
Принесут они навеки
Миру мир и славу!»¹³

Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на XXX Международных научных чтениях «Н.Г. Чернышевский и его эпоха», проходивших 23–24 октября 2008 г. в Саратовском университете.

Примечания

- ¹ Интересно отметить, что сам Т.Г. Шевченко в письмах неизменно называл поэму иначе – «Ян Гус».
- ² После Констанцкого собора, по решению которого Ян Гус был сожжён на костре инквизиции как еретик, «разлетелись
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Чёрные вороны.
Разгулялись по хоромам,
Даже не вспомнят!
Знай пируют да порою
«Te deum» затянут.
С корнем вырвали... Пойдите!
Вон над головою
Старый Жижка из Табора
Взмахнул булавою» (Шевченко Т.Г. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 1. С. 286.)
- ³ Бабинцев С.М. Тарас Григорьевич Шевченко. Л., 1970. С. 62. См. также: Кирилюк Е. Тарас Шевченко. Критико-биографический очерк. М., 1988. С. 104; Белецкий А.И., Дейч А.И. Тарас Шевченко. М., 1989. С. 58.
- ⁴ См.: Шевченко Т.Г. Еретик. Антирелигиозные стихи и поэмы. М., 1964.
- ⁵ См.: Айзеншток И.Я. Комментарии // Шевченко Т.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 414; Бабинцев С.М. Указ. соч. С. 64.
- ⁶ См.: Палаузов С.Н. Иоанн Гус и его последователи. М., 1945.
- ⁷ Шевченко Т.Г. Еретик // Шевченко Т.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 279.
- ⁸ Там же. С. 280.
- ⁹ Там же. С. 284.
- ¹⁰ «Так монахи
Гуса осудили
И сожгли. Но Божье слово
С ним не умертвили, –
Не думали, что ринется
После гуся яро
Орёл с неба и расклюёт
Гордую тиару»
(Шевченко Т.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 285)
- ¹¹ Зайончковский П.А. Кирило-Мефодиевское общество. М., 1959. С. 79.
- ¹² Там же. С. 155.
- ¹³ Шевченко Т.Г. Собр. соч. Т. 1. С. 278.

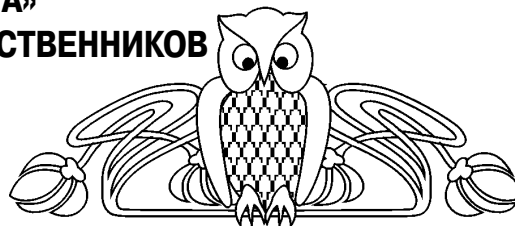

УДК 950

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ «ВЕЛИКОГО МОГОЛА» ГЛАЗАМИ ПЕРВЫХ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (конец XVI – первая треть XVII века)

О.В. Королева

Саратовский государственный университет,
кафедра туризма и культурного наследия
E-mail: korolevaov@mail.ru

В статье исследуется проблема формирования образа жизни правителя Могольской империи Джахангира в представлении английских путешественников конца XVI – первой трети XVII в. На начальной стадии «узнавания» «чужая» культура часто оформлялась посредством репрезентации ее правителя, что делало ее легко познаваемой и, таким образом, принижало ее значение. Образ могольского падишаха, как и образ Востока, в целом, созданный путешественниками на страницах своих записок, носит личностную, эмоциональную окраску. Рассказы о праздной жизни Джахангира были призваны установить связь между порочностью и нравственным упадком представителя восточной власти и чрезмерным богатством, которое ей было не на пользу. Он продолжал оставаться «варваром» в глазах европейцев, несмотря на то, что богатство и роскошь восточного монарха вызывали их восхищение, зависть и благоговейный трепет.

Ключевые слова: образ «Чужого», правитель Могольской империи глазами английских путешественников, восточные путешествия англичан в раннее новое время, записки английских путешественников, проблема Восток–Запад, образ жизни восточного правителя.

Holidays and Everyday Life of «the Great Mogul» through the Eyes of the First English Travellers (late XVI – early XVII Centurie)

О.В. Koroleva

This article analyse the portrayal of Eastern ruler as 'another' culture by English travellers. The endeavour was to show what were early modern English perceptions of a way of life of the Emperor Jahangir. During the first period of English commercial presence in India, the figuration of a culture was represented by its ruler. This practice homogenized and simplified a culture, making it more easily knowable and thus inferior.

In the English travel writing of East, a ruler quickly becomes the focus of the civilized/barbaric binary. The Jahangir, figured in this way as «the Great Mogul», becomes the subject of discourses about exoticism, cruelty, and sensuality that characterize Eastern ruler (supreme or local), and his power were depicted was despotic if not tyrannical. That allowed Europeans to declare their superiority over the most powerful and impressive non-European civilizations during early modern time.

Key words: early modern English travels to Mogul Empire, Eastern ruler through English travellers' eyes, English travel-writing, cultural dialogue, English image of Eastern Other, English imaginary of 'Eastern' power, problem "East – West", a way of life of the Emperor Jahangir, the representations of Jahangir, the Great Mogul, by English travellers.

В последние десятилетия все большее число исследователей обращается к запискам путешественников с целью изучения феномена «Другого/Чужого». Исходя из посылок современного гуманитарного знания, акцент переносится с изучения реалий на изучение того, как они осмыслились людьми соответствующего времени. Наибольший интерес представляет то, каким европейские путешественники «видели» восточное пространство, и то, какую форму принимало это видение в их записках о далеких странах. В соответствии с этим на первый план выходит то, как строится повествование о «Другом» – стиль и логика повествования, манера высказывания и определенное видение авторов.

Сведения первых английских путешественников о Востоке интересны и полезны тем, что позволяют пролить свет на то, как происходила встреча двух культур и двух сознаний, что, несомненно, в последующем наложило отпечаток на их дальнейшее взаимодействие и взаимовосприятие друг друга. Именно в образах описываемой восточной реальности скрывались надежды, опасения, иллюзии, ожидания англичан от «чужого» мира.

Образ верховного правителя восточной страны занимает особое место на страницах рассказов англичан о Востоке. И это не случайно. Во-первых, на начальной стадии формирования представления о новых культурах «чужая» культура часто оформлялась посредством репрезентации ее правителя. Подобная практика призвана, чтобы упростить культуру, делая ее легко познаваемой и, таким образом, принижая ее значение. Во-вторых, именно от верховного правителя, как вскоре после своего прибытия заметили англичане, зависел их путь к восточным «сокровищам», поэтому встреча с ним была неизбежной. В-третьих, они предпочитали писать о роскоши, в которой жили правители, чтобы подтвердить сложившийся в Европе стереотип о сказочно богатом Востоке.

Предметом настоящего исследования явились сведения, мнения и представления английских путешественников, являвшихся в большинстве своем служащими Ост-Индской компании, о падишахе Джахангире, правителе Могольской империи с 1605 по 1627 год. Эти сведения, представляющие собой результат восприятия европейцами «чужой»

восточной действительности, позволяют подметить бытовые детали, особенности нрава, ритм жизни «Великого Могола», которые не так часто попадали в поле зрения ученых. Вместе с тем они являются источником по истории представлений и предлагают описание процесса проникновения в иную действительность.

Образ восточного правителя, как и образ Востока в целом, созданный путешественниками на страницах своих записок, носит личностную, эмоциональную окраску. Представляется интересным определить то, какие методы и изобразительные средства использовали авторы при воссоздании образа жизни Джахангира, и выявить факторы, обусловившие своеобразное видение ими «чужой» реальности?

Английские путешественники в большинстве своем были торговыми представителями по роду занятий и «разведчиками» по сути, поэтому «знакомство» с Востоком протекало в обстановке приспособления «чужого» к собственным нуждам и интересам. Рассказы о бесконечных восточных богатствах, роскоши, изобилии были призваны упрочить веру их соотечественников в необходимость рискованных мероприятий.

Несметные богатства «Великого Могола», пышность его двора, роскошь его дворцов, домов отдыха, одежды, обилие драгоценных украшений на нем не оставили равнодушным ни одного путешественника. Образ падишаха Джахангира, увешанного с головы до ног драгоценностями, произвел потрясающее впечатление на всех англичан, побывавших при его дворе. В один голос они признавались, что «этот правитель, бесспорно, превосходит всех других в роскоши, разнообразии и богатстве его драгоценностей»¹. Так, по словам ошеломленного священника Э. Терри, европеец даже не мог представить те «немыслимые» богатства и стоимость драгоценностей, которыми падишах ежедневно украшал свою голову, шею и руки².

Другой путешественник, английский посланник при дворе падишаха Джахангира Т. Роу, как он признавался на страницах своего журнала, чувствовал себя несколько смущенным в окружении местных вельмож, которые были под стать своему правителю. Великолепные облачения придворных затмевали жалкое одеяние английского посла, чем он был возмущен и оскорблен. Оправдание этой «несправедливости» он видел в том, что его жалованье составляло 60 фунтов стерлингов в год, тогда как местный вельможа имел десятки и сотни тысяч, и что ему даже за пять лет не заработать столько, чтобы одеться подобным образом³.

Повествования некоторых английских путешественников по своему содержанию напоминают сказки о несметных сокровищах великого восточного правителя. Одну из них рассказал У. Хоукинс. По его словам, состояние Джахангира было таким большим, что он разделил его на триста шестьдесят частей и каждый день в году рассматривал их по очереди⁴.

В записках англичан содержатся сведения о частых передвижениях верховного правителя по стране. Некоторые из европейцев сопровождали Джахангира в его путешествиях, что позволило им оставить воспоминания о походной жизни падишаха.

Королевский палаточный лагерь, разбиравшийся в военных походах, при переселении двора или на охоте – *лескар*, в представлении путешественников являлся своеобразной сценой выстраивания образа «восточной» власти. Так, по словам Т. Роу, этот лагерь, который воспринимался им как «одно из самых больших чудес света», по размерам не уступал любому европейскому городу⁵. Англичанин, путешествовавший с двором «Великого Могола», так описал процесс сооружения *лескара*: «Меньше чем за четыре часа на пустом месте возникает город не менее двадцати английских миль в окружности...»⁶

Э. Терри, путешествовавший два года с «Великим Моголом», был уверен, что *лескар*, представлявший ему «большим и роскошным городом», содержал не менее 300 тысяч человек, включая мужчин, женщин и детей, не считая слонов, лошадей, и других животных⁷. Таким образом, могольский правитель в представлении английских путешественников был настолько всемогущим и могущественным, что мог за один день воздвигнуть огромный город на пустом месте.

Символичной в восприятии европейцев была и сама поездка верховного правителя Могольской империи. Так, по словам Э. Терри, поездка государя «оформлялась» как своеобразное «представление» с роскошными декорациями. В его описании шествие Джахангира по городу выглядело следующим образом. «Король» передвигался в сопровождении большого количества слонов и охраны. На слонах были украшения из меди, серебра и золота, красивые попоны из бархата и парчи, а также множество колокольчиков, звуки которых, по мнению Э. Терри, доставляли удовольствие животным. Помпезности и торжественности церемонии придавали шелковые знамена с изображением королевского герба – льва на фоне солнца, которые несли перед падишахом⁸.

Визуальный образ льва – царя зверей – на гербе был не единственным напоминанием подданным о природе верховной власти. Четыре массивных серебряных льва, которые были позолоченными и инкрустированными драгоценными камнями, окружали императорский трон во дворце в Агре. Кроме того, по словам Э. Терри, падишах был настолько всемогущим, что смог приручить даже дикого льва, который, как он сам видел, «свободно ходил вверх и вниз и был таким же безопасным, как собака»⁹.

Образ толпы подданных, ликующих при виде своего правителя, был неотделим от образа «Великого Могола» в записках путешественников. В восприятии Э. Терри каждодневное появление падишаха перед народом у специального окошка-

джхарока во дворце было символичным. Он отмечал, что подвластные всегда должны были выражать радость и благодарность своему правителю и вести себя как благочестивые и верные слуги. Каждое явление падишаха всегда сопровождалось их ликованием. При первом появлении Джахангира на восходе солнца собравшаяся толпа приветствовала его словами: «Здравствуй, О Падишах!»¹⁰. В полдень он снова сидел на публике, наблюдая за состязаниями слонов или предаваясь другим развлечениям. Показав себя в третий раз на закате солнца, падишах удалялся под звуки барабанов и духовых инструментов, которые смешивались с ликованием людей, что, на слух англичанина, создавало много шума.

Необходимо отметить, чрезмерная покорность и «рабское» поведение подданных Могольской империи вызвали возмущение англичан. В представлении англичан удобства, роскошь и богатства, которыми правитель злоупотреблял в силу своей «варварской» сущности, были неотделимы от его нравственного упадка.

Уильямсу Хоукинсу, как он пишет, довелось в течение двух лет прислуживать падишаху при его дворе, поэтому то, как правитель проводил свой досуг, он знал не понаслышке¹¹. Англичанин с уверенностью заявлял, что «ничто так не характеризует императора, как распорядок его дня»¹², а Джахангир в его рассказе только и делал, что ел, пил, спал и предавался всевозможным увеселениям.

Журнал У. Хоукинса позволяет проследить особенности организации времяпрепровождения «Великого Могола», по крайней мере те, которые отметил для себя автор. На рассвете король молился, встав на колени на персидскую овчину и перебирая четки – нити с бусинками из дорогого жемчуга, рубинов, алмазов, изумрудов и кораллов. После молитвы падишах являл себя народу. Толпы благочестивых и верных подданных приходили к дворцу, чтобы приветствовать своего правителя. Далее наступал черед двухчасового сна, после чего падишах обедал и уединялся в гареме, где оставался до полудня. Затем он в присутствии вельможей «наслаждался» спортивными состязаниями людей или поединками разных животных. В три часа дня наступало время «работы». В течение двух часов верховный правитель разбирал судебные дела. Рядом с ним находились главный судья, главный палач в сопровождении сорока других палачей с топорами и кнутами, готовых в любой момент выполнить приказ короля и вершить суд. Чаще всего приговоры приводились в исполнение по вторникам.

Журнал У. Финча также содержит упоминания о «полезном» времяпрепровождении падишаха, когда он в присутствии тысячи подданных «слушает разные вопросы, получает новости и письма, которые ему читают визири, удовлетворяет прошения»¹³. Все это время, как отмечал У. Финч, королевские барабанщики должны были

исполнять музыкальные «девизы». Наряду с барабанами в репрезентативных целях использовались и другие музыкальные инструменты, что придавало мероприятию торжественности.

После очередной трапезы, «когда его желудок насытится, – как отмечал У. Хоукинс, – он (Джахангир. – О.К.) удаляется в свои личные покои, куда вход посторонним запрещен без его разрешения», где «с позволения его доктора выпивает 5 кубков крепкого ликера», «жует опиум и, будучи в наивысшей степени опьянения, отправляется спать»¹⁴. Двухчасовой сон падишаха прерывался ужином, что было нелегким занятием в час ночи. Поэтому, как пишет Хоукинс, «еду в рот ему заталкивают другие»¹⁵.

В своих пагубных пристрастиях к чревоугодию Джахангир был не единственным среди могольских императоров. По словам Хоукинса, «его ночное обжорство является семейным пороком дома Бабура»¹⁶.

Необходимо отметить, что чревоугодие Джахангира, воспринимавшееся англичанами одним из многочисленных пороков «Великого Могола», «не оставило равнодушными» многих путешественников. Так, по сведениям священника Э. Тэрри, «как только он захочет есть, для него в любое время имеется приготовленная еда», которая подается в большом количестве¹⁷. Англичанин рассказывал о разнообразных изысканных блюдах, которые до того, как ввухи приносили их, сначала дегустировались, затем помещались в золотые сосуды, которые закрывались и запечатывались. За один прием пищи падишах, как правило, съедал 4–5 видов жаркого и выпивал один кубок крепкого напитка¹⁸.

Важно учитывать тот факт, что английские путешественники, описывая реалии восточной жизни, стремились противопоставить самих себя «чужакам». Правда, им это не всегда удавалось. Англичане видели в них что-то родственное и близкое, например, пристрастие к спиртным напиткам. Зная любовь англичан к обильным возлияниям, некоторые из путешественников предупреждали о «вредности» пребывания в восточных странах, особенно «для тех, кто злоупотребляет горячительными напитками»¹⁹. Тем не менее, Т. Роу, обеспокоенный пристрастием падишаха и его сыновей к спиртным напиткам и тем, как это отражалось на управлении страной, пишет: «Я никогда не видел человека, столь увлекающегося употреблением красного вина, как Король и Принц»²⁰.

Английские путешественники обвиняли верховного правителя Могольской империи в склонности к «распутной» жизни. Так Т. Кориэт, рассказывая о развлечениях Джахангира, сообщал в своих записках, что он «содержит тысячу женщин для удовлетворения собственных потребностей»²¹. По рассказам англичанина, во время празднования Нового года падишах для развлечения своих женщин приглашал во дворец «жен

всех торговцев», которые приносили что-нибудь для продажи²². На такой импровизированной ярмарке, по сведениям Кориэта, правитель получал возможность посмотреть всех «хорошеньких» женщин города, и на одной из таких ярмарок он «заполучил свою любимую Нурмахал»²³.

Полигамия, известная англичанам от путешественников в Османскую империю, воспринималась ими как свидетельство «варварской похоти» и «сексуальной жадности»²⁴. Ответственность за это англичане возлагали на религиозные установления и национальные традиции. По заявлениям священника Э. Терри, «мусульманский закон» развращал «похотливых» мусульман и делал «сладолюбивыми» их женщин²⁵. Английский капеллан, обвиняя «Великого Могола» в бесстыдном поведении, не забывал упомянуть о его многочисленных любовницах. Кроме того, по его словам, у падишаха было «несколько маленьких мальчиков, которых он всегда держит при себе для такого использования, что я не осмеливаюсь назвать»²⁶.

В восприятии английских путешественников сексуальная и гастрономическая неводержанность, которую они приписывали могольскому падишаху, связывалась с тем, что он не мог контролировать даже свои естественные потребности. Эти рассказы о праздной жизни правителя и его приближенных были призваны установить связь между порочностью и нравственным упадком представителей могольской власти и чрезмерным богатством, которое ей было не на пользу. Богатство падишаха позволяло ему содержать многочисленных жен и любовниц, но в неконтролируемой его сексуальности англичане видели больше животного, чем человеческого. Прием пищи падишахом в их восприятии был не естественной жизненной потребностью, а демонстрацией богатства. Таким образом, в представлении англичан доступ к неограниченным материальным ресурсам делал могольского правителя «чревоугодником», «пьяницей» и «распутником».

Записки англичан содержат сведения о взаимоотношениях правителя Могольской империи и его детей. Но даже и в этих рассказах образ падишаха не лишен негативной эмоциональной окраски. По словам путешественников, жестокость «Великого Могола» не имела границ и распространялась даже на его собственных детей. У. Хоукинс рассказывал, что однажды присутствовал при разговоре Джахангира со своим семилетним сыном. Падишах спросил сына о том, «хочет ли он сопроводить его в одно место, куда он шел развлекаться», на что мальчик ответил, что «как его Величеству будет угодно, так он и сделает»²⁷. Однако «король», не услышав нужного ответа – «я всем сердцем буду рядом с его Величеством», поколотил его. Еще больше разгневало падишаха то, что мальчик не расплакался, заявив, что «это самый большой позор для принца плакать, когда его бьют»²⁸. После этого отец ударил его снова

и проткнул кинжалом его щеку. Но и на этот раз маленький «принц» не заплакал. Хоукинс был восхищен смелостью ребенка и поражен таким «зверским» обращением Джахангира со своим сыном.

Многие английские путешественники акцентировали внимание на особом пристрастии могольского падишаха к кровавым состязаниям животных и людей, которыми он наслаждался ежедневно, как и жестокими истязаниями преступников по вторникам²⁹. Так, У. Хоукинс с уверенностью заявлял, что Джахангир «получал удовольствие видеть казненных и порванных на части слонами людей»³⁰. Проведя длительное время при дворе падишаха, путешественник, как он пишет, не раз убеждался в том, что многие люди теряли свои жизни и получали серьезные ранения, участвуя в «диких забавах» «короля», чтобы удовлетворить его «дикие прихоти» и развлечь³¹.

У. Финч также не обошел вниманием кровавые забавы могольского падишаха. В своем журнале он пишет о разнообразии «представлений», которыми наслаждался «Великий Могол». Среди них были состязания слонов, львов, буйволов, травля ланей леопардами³². По сведениям У. Финча, этими «забавами» развлечения «Великого Могола» не ограничивались. Возмущение англичанина вызывала «королевская» охота на людей. По приказу падишаха его люди окружали участки леса или пустыни, после чего начиналась «королевская игра». По словам англичанина, пойманные животные продавались, а деньги раздавались бедным³³. Если же добычей становились люди, а это были, по сведениям Финча, «жалкие бедняки или воры, жившие в лесу или пустыне, но которые были все же людьми», они становились «королевскими рабами», и их отвозили в Кабул, где обменивали на лошадей и собак³⁴.

У. Финч отмечал и вполне безобидные развлечения, как-то осмотр слонов и лошадей, которые во всей своей красе выставлялись перед падишахом. «Великому Моголу» не было чуждо чувство прекрасного. Великолепные восточные сады падишаха, наполненные всеми возможными чудесами: экзотическими плодами, цветами, журчащими струями фонтанов, то есть «всеми радостями, которые жаждет сердце человека», были в представлении англичан настоящим «раем». У. Финч писал о плавучем доме, на котором «король» плавал от одного сада к другому³⁵.

В журнале Т. Роу содержатся сведения о «необыкновенном» праздновании дня рождения (2 сентября 1616 г.) «Великого Могола». Традиционной была процедура взвешивания падишаха на весах. По сведениям путешественника, все серебро, золото, шелк, масло, рис, фрукты и многие другие вещи, которые клались на противоположную чашу весов, впоследствии раздавались местному духовенству – браминам. После этого для развлечения падишаха устраивался парад самых больших слонов. Роу насчитал около 12

самых крупных слонов-вожаков, украшенных золотыми и серебряными цепями и колокольчиками, каждый из которых шел в сопровождении 8–10 слонов, меньших по размерам. Не только могольский правитель получал удовольствие от этого зрелища, но и сам английский посол признавал этот показ животных «самым прекрасным, который он когда-либо видел»³⁶.

Насладившись парадом слонов, падишах объявлял, что наступило время предаться веселью, что, как отмечал Т. Роу, для «Великого Могола» было неотделимо от пьянства. По словам путешественника, «король» «с большим желанием» пил сам и приказывал пить другим, и от этого «он и его знать становились столь же веселыми, какими могли бы их сделать тысячи шутов»³⁷. Сам же английский посол, как он признавался, не рискнул отказаться выпить за здоровье падишаха. Он пишет: «Я сказал, что я охотно сделаю это... , поскольку я искренне желал ему многих дней жизни и повторения сегодняшней церемонии на протяжении ста лет»³⁸. Осушив часть кубка, Роу нашел это вино самым крепким, которое он когда-либо пил в своей жизни, и даже чихнул, чем развеселил «Великого Могола». Однако он был вознагражден за его «страдания», получив в подарок золотой кубок, инкрустированный многочисленными изумрудами и рубинами. Без подарков в этот праздник не остался ни один присутствующий. Джахангир щедро раздавал музыкантам и слугам пояса из парчи. Веселье закончилось лишь тогда, когда «король», как пишет Роу, был «не способен дольше держать свою голову»³⁹.

Дворец «Великого Могола» представлял собой сцену, на которой англичане также создавали необходимые им образы восточной власти. В журнале посла Т. Роу, находившегося долгое время при дворе Джахангира, сохранилось описание приема английского посольства во дворце падишаха в январе 1616 г. в Аджмире. В его глазах этот прием выглядел следующим образом: «Король сидит в небольшой возвышающейся ложе, послы, придворные и знатные чужестранцы находятся во внутреннем ограждении, несколько поднятом над землей, прямо под тем местом, где сидел король, под навесом из бархата и шелка, а пол под ногами устлан хорошими коврами. Люди более низкого происхождения, кого у нас называют джентри, находятся в пределах внешнего ограждения, простые люди – в основном дворе»⁴⁰. В восприятии Т. Роу увиденная картина напомнила театральное представление, в котором «король, сидящий в ложе, наблюдает за представлением, великие мужи возвышаются как актеры на сцене, простой люд, глазеющий на представление, находился в яме»⁴¹. В отличие от своего сына Парвиса, как отмечал Роу, Джахангир был более «любезным» и, заботясь о здоровье английского посла, предоставил ему своих собственных врачей. Также англичанина подкупило то, что падишах попросился с

ним «с большей любезностью и почтением, чем... с любым персидским или турецким послом...»⁴².

Тем не менее, в письмах путешественников в Англию содержалось гораздо больше жалоб и недовольств, нежели чем положительных отзывов о пребывании в «чужой» стране. Так, руководству компании Т. Роу жаловался на прием у королевских особ. Мало того, что он не увидел специально предназначенного для него места, ему не позволили встать рядом с «королем» или «принцем». На требование принести стул ему ответили отказом. Т. Роу пришел к заключению, что «аборигенам» не под силу понять, что в Европе значит статус и ранг посла, и рекомендовал руководству Ост-Индской компании в будущем для исполнения подобных обязанностей нанимать агентов, которые могли бы стерпеть эти публичные унижения и обиды, которые он как посол не мог вынести.

«Варварским» в представлении английских путешественников был не только придворный этикет, но и само жилище могольского правителя носило на себе отпечаток «варварства». Так, в восприятии Т. Роу интерьер тронной комнаты Джахангира, несмотря на его богатство, был напыщенным и безвкусным. Он отмечал, что в комнате было «много всяких вещей, которые не подходят друг к другу, и напоминают ему работу, сделанную на скорую руку...»⁴³ Эта комната, на взгляд Роу, больше напоминала комнату леди, которая для демонстрации пышного убранства размещала пару своих вышитых домашних тапочек на буфете вместе с серебром и фарфором⁴⁴.

В своих записках английские путешественники создали образ восточного правителя – греховодника, которому приписывались всевозможные пороки и недостатки. Однако некоторые из них отмечали, что «Великий Могол» не был лишен и положительных качеств. Так, по словам Э. Терри, характер Джахангира «удивительно сочетает в себе противоположные крайности»⁴⁵. По его словам, временами он мог быть чрезвычайно жестоким, тогда как в другое время – очень милосердным. Сам падишах злоупотреблял спиртными напитками, однако строго наказывал других за это. Среди его «добрых дел» Терри называл ежедневную помощь бедным и добросовестное исполнение сыновнего долга по отношению к матери⁴⁶.

О милосердии могольского падишаха писал Т. Роу. Так, в его присутствии правитель разговаривал с одним «жалким и несчастным человеком, с венком из перьев и покрытых грязью» с «любезностью и простотой, не свойственной королям»⁴⁷. После этого он накормил «бродягу» и дал 100 рупий. Т. Кориэт отмечал, что «Великий Могол» был особенно «добр» в свой день рождения. Каждый год в этот день он взвешивался на золотых весах. Падишах становился в одну чашу, а другая заполнялась большим количеством золота, которое равнялось его весу. Впоследствии все это золото, как пишет Кориэт, раздавалось бедным.

Рассказы английских путешественников о

буднях и праздниках «Великого Могола» свидетельствуют о том, что отношение к правителю Могольской империи подспудно оставалось двойственным. Он мог отождествляться с «дикостью» и «варварством» и в этом образе символизировать все грехи, пороки и зло. В то же время богатство и роскошь монарха вызывали восхищение, зависть и благоговейный трепет у путешественников. Однако он продолжал оставаться «варваром» в глазах европейцев, поскольку богатство не делало его нравственно возвышенным и ответственным за судьбы других, вместо этого оно развращало его. Но, вопреки своим средневековым истокам, новоевропейская культура на этом не заикливалась: «чужой» правитель мог стать добродетельным – милосердным, благородным, храбрым и уважаемым. Специфика «варварских обществ» обретала эстетический статус экзотического, экзотика не столько отпугивала, сколько привлекала. В некоторых случаях английские путешественники были не прочь сами стать «варварами», участвуя в восточных забавах, пиршествах и наслаждаясь другими радостями восточной сказки.

Примечания

- 1 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes/ Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 9. P.1480; Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes/ Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 4. P. 550.
- 2 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1480.
- 3 См.: *Ментешавили И. Ш.* Соприкосновение цивилизаций Запада и Востока в период деятельности в Индии Английской Ост-Индской компании. Тбилиси, 1998. С. 84.
- 4 Captaine William Hawkins, his relations of the occurrents which happened in the time of his residence in India... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 3. P. 218.
- 5 Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 562.
- 6 Ibidem.
- 7 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1481.
- 8 Ibid. P.1472.
- 9 Ibid. P.1480.
- 10 Ibidem.
- 11 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 12 Ibidem.
- 13 Observations of William Finch... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes / Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 3. P. 429
- 14 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 15 Ibidem.
- 16 European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... / Ed. by Farley Oaten. Cambridge, 1909. P. 145.
- 17 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1475.
- 18 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 19 The second voyage of Captain Walter Payton into the East-Indies... // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes. L., 1625. Part 1, Book 4. P. 533 – 534.
- 20 *Aune M. G.* Elephants, Englishmen and India: Eatly Modern Travel Writing and the Pre-Colonial Movement // Early Modern Literary Studies. 2005. 11.1 (May). P. 16.
- 21 A Letter of M. Thomas Coryat, which travelled by land from Ierusalem to the Court of the Great Mogul, to Mr L. Whitaker, dated in the Year 1615 // Hakluytus posthumus, or, Purchas his Pilgrimes/ Ed.by Samuel Purchas. L., 1625. Part 1, Book 3. P. 594.
- 22 Certaine Observations wttitten, by Thomas Coryat // Ibid. P. 600.
- 23 Ibid.
- 24 *Norman D.* Islam and the West: The Making of an Image. Edinburgh: Edinburgh UP, 1962. P. 137.
- 25 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1478.
- 26 Ibid. P.1474.
- 27 Captaine William Hawkins, his relations... P. 224.
- 28 Ibid. P. 225.
- 29 См.: Observations of William Finch... P. 429; A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P.1472, 1480; A Letter of M. Thomas Coryat... P. 594; European travelers in India during the fifteenth, sixteenth and seventeenth centuries... P. 145.
- 30 Captaine William Hawkins, his relations... P. 219.
- 31 Ibid. P. 222.
- 32 Observations of William Finch... P. 429.
- 33 Ibid. P. 430.
- 34 Ibidem.
- 35 Ibid. P. 429.
- 36 Journal of Sir Thomas Roe, Ambassador from King James I, to Shah Jehanguiro, Mogul Emperor of Hindoostan // A General History and Collection of Voyages and Travels / Ed. by R. Kerr. Vol. IX. L.: William Blackwood, Edinburgh and T. Cadell, 1824. P. 153. Режим доступа: <http://manybooks.net/titles/kerr13051305513055-8.html>. 25.09.2008. – Загл. с экрана
- 37 Ibid. P. 154.
- 38 Ibidem.
- 39 Ibidem.
- 40 Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 542.
- 41 Ibidem.
- 42 Ibidem.
- 43 Ibid. P. 543.
- 44 Ibidem.
- 45 A relation of a voyage to the Eastern Indis, observed by of Edward Terry... P. 1481.
- 46 Ibidem.
- 47 Obsevationes collected out of the journal of Sir Thomas Roe... P. 562.

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ

УДК 373.2(470.4)(09)«19»

ДОШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.Г. Морозов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: Morozko-kaluga1981@rambler.ru

В статье рассматривается процесс создания дошкольных учреждений в Казанском учебном округе в начале прошлого века. Автор изучает различные виды дошкольных заведений, их ведомственную принадлежность, порядок открытия. Отдельно говорится об учебных планах и программах занятий.

Ключевые слова: Казанский учебный округ, дошкольное воспитание, детские сады, ясли-приюты.

Preschool Educational Institutions in Kazan Educational Division in the Beginning of the 20th Century

A.G. Morozov

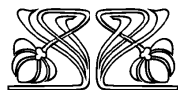
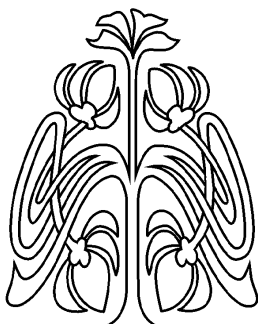
The article deals with the process of establishing preschool educational institutions in Kazan Educational Division in the beginning of the 20th century. The author examines such issues as different types of preschool institutions, supervising authorities, establishment procedures. The emphasis is also made on curricula and lessons.

Key words: Kazan educational district, elementary education, kindergarden, day-nursery.

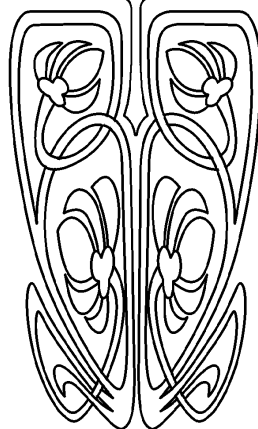
В конце XIX – начале XX в. в России стали появляться учреждения дошкольного воспитания. Этот процесс был тесно связан с развитием капиталистических отношений в России в данный период. Вовлечение женщин в процесс общественного производства создавало предпосылки для их эмансипации. С изменением социально-экономического и культурно-бытового положения женщин, с так называемым женским вопросом (уравнение женщин в правах с мужчинами в общественной, трудовой и семейной жизни) неразрывно связано развитие идеи дошкольного воспитания, реализуемой в системе дошкольных образовательно-воспитательных учреждений.

В исторической науке теме дошкольного образования до революции посвящено немного исследований. В первую очередь здесь можно назвать работы Б.Р. Розенфельда¹, И.В. Чувашева², а также «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX века)»³. В них рассматривались вопросы воспитания, детской гигиены, социальной помощи детям-дошкольникам. Особое внимание во всех указанных работах уделялось «народным детским садам» для детей крестьян и рабочих, а также различным педагогическим экспериментам (например, практике «свободного воспитания»). Вместе с тем не было работ, посвящённых дошкольным учебно-воспитательным учреждениям в Казанском учебном округе, а равно и в других учебных округах.

Чёткой отлаженной системы дошкольного воспитания в дореволюционной России не было. Ведомственная разобщённость, мозаичность, свойственные начальной школе, были характерны и для дошкольных учреждений.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Государственные дошкольные учреждения были в основном представлены созданными при различных ведомствах заведениями по призрению сирот, покинутых и беспризорных детей: сиротскими домами, детскими приютами и др. Наиболее распространёнными были детские приюты, которые делились на три типа: для проходящих детей, для постоянно живущих в них и смешанные.

Большая часть детских приютов входила в ведомство императрицы Марии. Остальные приюты находились в ведении духовного и военного ведомств и министерства внутренних дел. Главное внимание в этих приютах обращалось на воспитание детей в духе религиозной нравственности и повиновения, на выработку привычки к труду. Как правило, в приютах существовало раннее профессиональное определение, и дети готовились к тому роду деятельности, который соответствовал их будущему общественному положению. Многие приюты были организованы по принципу самокупаемости и самообеспечения⁴.

Общественные учреждения дошкольного воспитания создавались исключительно в результате частной или общественной инициативы, без поддержки со стороны государства. Создание их фактически зависело от случая, от желания или возможности частного лица или общественной организации.

Общественные неправительственные дошкольные учреждения разделялись на две группы:

- платные частные;
- бесплатные народные.

Первая группа охватила детей имущих слоёв населения. Создание платных частных дошкольных заведений отвечало интересам женщин буржуазного круга, активно вовлекаемых в общественную жизнь и движение за эмансипацию. Педагогические задачи этих заведений сводились главным образом к оказанию помощи в воспитании ребёнка и подготовке его к школьному обучению.

Основным типом дошкольных общественных учреждений для воспитания детей привилегированных классов были платные детские сады. Они открывались по инициативе частных лиц сначала в столицах и крупных городах (Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе, Смоленске, Воронеже, Иркутске и др.) и объединяли немногочисленную группу детей (в среднем до 15 человек) на короткое, преимущественно четырёхчасовое пребывание. К примеру, детские сады, открытые С.А. Люгемилем (1863), супругами Симоновичами (1866), М.К. Кудряковой (1871), С.П. Смилович (1872), С.В. Аргутинской-Долгоруковой (1886)⁵.

К группе платных дошкольных заведений, обслуживающих имущие слои населения, принадлежали также домашние или семейные сады, которые стали открываться с середины XIX века. Домашние детские сады объединяли небольшую группу детей (около 10 человек) для совместной

игры и занятий. С детьми занимались либо их родители, либо специально приглашённые за плату воспитательницы. Занятия проводились в течение 2–4 часов. Создание семейных или домашних детских садов особенно активизировалось в начале XX в., когда они получили широкое распространение в столичных и губернских городах.

Вторая группа дошкольных общественных учреждений охватывала детей неимущих слоёв населения и включала в себя бесплатные народные дошкольные заведения. Создание их вызывалось прежде всего социальными причинами: развитие капитализма в России сопровождалось всё большим вовлечением женщин в систему наёмного труда (женский труд был более дешёвым: рабочий-мужчина зарабатывал в день 1 руб., а женщина – от 55 до 65 коп.). Росли детская безнадзорность и смертность. Во многих европейских губерниях смертность детей от 1 до 5 лет составляла 76 % от общей смертности. Неправительственная общественная система дошкольных учреждений в России отличалась многообразием типов дошкольных заведений. Народные дошкольные заведения должны были в первую очередь способствовать охране материнства и детства.

Дошкольные народные учреждения создавались частными лицами и благотворительными организациями, а также многими педагогическими обществами. В начале XX в. появились дошкольные бесплатные народные заведения, организованные рабочими. Если платные дошкольные заведения с момента создания были призваны выполнять воспитательные функции в помощь буржуазной семье, то дошкольные, обслуживающие неимущие слои населения, возникли и функционировали главным образом как учреждения по призрению малолетних⁶.

Особым типом дошкольных учреждений являлись деревенские ясли-приюты. Они открывались только на летние месяцы, когда взрослое население деревни было занято полевыми работами. В основном деревенские ясли-приюты открывались в период голода, недородов. В голодные годы они подкармливали детей, хотя питание в них было не из блестящих. При этом, по свидетельству земских органов, ясли эти часто носили дилетантски-благотворительный характер, обслуживались людьми совершенно неподготовленными для работы с детьми дошкольного возраста, в лучшем случае это были учительницы земских школ⁷.

Примерные правила для детей-ясельников, изданные попечительством о домах трудолюбия, предписывали открывать ясли с 15 июня по 1 августа. В местностях с усиленной заболеваемостью для обессиленных болезнями или недостаточным питанием детей ясли могли открываться во всякое время. В ясли-приюты принимались грудные и другие дети в возрасте до 8 лет. Преимущество отдавалось детям от 2 до 5 лет, принадлежащим

к бедным семьям, в составе которых не было лиц, коим мог быть поручен надзор за ними в отсутствие способных к труду. Детские кроватки рекомендовалось заменять корзинами с тюфяками, набитыми соломой. Причём корзины для сна полагались лишь для грудных и слабых детей. Постельного белья по этим правилам желательным было не допускать. На одну няньку должно было приходиться не менее 6 детей. Грудных детей полагалось кормить кипячёным молоком, размоченным пшеничным хлебом и молочной кашей. Кормить детей полагалось 3 раза в день.

Заведующая яслями должна была наблюдать, чтобы дети молились перед и после еды, чтобы старшие дети всегда были заняты каким-нибудь делом и при случае обучались молитвам, грамоте, несложному рукоделию, а младшие играли, слушали рассказы или пение, чтобы время от времени со старшими детьми совершались прогулки и объяснялись доступные их пониманию явления природы. В обязанности заведующей входила также отчётность о приёме детей, о приходе и расходе денежных сумм⁸.

Открывались ясли и в городах, например, при фабриках и заводах. К 1905 г. уже было открыто 433 учреждения типа фабричных ясель. Ясли открывались и поддерживались различными полаготворительными обществами. Среди них почитательство о бедных Басманной части г. Москвы, Петербургское городское общество попечения о бедных и больных детях. Жертвовали деньги и фабриканты, например, производство Я.Ф. Скороходова, завод «Изолятор», товарищество производства «Шерсть». Сбор в пользу ясель происходил и в свечных лавках, магазинах обуви, чайных, булочных, пивных⁹.

Другим типом дошкольных воспитательных заведений были детские площадки. Они представляли летние детские сады, преследовавшие главным образом оздоровительные цели. Многие из детских площадок были связаны с деятельностью Общества содействия физическому образованию, созданного П.Ф. Лесгафтом¹⁰.

В 1910-х гг. по всей стране массово открываются частные (общественные) детские сады: в 1910 г. – в Челябинске, в 1912 г. – в Одессе и Киеве, в 1913 г. открывается всесословный детский сад в Петербурге, в 1914 г. – в Екатеринославе¹¹. В тот же период происходит открытие детских садов и в Казанском учебном округе. Всего их было 7. Причем время открытия их всех приходится на первую половину 1914 г. В этом видится нечто провинциалистское: уже недалёк был час, когда мужчины уйдут на фронт и женщинам придётся впахивать за двоих вовсе не из соображений эмансипации, а чтобы обеспечить семью. Попечителем учебного округа был тогда известный русский учёный Н.К. Кульчицкий¹².

Казанский учебный округ охватывал 6 губерний: Астраханскую, Вятскую, Казанскую, Самарскую, Саратовскую и Симбирскую. Губернии эти

отличались сложным национальным и конфессиональным составом населения, что влияло и на систему образования. Сложной в округе была и социально-политическая ситуация в начале прошлого века, особенно в Вятской губернии, куда традиционно ссылали много политически неблагонадёжных лиц. В начале XX в. в округе проживало около 9% детей-дошкольников (в возрасте до 9 лет). Ежегодный прирост детей дошкольного возраста в округе колебался от 1,5 до 3%. Лидировала по числу данных детей Вятская губерния (их там было около миллиона)¹³.

Советский исследователь дошкольного воспитания Б.Р. Розенфельд выделил следующие главные отличия этих неправительственных общественных дошкольных учреждений (называемых также народными детскими садами) от платных:

1) народные детские сады организовывались и работали как воспитательные учреждения для детей трудящихся;

2) организаторы народных детских садов ставили своей задачей строить их, тщательно продумывая и разрабатывая методы воспитания детей;

3) обслуживая детей трудящихся, народные детские сады не делали никаких ограничений в отношении половой, религиозной, национальной принадлежности детей;

4) работники народных детских садов в большинстве случаев были разночинцами, в противоположность содержателям частных детских садов, делавших из детских садов коммерческие предприятия, воспитатели народных детских садов работали бесплатно¹⁴.

Порядок открытия детских садов был следующий. Лицо или общество, желавшее открыть детский сад, подавало прошение директору народных училищ губернии. Директор народных училищ обращался к губернатору, не встречаясь ли с его стороны препятствий для открытия указанным лицом (обществом) детского сада. Если со стороны губернатора следовал благоприятный ответ (а в рассмотренных нами случаях ответ был всегда благоприятный), директор народных училищ обращался с представлением к попечителю округа с просьбой разрешить открытие детского сада. Окончательное решение было за попечителем округа. Опять-таки в рассмотренных нами случаях это решение было всегда положительным.

Установить время рассмотрения прошений не представляется возможным, так как в прошениях по неизвестной причине отсутствуют даты. Однако можно указать, сколько времени проходило с момента подачи представления директором народных училищ губернии до получения предложения попечителя. Оно составляло от 10 дней до двух месяцев.

Прежде чем принять решение об открытии детского сада, попечитель округа требовал представить ему программу занятий в данном заведении. Если программа не высылалась сразу вместе

с представлением директора народных училищ, управление округа требовало прислать дополнительно указанную программу. Только после этого принималось решение об открытии. И чаще всего открытие детских садов задерживалось именно по этой причине.

Податели прошений в большинстве случаев – это женщины, имевшие свидетельство на звание домашней учительницы¹⁵. Было только два прошения поданных обществами, а именно Астраханским обществом народного детского дома и Вятским обществом содействия начальному образованию¹⁶.

Детские сады предназначались для детей обоего пола. Документы не содержат данных о каких бы то ни было ограничениях по национальному или вероисповедному признаку для детей, желающих поступить в детский сад. Исключение составлял только детский сад для еврейских детей, открытый Марим-Леей Цинман в Саратове¹⁷.

Детский сад могли посещать дети от 4 до 9 лет. Роль «садовниц» (воспитательниц) в большинстве случаев исполняли сами содержательницы (которые и подавали прошения) детских садов, иногда привлекая к работе иных лиц в соответствии с требованиями закона. Дети находились в саду с половины девятого утра до половины третьего дня. Количество детей в одной группе колебалось от 12 до 30 человек¹⁸.

Располагались детские сады в частных «квартирах, отвечающих гигиеническим условиям». В летнее время иногда сады переводились на загородные дачи, как например, в г. Николаевске Самарской губернии детский сад на лето переводился «на дачу за Ирғиз»¹⁹.

Выше было указано, что детские сады разделялись на платные для обеспеченных слоёв населения и бесплатные «народные детские сады» для детей рабочих. В Казанском учебном округе были и те, и другие. Бесплатным был детский сад, открытый астраханским обществом народного детского дома. Платными были два детских сада, а именно детский сад Софии Кемниц в г. Николаевске Самарской губернии²⁰ и детский сад Софии Кругликовой в Астрахани²¹. Стоимость обучения составляла в среднем 70 рублей за учебный год²². Сумма эта представляется чрезвычайно значительной. Для сравнения: стоимость обучения в средних учебных заведениях Казанского учебного округа в указанный период времени колебалась от 10 до 60 руб. в год²³. В остальных делах отсутствует указание на платный или бесплатный характер обучения²⁴.

В советской историографии²⁵ неоднократно замечалось, что общественная неправительственная система дошкольного воспитания до революции отвергала религиозное воспитание детей, считая его вредным. Вопреки этому утверждению в детских садах Казанского учебного округа среди преподаваемых предметов обязательно присутствовал Закон Божий²⁶, для преподава-

ния которого иногда специально приглашался законоучитель. Среди других преподаваемых предметов – русский язык, «первоначальная арифметика (упражнения в счёте), практика одного из иностранных языков, мироведение фребелевские изящные работы (лепка, плетение, выстригание, вышивание)»²⁷, краткие сведения из географии и истории, гимнастика, музыка, танцы. С детьми проводились подвижные игры и прогулки. Данный набор предметов существовал не во всех детских садах. В астраханском детском саду М.Н. Миловидовой, например, были только интеллектуальные предметы (география, история, арифметика, русский язык и пр.)²⁸. А в астраханском же саду общества народного детского дома преобладали различные подвижные игры, а также творческие предметы (рисование, работы с песком и глиной и др.)²⁹.

Таким образом, мы видим, что дошкольные учебно-воспитательные заведения Казанского учебного округа в начале XX в. были исключительно частными (общественными), преимущественно домашнего типа (то есть располагались в частных домах и квартирах содержателей). Они не занимались педагогическими экспериментами подобно Н.М. Вентцелю и полностью подчинялись требованиям закона. Их открытие отвечало требованиям социально-экономического развития страны.

Примечания

- 1 См.: Розенфельд Б.Р. Первые учреждения для детей народа в царской России и их характер // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1949. Т. 85. С. 3–65.
- 2 См.: Чувашев И.В. Очерки дошкольного воспитания в России (до Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1955.
- 3 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX века). М., 1991.
- 4 Там же С. 164.
- 5 Там же. С. 164.
- 6 Там же. С. 163–165.
- 7 Розенфельд Б.Р. Указ. соч. С. 31–36.
- 8 Там же. С. 44–45.
- 9 Там же. С. 31–36.
- 10 Очерки истории школы... С. 166.
- 11 Розенфельд Б.Р. Указ. соч. С. 59.
- 12 Николай Константинович Кульчицкий (1865 –?) – известный русский гистолог, профессор гистологии Харьковского университета. В 1912–1914 гг. – попечитель Казанского учебного округа. Им написан ряд выдающихся работ по гистологии и эмбриологии. Кульчицкий предложил для техники гистологического исследования несколько оригинальных методов, получивших широкое распространение: фиксирующая смесь («жидкость Кульчицкого»), окрашивание миелиновых нервных волокон гематоксилином и кармином и др. В его лаборатории произведён ряд исследований, преимущественно по нервной системе. Главные его

труды: «О строении окончаний двигательного нерва в мышцах произвольного движения» (1881), «К вопросу о строении слизистой оболочки тонких кишок и механике всасывания» (1892), «Выселение лейкоцитов в связи с деятельностью некоторых органов», «Основы практической гистологии» (1889–1890), «Основы гистологии животных и человека» (1903).

- ¹³ См.: Статистический ежегодник. СПб., 1907. С. 31, 34–35, 44–45, 88; СПб., 1908. С. 29, 31–33, 39–40, 76–77; СПб., 1909. С. 29, 31–33, 39–41, 76–77; СПб., 1910. С. 34, 36–38, 81–82.
- ¹⁴ Розенфельд Б.Р. Указ. соч. С. 59.
- ¹⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 92. Оп. 2. Д. 18998. Л. 5–6; Д. 18999. Л. 1–2; Д. 21109. Л. 1, 3; Д. 21110. Л. 1–2.
- ¹⁶ Там же. Д. 18996. Л. 1–2, 7; Д. 18997. Л. 1–2.
- ¹⁷ Там же. Д. 21109. Л. 1, 3.
- ¹⁸ Там же. Д. 18996. Л. 6; Д. 18998. Л. 3; Д. 18999. Л. 1–2; Д. 21109. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Д. 21110. Л. 1–2.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Д. 21111. Л. 1, 5.
- ²² Там же. Л. 2.

- ²³ Такой большой разброс в ценах (от 10 до 60 рублей) объясняется следующим обстоятельством. В некоторых губерниях земства и городское управление принимали активное финансовое участие в делах средних учебных заведений. И там для плательщиков городских и земских налогов и сборов в средних учебных заведениях были установлены льготы. Для других категорий граждан (например, для жителей иных губерний) цены на обучение были, наоборот, повышены. Такая дифференцированная система оплаты действовала, например, в Котельнической гимназии, Ядринском реальном училище.
- ²⁴ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 12346. Л. 2–4; Д. 16849. Л. 1–6; Д. 16850. Л. 11–12; Д. 16857. Л. 4–5; Д. 18997. Л. 1–2; Д. 18998. Л. 1, 5–6; Д. 18999. Л. 1–2; Д. 21109. Л. 1–2.
- ²⁵ См., напр.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX – начало XX века). М., 1991; Розенфельд Б.Р. Указ. соч.; Чувашев И.В. Указ. соч.
- ²⁶ Для еврейского детского сада Марим-Леи Цинман это был Закон Божий иудейского исповедания (рассказы из истории Ветхого Завета).
- ²⁷ НАРТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 21109. Л. 2.
- ²⁸ Там же. Д. 18998. Л. 3.
- ²⁹ Там же. Д. 18996. Л. 6.

УДК 94(470.44/47)(1920–1930)

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ И БЛАГОУСТРОЕННОСТЬ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1920–1930-х ГОДАХ

В.А. Чолахян

Саратовский государственный университет,
кафедра российских цивилизаций
E-mail: vcholakhjan@yandex.ru

Статья является оригинальным исследованием на региональном уровне жилищных условий, охватывающих совокупность таких показателей, как жилая площадь на человека, степень благоустроенности домов, их состояние, обеспеченность коммунальными удобствами.

Ключевые слова: жилищные условия, благоустройство городов, коммунальные услуги, транспорт.

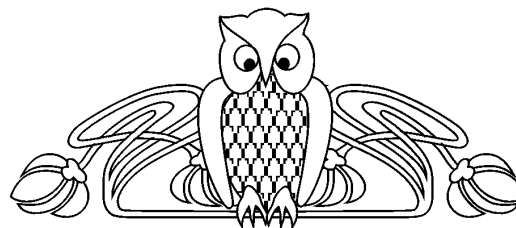
Living Conditions and Comfort of Cities of the Bottom Volga Region in 1920–1930 Years

V.A. Cholakhyan

This article is an original research at regional level of the «living conditions» covering set of such indicators, as a floor space on the person, degree of comfort of houses, their condition, security municipal conveniences.

Key words: living conditions, an accomplishment of cities, utilities, transport.

Уровень, характер и форма удовлетворения жилищной потребности оказывали существенное

влияние на все процессы социальной и экономической жизни общества, а также воздействовали на демографическую ситуацию. В повседневной жизни людей понятие «жилищные условия» охватывает совокупность таких показателей, как жилая площадь на человека, степень благоустроенности домов, их состояние, обеспеченность коммунальными удобствами. Вопросы же о благоустроенности города включают в себя проблемы развития общественного транспорта, состояние улиц и также оказывают влияние на человека, принося ему положительные или отрицательные эмоции. Обеспечение населения жильем стало одной из трудно решаемых социальных проблем на протяжении 1920–1930-х гг. В обстановке послереволюционной разрухи власти стали проводить политику перераспределения имевшегося жилого фонда, придав ей пропагандистско-классовый характер. Отмена частной собственности на недвижимость и передача жилья в ведение местных советов преследовали и политическую цель – наделить победивший рабочий

класс жильем в ущерб непролетарских слоев населения. По свидетельству современников, «... в городах жители лучших, удобнейших домов были разделены на специальные категории, причем буржуазные паразитические элементы были подвергнуты выселению. На их место из лачуг и подвалов переселились рабочие»¹. Отсутствие необходимых финансовых средств у местных властей не позволяло им поддерживать имевшийся жилищный фонд, а превращение отдельных квартир «господствующего класса» в коммунальные приводило их к разрухе, поскольку дома, как правило, оставались бесхозными. Как отмечает Т.М. Смирнова, благородная идея улучшения жилищных условий трудящихся на практике привела к «катастрофическому разрушению домового хозяйства» и обострению жилищного кризиса².

С началом новой экономической политики власти попытались восстановить жилищный фонд за счет частного капитала – путем демунципализации, а также расширения индивидуального строительства (в 1922 г. был принят закон «О праве застройки»). О его размерах, к примеру, в г. Астрахани можно судить по числу выданных разрешений: в 1923/24 г. – 148, в 1924/25 г. – 133, в 1925/26 г. – 108, в 1926/27 г. – 246³. По подсчетам Г.Г. Корноуховой рост частного городского жилищного строительства в г. Астрахани «в 1927 г. по отношению к 1923 г. составил 200 %»⁴.

Одновременно развивался институт кооперативной собственности в виде жилищных

товариществ. Постановление ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации» представляло собой попытку власти ослабить жилищный кризис за счет финансовых средств и трудовых усилий самого населения, но при условии сохранения за собой права владения жилищем и полного контроля над его распределением. В новом законе устанавливались три вида объединений: жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы), создаваемые для эксплуатации муниципализированных домовладений на основе паевых капиталов и других поступлений в виде квартплаты, а также применения собственного труда; рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСКТ) по сооружению новых и восстановлению разрушенных домов; общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), куда входили группы кустарей, ремесленников, лица свободных профессий, квалифицированные служащие, т.е. представители тех слоев, которые имели возможность строить жилье на собственные средства⁵.

Жилищный фонд г. Саратова являлся наиболее крупным из всех городов Нижнего Поволжья. В 1928 г. он по своим размерам составлял свыше 80% жилфонда Сталинграда и Астрахани вместе взятых⁶. О величине общегородского жилищного фонда и его распределении между обобщественным и частновладельческими секторами жилищного хозяйства можно судить по материалам табл. 1.

Таблица 1

Состояние жилищного фонда г. Саратова в 1925–1928 гг.

Сектор жилищного хозяйства	1925/26 г.			1926/27 г.			1927/28 г.	Площадь жилфонда по секторам, %		
	Жилплощ., м ²	Число домовлад.	Число строений	Жилплощ., м ²	Число домовлад.	Число строений	Жилплощ., м ²	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Обобщественный	681192	2355	6554	686912	2401	6454	687555	54,1	54,1	53,2
Частновладельческий	577677	14063	14063	583477	14549	14549	605463	45,9	45,9	46,8
Всего	1258869	16418	20617	1270389	16940	21003	1293018	100	100	100

Табл. сост. по: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 28. Д. 258. Л. 17–18; Обзор хозяйства и культуры Саратовского округа. С. 196.

Как видно из приведенных данных, более половины всего жилищного фонда г. Саратова (53% в 1927/28 г.) приходилось на обобщественный сектор, а рост его за трехлетие составлял лишь 3% и был обусловлен развитием частновладельческого сектора. В свою очередь, обобщественный жилищный фонд по видам эксплуатации распределялся следующим образом (табл. 2).

Исходя из показателей табл. 2 следует, что ведущей тенденцией в области жилищной поли-

тики коммунальных органов являлось увеличение количества ЖАКТов и передача в их ведение более 63% обобщественного жилого фонда. В Сталинграде за рассматриваемый период число ЖАКТов увеличилось с 9 до 28, а в Астрахани – с 10 до 48⁷. В Астрахани за четыре года (1925–1929 гг.) жилищными товариществами было построено и восстановлено 257 квартир общей площадью 13766 м² на сумму 406639 руб., что составляло 93% общего плана по жилищному строительству⁸.

Таблица 2

Распределение жилищного фонда г. Саратова по видам эксплуатации

Категория пользователей	Площадь жилфонда, м ²			То же, % к итогу			1927/28 г., % к 1925/26 г.
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	
Находится в непосредственном пользовании Коммуноотдела	414054	222598	139752	52,0	33,1	25,9	33,7
ЖАКТы	97880	341083	419444	14,6	50,6	63,2	428,0
Учреждения и смешанного пользования	143672	95906	93305	21,5	14,6	14,0	64,9
Частные арендаторы	12266	12863	12863	4,9	1,7	1,9	104,0
Итого муниципального фонда	667872	671182	665364	100	100	100	–
ГСНХ, край и окрСНХ	200	2150	2150	–	–	–	–
Жилищно-строительная кооперация	13120	13580	20041	–	–	–	153,0
Всего по обобществлен. секторе	681192	686912	687555	–	–	–	–

Табл. сост. по: Обзор хозяйства и культуры Саратовского округа. С. 197.

Таблица 3

Жилищное строительство в г. Саратове в 1926–1928 гг.

Застройщик	1926/27 г., м ²	1927/28 г., м ²	Затраты, руб.
Частник	7200	14580	3994000
Горкоммуноотдел	–	2097	1939570
РЖСКТ	–	5548	1156811
Промышленное предприятие	–	4716	821759

Табл. сост. по: Материалы к отчету о работе Саратовского городского Совета рабочих красноармейских депутатов XVI созыва за время с марта 1927 г. по сентябрь 1928 г. Саратов, 1928. С. 59–61.

Состояние жилищного строительства г. Саратова в 1926–1928 гг. характеризуют данные табл. 3.

Из табл. 3 видно, что объемы частного строительства значительно превышали возможности всех остальных застройщиков. Причем из 2004 поданных заявлений в 1928 г. на частное жилищное строительство было удовлетворено лишь 1124⁹.

По своему качественному состоянию 80% всех городских жилых строений Нижнего Поволжья относилось к деревянным, 6,7 – к каменным, 4,7 – к смешанным и 8,6 – прочие¹⁰, к тому же более 2/3 основного жилого фонда региона приходилось на города с наибольшим коэффициентом изношенности: в Саратове и Вольске – от 35 до 50%, в Сталинграде и Астрахани – от 44 до 50%¹¹.

В 1927 г. глава советского правительства А.И. Рыков был вынужден открыто признать, что с жилищами «в целом ряде районов – чуть ли не хуже, чем до войны»¹². Как отмечалось в «Контрольных цифрах народного хозяйства СССР», накануне «великого перелома» рост жилой площади все еще отстает от роста городского населения¹³.

Переход к ускоренной индустриализации привел к ухудшению жилищных условий людей из-за резкого роста числа городских жителей. Выход из этого положения власти видели в возвращении к «квартирному переделу», который возобновился в конце 1927 г. на основании права на самоуплотнение. Согласно этому праву, владельцы или съемщики квартир могли вселять к себе на излишки площади любого человека. Из-

лишком же считалась площадь, превышавшая санитарную норму в 8 м². Как отмечает Н.Б. Лебина, право на самоуплотнение можно было реализовать в течение трех недель, а затем вопрос переходил в прерогативу домоуправления¹⁴. Вскоре практика подселения на жилплощадь приобрела повсеместный характер, а понятие о коммуналках прочно и надолго вошло в повседневную жизнь советских людей. По мнению Н.Б. Лебиной, именно коммунальное проживание формировало чувство советского коллективизма. Всеобщая нужда нивелировала любые личностные различия и способствовала формированию особого социалистического конформизма, свойственного стае¹⁵.

В конце 1920-х гг. в жилищной политике усилилась социально-классовая линия. Так, в 1929 г. в ходе обследования комиссией ЦК ВКП(б) саратовской партийной организации было выявлено «систематическое снижение удельного веса рабочих», проживавших в жактах и домах городского коммунального отдела¹⁶. Об этом свидетельствовали и данные Саратовского городского совета.

Социальный состав населения муниципализированных домов в 1928 г.¹⁷,%: рабочие – 13,4, служащие – 58,3, безработные – 12,5, состоящие на соцобеспечении – 5,8, учащиеся и красноармейцы – 3,4, малоимущие – 3,0, кустари – 2,7, прочие – 0,9.

В Сталинграде почти ¾ рабочих фабрично-заводской промышленности проживало в частных домах и снимало квартиры и лишь 27% занимали

комнаты в жилищном фонде коммунального отдела¹⁸. В Астрахани городской жилой фонд насчитывал 1009,5 тыс. м² (в 1913 г. – 831,3 тыс. м²), из которых 43% принадлежала рабочим, в среднем по 3 м² жилплощади на человека¹⁹.

В результате дополнительной муниципализации жилья, проводившейся во второй половине 1929 г., из благоустроенных домов выселялись «нетрудовые элементы», уплотнялась жилая площадь в жактах. В 1929/30 г. в распоряжение Саратовского городского совета поступило 21 092 м² жилья, три четверти которого было выделено рабочим²⁰. В Астрахани за это же время было обобществлено 430 городских домовладений общей жилой площадью 97 490 м², а выселение «нетрудового элемента» из домов городской кооперации дало дополнительно 2388 (м²)²¹.

Президиум Нижне-Волжского краевого исполнительного комитета в своем постановлении от 30 января 1929 г. обязал местные коммунальные отделы предоставлять рабочим не менее 75% вновь возводимой и освобождавшейся жилой площади. Осуществление этого решения позволило к 1932 г. вплотную приблизить норму обеспеченности жильем рабочих к средним показателям всего городского населения²², а к 1934 г. уже половину жилого фонда жактов в регионе занимали рабочие²³.

С конца 1920-х гг. кооперативное и частное жилищное строительство постепенно сходит на

нет, оказавшись под контролем и финансовым обеспечением администрации предприятий. Так, с 1928 по 1930 г. удельный вес частных застройщиков в Нижне-Волжском крае сократился с 38,4 до 5,6%, а доля промышленности и транспорта в жилищном строительстве возросла соответственно с 22,3 до 74,1%²⁴. Жилье стало рассматриваться в качестве мощного средства закрепления рабочих на производстве. В ноябре 1932 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР, предусматривавшее за нарушение трудовой дисциплины выселение рабочих с занимаемой жилплощади²⁵.

Жилищное строительство не входило в приоритетные направления индустриализации и осуществлялось по остаточному принципу. По подсчетам В.С. Тяжелниковой, доля затрат в этой сфере в годы первых трех пятилеток составляла лишь половину аналогичного показателя за период с 1923 по 1928 г.²⁶ При этом местные власти четко осознавали «отставание городского коммунального хозяйства от общего хозяйственного строительства» и старались принимать такие решения, «чтобы этот участок не являлся тормозом роста промышленности»²⁷.

Ассигнования на жилищное строительство за годы первой пятилетки по городам Нижнего Поволжья составили 92,4 млн руб.²⁸ В результате жилой фонд получил следующее развитие (с учетом износа и сноса жилых зданий) (табл. 4).

Таблица 4

Рост жилищного фонда крупных городов Нижнего Поволжья за годы первой пятилетки

Город	Жилой фонд на конец года, тыс. м ²				
	1928	1929	1930	1931	1932
Саратов	1219,1	1241,3	1264,1	1290,6	1326,1
Сталинград	914,7	971,8	1015,0	1079,0	1219,8
Астрахань	980,7	1009,5	1016,1	1016,5	1028,6

Табл. сост. по: Нижнее Поволжье. С. 377; Сталинградский край к первому краевому съезду Советов. С. 71; Астраханский округ. В помощь агитатору // Коммунист. 1939. № 255.

Из данных табл. 4 следует, что общий жилищный фонд городов возрос с 3114,5 до 3574,5 тыс. м², или на 460 тыс. м². Наиболее высокий прирост наблюдался в Сталинграде (33%), в Саратове – 8,8%, а наименьший – в Астрахани (4,8%). Центральные власти уделяли большое внимание г. Сталинграду, как центру советского тракторостроения. За три года (1931–1933 гг.) здесь было возведено жилья в три раза больше, чем в Саратове и Астрахани вместе взятых²⁹.

Однако рост численности городского населения региона значительно превышал объемы жилищного строительства. В Саратове за 1928–1932 гг. население возросло в полтора раза. В Сталинграде темпы роста населения в три раза превышали темпы увеличения жилой площади. За годы первой пятилетки, как уже отмечалось, ее прирост составил 33%, а численность населения увеличилась на 180%. Это

привело к снижению средней нормы обеспеченности жильем в городе до 3 (м²)³⁰. Если в целом по стране средняя норма жилплощади на одного члена рабочей семьи снизилась с 5 м² в 1928 г. до 4,3 м² в 1932 г., то в городах Нижне-Волжского края она опустилась до 3,7 (м²)³¹.

Новое жилье строилось, как правило, вокруг возводимых заводов, часто без соблюдения санитарно-гигиенических условий и носило по преимуществу временный характер. Однако, как известно, выстроенные наспех в те годы бараки стали постоянным местом обитания многих миллионов рабочих семей. Но и такого жилья не хватало: к концу 1931 г. лишь 40% рабочих СТЗ имели квартиры в рабочем поселке, на СЗК – 30, на «Красном Октябре» – 29%³².

За годы второй пятилетки масштабы жилищного строительства значительно возросли (табл. 5).

Таким образом, за четыре года второй пятилетки жилищный фонд крупных городов Нижнего Поволжья увеличился на 238939 м². По-прежнему первоочередное внимание в жилищном строительстве уделялось Сталинграду. В строительную организацию «Сталинградстрой» направлялась основная часть средств, материалов и кадров стро-

ителей из других районов края. За отмеченный период здесь было построено 130 455 м² жилья, в Саратове – 80 902, а в Астрахани – 27 582 м². Несмотря на это, тенденция отставания темпов жилищного строительства от роста численности городского населения региона сохранялась (табл. 6).

Таблица 5

Распределение жилого фонда крупных городов Нижнего Поволжья по годам ввода в эксплуатацию

Город	1933		1934		1935		1936	
	Число строений	Их жилая площадь, м ²	Число строений	Их жилая площадь, м ²	Число строений	Их жилая площадь, м ²	Число строений	Их жилая площадь, м ²
Саратов								
Дома	31	17365	33	11411	52	22825	88	25236
Бараки	1	334	8	3633	6	2798	–	–
Сталинград								
Дома	68	22414	79	29313	40	23668	54	37060
Бараки	28	6161	14	4099	7	1951	19	5789
Астрахань								
Дома	20	5235	9	6383	30	8623	22	5030
Бараки	1	384	3	1112	7	815	–	–
Итого	149	51893	146	55951	142	60680	183	70415

Табл. сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 28. Д. 258. Л. 16–17; Д. 259. Л. 1–2, 17.

Таблица 6

Рост численности населения и жилищного фонда крупных городов Нижнего Поволжья

Город	Численность населения, человек		Жилой фонд, тыс. м ²		На одного жителя приходилось, м ²	
	1926 г.	1939 г.	1928 г.	1939 г.	1928 г.	1939 г.
Саратов	219547	372002	1219,1	1420	5,5	3,8
Сталинград	15149	445312	914,7	1629	6,0	3,6
Астрахань	184301	253595	980	1188	5,3	4,6

Табл. сост. по: Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8–10; Материалы к отчету Саратовского городского Совета РК и КД с 1931 г. по 1 июля 1939 г. Саратов, 1939. С. 50; Сталинградская область. Сталинград, 1940. С. 190.

Как видно из приведенных расчетов, наиболее благоприятная жилищная ситуация складывалась в Астрахани, что объяснялось, с одной стороны, не столь стремительным ростом населения по сравнению с другими городами региона, а с другой – возобновившимся частным жилищным строительством. При этом основная часть городского населения (70%) продолжала проживать в мелких домах деревянного, саманного и глинобитного типа, около 20% которых были совершенно не пригодны для проживания³³.

Трудности в решении жилищной проблемы были неразрывно связаны с состоянием коммунального хозяйства региона, которое, по признанию местных властей, являлось «одной из наиболее отсталых отраслей народного хозяйства»³⁴. Вопрос о тяжелом положении коммунального хозяйства Нижне-Волжского края стоял на обсуждении I краевого съезда Советов в 1928 г. и нашел отражение в постановлении съезда: «Необходимо

наметить решительный перелом в этой отрасли, а также должны быть приняты меры к увеличению коммунального обслуживания рабочих районов в крупных городах края»³⁵.

Коммунальное хозяйство г. Саратова в 1928 г. по всем основным показателям являлось наиболее крупным в Нижнем Поволжье. Здесь еще в середине XIX в. был построен городской водопровод, сначала деревянный, а затем металлический. В 1910–1913 гг. по проекту профессора Чижова в Саратове была устроена канализация. С 1915 г. в Сталинграде начала функционировать уличная канализация, а с 1934 г. – в Астрахани³⁶.

По сравнению со среднестатистическими данными норм потребления коммунальных услуг РСФСР нижеволжские города располагались следующим образом (табл. 7).

Из табл. 7 следует, что по таким видам коммунальных услуг, как водопровод, канализация и трамвай, темпы прироста норм на одного жителя

Таблица 7

Динамика потребления коммунальных услуг в расчете на одного жителя

Регион	1928/29 г.	1930/31 г.	% роста
1. Водопровод (годовое потребление воды, м ³)			
РСФСР (без Москвы и Ленинграда)	9,8	10,3	5,1
Города Нижне-Волжского края	5,5	6,0	9,0
Саратов	10,0	10,4	4,0
Сталинград	5,1	6,0	17,6
Астрахань	5,0	5,0	-
2. Электростанция (годовое потребление электроэнергии, кВт/ч)			
РСФСР	27,3	39,6	45,0
Города Нижне-Волжского края	17,7	25,4	43,5
3. Канализация (сточные воды в год, м ³)			
РСФСР	10,1	10,8	2,0
Саратов	6,3	6,7	6,8
Сталинград	1,4	1,7	21,4
4. Трамвай (количество поездок в год)			
По РСФСР	216	233	8,0
Города Нижне-Волжского края	104	140	34,6

Табл. сост. по: Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР. С. 234–237.

по городам Нижне-Волжского края значительно превосходили общероссийские показатели. Среди городов региона наиболее быстрыми темпами росло коммунальное хозяйство Сталинграда. Так, мощность городского водопровода возросла с 500 м³ в час в 1913 г. до 2660 м³ – в 1933 г. и 3377 м³ – в 1939 г., т.е. в 6,7 раза. Протяженность уличной водопроводной сети увеличилась с 53 км в 1913 г. до 179 км – в 1939 г., т.е. в 3,5 раза. Если средняя норма потребления воды на одного человека в Царицыне составляла в 1915 г. 20,6 л в сутки, то в 1939 г. – 82,1 л, т.е. в 4 раза больше³⁷.

В коммунальное хозяйство и благоустройство Саратова за 1934–1939 гг. было вложено 56 625,8 тыс. руб. Водопроводная сеть выросла с 138 км в 1917 г. до 189,6 км – в 1934 г. и 205,1 км – в 1939 г. Подача воды в сутки увеличилась с 18,9 тыс. м³ в 1934 г. до 28,5 тыс. м³ – в 1939 г. В 1939 г. уличная канализационная сеть охватывала до 30% домов г. Саратова и составляла 71,7 км³⁸.

В Астрахани первоочередной задачей для городских служб была постройка канализации. Работы были начаты еще в 1914 г. на средства земств, однако с началом Первой мировой войны остановились. Лишь в начале августа 1927 г. в Астрахань прибыла комиссия из специалистов от ГУКХа для ознакомления на месте с вопросом о возобновлении работ по постройке канализации³⁹. В 1934 г. городская канализация вошла в эксплуатацию, а в 1939 г. уже 260 домовладений подключились к ее сети⁴⁰.

В 1934 г. в Астрахани началось строительство нового водопровода мощностью 24,7 тыс. м³ в сут-

ки, который в 1939 г. уже подавал жителям города 5441,7 тыс. м³ воды в сутки. Это означало, что на одного горожанина приходилось уже не 5 л, как в 1931 г., а 21,5 л воды в сутки⁴¹. Правда, число домовых присоединений к водопроводу в 1939 г. составляло всего 43% (2230 домов) из общего количества городского жилищного фонда⁴². Коммунальные службы города выход из создавшегося положения нашли в значительном увеличении количества водозаборных будок. Если в 1930 г. их насчитывалось всего 48, то в 1937 г. – 201, а в 1939 г. – 279⁴³. Несмотря на некоторые неудобства, данная форма водоснабжения представляла собой определенный прогресс, во всяком случае, по сравнению с досоветским временем.

Одним из показателей благоустроенности городов Нижнего Поволжья являлось состояние общественного транспорта. В повседневную жизнь горожан в 1920–1930-х гг. все больше входили трамваи и автобусы, вытесняя лошадиный извоз. Первый трамвай в Нижнем Поволжье был построен в Астрахани Бельгийским акционерным обществом в 1902 г. В 1917 г. длина трамвайных путей составляла 48,9 км, а количество моторных вагонов – 50 штук⁴⁴. В годы Гражданской войны трамвай был частично разрушен и использовался лишь на военные нужды.

В 1930-е гг. трамвайное обслуживание населения Астрахани расширилось (табл. 8).

Данные табл. 8 свидетельствуют о динамике роста подвижного состава трамвайного парка и количества перевезенных пассажиров. Однако протяженность пути не достигла уровня 1917 г. и

Таблица 8

Трамвайное обслуживание населения Астрахани

Показатели	1930	1931	1937	1938	1939
Число моторных вагонов	55	62	75	78	78
Перевезено пассажиров, тыс. чел	34468	42300	35501	40706	44783
Протяженность пути, км	40,7	40,7	47,7	47,7	47,7

Табл. сост. по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 9. Д. 9. Л. 45–47.

охватывала лишь 16–19 % улиц города. Изношенность трамвайного оборудования составляла 85%, а путей – 80–90%⁴⁵.

Документы местных коммунальных отделов свидетельствуют о том, что трамвайное хозяйство в 1920–1930-х гг. являлось «одним из наиболее узких мест в системе городского хозяйства»⁴⁶. Среди главных недостатков выделялись такие, как дефицит вагонов, приводивший к их перегрузке до 200–300%, перебои в движении из-за слабой энерговооруженности, изношенность трамвайного оборудования и путей⁴⁷.

В 1930-х гг. трамвайное сообщение получило широкое развитие и в Сталинграде. Здесь трамвай был построен ещё в 1913 г. и к 1917 г. протяженность путей составляла 26,1 км, а число пассажирских вагонов – 27. В 1939 г. эксплуатация однопутной линии достигла 67,1 км, а количество вагонов – 138. Если в 1917 г. на одного жителя города приходилось 70 поездок в год, то в 1939 г. – 200⁴⁸.

В Саратове появление трамвая также было связано с Бельгийским акционерным обществом,

которое 1907 г. приступило к строительству путей. Частичная эксплуатация трамвая началась 7 ноября (24 октября) 1908 г., а полная – в 1912 г. В соответствии с договором концессия Бельгийского акционерного общества должна была продлиться до 1920 г., после чего трамвайное хозяйство в целом переходило в собственность городского самоуправления. Трамвайная сеть в 1917 г. охватывала, главным образом, центральную часть города и составляла 77,3 км при наличии 87 вагонов. В 1918 г. трамвайное хозяйство было национализировано и перешло в Управление саратовского трамвая и освещения при губернском коммунальном отделе. В годы Гражданской войны ремонт трамваев почти не производился из-за отсутствия запасных частей, которые раньше привозились из-за границы. В результате износа оборудования и путей в 1920 г. на линию выходило всего 5 вагонов⁴⁹. В 1920–1930-х гг. трамвайное хозяйство было не только восстановлено, но и значительно расширилось (табл. 9).

Таблица 9

Трамвайное обслуживание населения г. Саратова

Показатели	1917	1926/27	1937	1940
Длина одиночных путей, км	77,3	83,7	103,2	125,7
Количество вагонов, шт	87	79	153	168
Перевезено пассажиров, тыс./чел.	25407,7	23781,7	75000,0	94000,0
Пробег 1 вагона в год, км	38,6	66,4	107,0	112,0
Число поездок на 1 жителя	114	112	187	198

Табл. сост. по: ГАСО Ф. Р-210. Оп. 5. Д. 2. Л. 2–8.

На основании приведенных данных можно говорить о том, что за годы предвоенных пятилеток в Саратове было вновь построено 42 км трамвайных путей, связывавших центр города с окраинами. Если в 1917 г. функционировало 10 маршрутов, то в 1940 г. – 14. В 1929 г. была построена Пролетарская линия протяженностью 9,4 км, в 1930–1931 гг. удлинен Ильинский маршрут до завода комбайнов. В следующем году открылось движение от СЗК до Крекинга (6,3 км), а в 1934–1935 гг. – Красноармейский маршрут (6,08 км). Это позволяло рабочим без пересадок доезжать до работы и обратно. В 1933–1934 гг. были построены подстанции № 1, 2, 3, 4 общей мощностью 1960 кВт, а в 1935 г. вступило в эксплуатацию новое депо на 60 закрытых и 120 открытых ва-

гон/мест⁵⁰. Планово-предупредительный ремонт трамвайного оборудования стал производиться регулярно с использованием запасных частей отечественного производства.

Однако даже столь значительное расширение трамвайного хозяйства не могло полностью удовлетворить потребности растущего городского населения. Одним из недостатков саратовского трамвая являлось отсутствие регулярности движения по жесткому графику. Отчасти это объяснялось тем, что трамвай в 8 местах пересекался с железнодорожными линиями, что вызывало большие простои. Кроме того, вследствие недостаточного финансирования более 16 км путей и 100 стрелочных переводов были сильно изношены и затрудняли движения. Горожане постоянно жа-

ловались через газету «Коммунист» на большие очереди в ожидании трамвая, тесноту и давку в вагонах, грубость вожатых и кондукторов⁵¹. Следует отметить и достаточно высокую стоимость проезда в трамвае: с августа 1931 г. она составляла 10 коп. в городе и от 15 до 20 коп. – по дачным линиям. В 1940 г. плата за проезд в трамвае в Саратове составляла 20 коп.⁵²

В 1930-х гг. с целью разрешения транспортного вопроса в городах Нижнего Поволжья организуется автобусное сообщение. Первые общественные автобусы появились в Сталинграде в 1931 г., затем в Астрахани в 1933 г. В Саратове автобусное сообщение открылось в 1935 г. девятью машинами. Этот новый вид общественного транспорта охватывавший, как правило, городские районы, не связанные трамвайными линиями, становился все более популярным. К 1940 г. в

Астрахани курсировало 13 автобусов, в Саратове – 15, в Сталинграде – 24, не считая ведомственного автотранспорта промышленных предприятий⁵³.

Единственным недостатком здесь в условиях значительного роста численности городского населения являлось недовыполнение плана по количеству автобусов, что приводило к существованию больших интервалов на маршрутах и тесноте в салоне общественного транспорта. В 1939 г. в бюджете рабочих семей городского населения Нижнего Поволжья доля расходов на авто- и электротранспорт более чем в 3 раза превышала оплату извозчиков, составляя 111 руб., против 31 руб.⁵⁴

Общую сравнительную характеристику состояния основных элементов коммунального хозяйства крупных городов Нижнего Поволжья дает табл. 10.

Таблица 10

Развитие коммунального хозяйства крупных городов Нижнего Поволжья в 1920–1930-х гг.

Показатели	Саратов		Сталинград		Астрахань	
	1927	1939	1927	1939	1927	1939
Длина улиц, км	247	295,1	251	349	169	250
Замошенность улиц, км	101	124,1	28,5	145	71	101
Число уличных электрических фонарей, шт	515	2600	365	3308	35	971
Длина сети водопровода, км	169	215,2	73	179,4	61	116,9
Длина уличной канализации, км	46,3	74,7	31,8	59,7	-	34,1
Количество городских бань	14	13	10	22	14	13
Длина трамвайных путей, км	83,7	125,7	31,6	67,1	35,5	53,3
Число городских автобусов	–	15	–	24	–	13

Табл. сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 31. Д. 3. Л. 106–113; Д. 4. Л. 160–166; Д. 95. Л. 4–10, 33; Обзор хозяйства и культуры Саратовского округа. С. 193; Материалы к отчету о работе Саратовского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов XVI созыва. С. 69; Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР. С. 234–237, 243; Материалы к отчету Саратовского городского Совета РК и КД с 1931 по 1 июля 1939 г. С. 42–43; Сталинградская область. С. 190–194; Сталинградская область в цифрах. С. 84–88.

Сопоставление приведенных данных позволяет констатировать значительные изменения в коммунальном хозяйстве городов Нижнего Поволжья, выразившиеся в увеличении мощности водопровода, протяженности улиц, канализации и трамвайных путей.

Поскольку жилищно-коммунальное хозяйство Саратова до 1917 г. являлось наиболее крупным в Нижнем Поволжье, то и масштабы обобщественного жилого фонда здесь к концу 1920-х гг. значительно превосходили аналогичные показатели других городов региона. В годы новой экономической политики задачи восстановления и строительства жилья решались совместными усилиями горкомунотделов, РЖСКТ, промышленных предприятий и частных, причем доля последних значительно превышала возможности всех остальных застройщиков. Свертывание нэпа и переход к плановой централизованной экономике привели к сокращению объемов работ частных, а наиболее широкое жилищное строительство развернулось вокруг новостроек

и крупных промышленных предприятий, как правило, на окраинах городов. В этот период первоочередное внимание в жилищном строительстве уделялось Сталинграду, жилой фонд которого за 1928–1939 гг. увеличился на 715 тыс. м², в то время как в Саратове – на 201 тыс. м², а в Астрахани – на 208⁵⁵. Причем в Саратове, и особенно в Астрахани, в отличие от Сталинграда, вновь преваляло возобновившееся частное строительство, позволявшее несколько сгладить жилищную проблему. За этот же период численность населения в Сталинграде возросла в 2,9 раз, в Саратове – в 1,6 и Астрахани – 1,3 раза, что привело к снижению средней нормы жилплощади на одного жителя с 5,5 м² в 1928 г. до 4,1 м² – в 1939 г.

Таким образом, жилищная политика советской власти в 1920–1930-е гг. носила классовый характер и была мощным идеологическим инструментом большевиков. Создание нового быта напрямую связывалось с задачами индустриализации и было полностью поставлено под государственный контроль. Вся социальная политика с

ее коммунальными квартирами, общежитиями и бараками отвергала буржуазный индивидуализм, нивелировала любые личностные различия и способствовала формированию советского коллективизма. На это были направлены усилия местных властей по муниципализации и перераспределению жилья по классовому принципу за счет непролетарских слоев населения. В 1930-е гг. государство, ставшее монопольным собственником жилья, превратило его в один из главных рычагов социального контроля. Несмотря на рост городского жилого фонда Нижнего Поволжья, главным образом за счет частного строительства, количество жилой площади на одного человека в 1930-е гг. продолжало уменьшаться из-за резкого роста числа городских жителей.

За годы предвоенных пятилеток произошли значительные изменения в коммунальном хозяйстве городов региона: увеличилась мощность водопровода, протяженность улиц, канализации, трамвайных путей и т.д. Благодаря приоритетному финансированию, Сталинград к концу 1930-х гг. стал наиболее благоустроенным из городов Нижнего Поволжья, обогнав по ряду показателей Саратов.

Примечания

- 1 Черных А.И. Жилищный передел. Политика 20-х гг. в сфере жилья // Социс. 1995. № 10. С. 71.
- 2 Смирнова Т.М. Жилищная политика в годы нэпа // Ежегодник ист.-антропол. исследований. 2001/2002. М., 2002. С. 278.
- 3 См.: Астраханская губерния. Экономическое, административное и финансовое состояние. Материалы к докладу в Совете народных комиссаров РСФСР Астраханского губернского исполнительного комитета. Р.К.Л.К.Д. Астрахань, 1928. С. 49.
- 4 Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах Астраханской области): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 89.
- 5 См.: СЗ СССР. 1924. Отдел первый. № 5. С. 60.
- 6 См.: Обзор хозяйства и культуры Саратовского округа. Саратов, 1929. С. 193.
- 7 См.: Сталинградский край к первому краевому съезду Советов. Сталинград, 1935. С. 72; Астраханская губерния. С. 35.
- 8 См.: Отчет Астраханского горсовета рабочих, красноармейских, левецких и крестьянских депутатов за время работы XIII созыва (март 1929 – январь 1930 г.). Астрахань, 1930. С. 71.
- 9 Там же. С. 58.
- 10 См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VI. С. 6, 10.
- 11 См.: Васильев В.А. Жилищное строительство в городах Нижне-Волжского края в годы первой пятилетки // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 120.
- 12 Всероссийский XIII съезд советов. М., 1927. С. 142.
- 13 Контрольные цифры народного хозяйства СССР за 1928–1929 год. М., 1929. С. 163.
- 14 См.: Лебина Н.Б. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1. С. 18.
- 15 Там же. С. 18.
- 16 Поволжская правда. 1929. 7 января.
- 17 См.: Материалы к отчету о работе Саратовского городского совета рабочих и красноармейских депутатов XVI созыва. С. 63.
- 18 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.
- 19 См.: Астрахань. Справочная книга. Сталинград, 1937. С. 241.
- 20 См.: Отчет Саратовского горсовета рабочих и красноармейских депутатов XVIII созыва. Саратов, 1930. С. 28.
- 21 См.: Отчет Астраханского исполнительного комитета с октября 1928 г. по февраль 1930 г. Астрахань, 1930. С. 95.
- 22 См.: Васильев В.А. Указ. соч. С. 121–122.
- 23 См.: Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР: Стат. справочник. М., 1935. С. 248.
- 24 См.: Сборник законов СССР. 1932. № 7–8. С. 475–476.
- 25 См.: Два года пятилетки. Материалы к отчету Нижне-Волжского Краевого исполнительного комитета Советов РК и КД за период от 1 до 11 Краевого съезда Советов. Саратов, 1937. С. 47.
- 26 См.: Тяжельникова В.С. Заводское жилье в 1935 г. – первой половине 1960-х гг. // Вест. РУДН. Сер. История России. Раздел: История повседневности. 2003. № 2. С. 99.
- 27 Сталинградский край к первому краевому съезду Советов. Материалы к отчету Сталинградского краевого исполнительного комитета Советов РК и КД за период 1931–1934 гг. Сталинград, 1935. С. 71.
- 28 См.: Нижнее Поволжье. Сталинград, 1934. С. 379.
- 29 См.: Васильев В.А. Указ. соч. С. 126.
- 30 См.: Материалы к отчету Нижне-Волжского крайкома ВКП (б). Сталинград, 1934. С. 99.
- 31 См.: Материалы к отчету Нижне-Волжского крайкома ВКП (б). Саратов, 1932. С. 67; Васильев В.А. Указ. соч. С. 127.
- 32 См.: Поволжская правда. 1931. 22, 31 окт.; Васильев В.А. Указ. соч. С. 126.
- 33 См.: Астрахань. Справочная книга. Сталинград, 1937. С. 241.
- 34 Обзор хозяйства и культуры Саратовского округа. Саратов, 1929. С. 192.
- 35 Там же.
- 36 См.: Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР. С. 237.
- 37 См.: Сталинградская область. С. 190–191.
- 38 См.: Материалы к отчету Саратовского городского Совета РК и КД с 1931 по 1 июля 1939 г. Саратов, 1939. С. 42–43.
- 39 См.: Астраханская губерния. С. 53.
- 40 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 9. Д. 9. Л. 50 об.
- 41 Там же. Л. 50.
- 42 Там же.
- 43 ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 9. Д. 9. Л. 50/
- 44 См.: Сталинградская область. С. 194.

- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 9. Д. 9. Л. 46.
⁴⁶ О развитии городского хозяйства Сталинграда. Сталинград, 1940. С. 11.
⁴⁷ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 9. Д. 9. Л. 48.
⁴⁸ Сталинградская область в цифрах: Краткий стат. справочник. Сталинград, 1939. С. 83.
⁴⁹ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. Р-210. Оп. 5. Д. 2. Л. 3–5.
⁵⁰ ГАСО Ф. Р-210. Оп. 5. Д. 2. Л. 7–8.

- ⁵¹ Там же. Д. 251. Л. 15, 18, 36.
⁵² Там же. Ф. Р-2052. Оп. 31. Д. 4. Л. 75.
⁵³ См.: ГАРФ Ф. А-374. Оп. 9. Д. 1940. Л. 49–50; Материалы к отчету Саратовского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов XX созыва за первое полугодие 1936 г. Саратов, 1936. С. 42; Сталинградская область в цифрах. С. 84.
⁵⁴ ГАРФ Ф. А-374. Оп. 9. Д. 9. Л. 52.
⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 28. Д. 258. Л. 16–17; Д. 259. Л. 1–2, 17.

УДК [94:327](470–89+485)

ЛИЧНОСТИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПАЛИЦЫН

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В центре внимания автора статьи – судьба одного из малоизвестных деятелей Смуты, оказавшегося в эпицентре событий, связанных с борьбой нового правительства Михаила Романова против шведских и польских интервентов. Подробно рассмотрена запутанная хронология событий завершающего периода Смуты в 1613–1614 гг., активное участие в которых принимал Андрей Федорович Палицын, единственный из военачальников Смуты, дважды награжденный за свои боевые заслуги «шубой с царского плеча».

Ключевые слова: Смутное время, Швеция, Яков Делагарди, Андрей Палицын, Рамышевский острог, Старая Русса, Новгород, «казачий воевода».

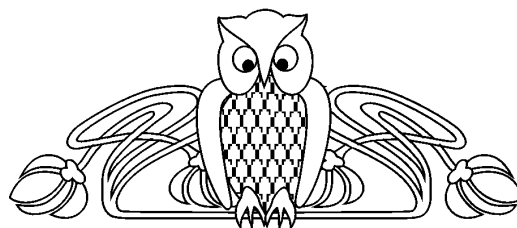
The Personalities of the Time of Troubles: Andrey Fyodorovich Palitsin

Y.N. Rabinovich

The author of this article attracts readers' attention to a life of one of the little-known figures of the Time of Troubles who was in the epicenter of events related to the struggle of the new government of Michael Romanov against the Swedish and Polish interventionists. This personality is Andrey Fyodorovich Palitsin. The tangled chronology of events concluding the period of Troubles in 1613–1614 is described in detail. Palitsin took an active part in those events and was the only commander of that period, who was rewarded twice for his militant services by "the tsar's fur coat".

Key words: The Time of Troubles, Sweden, Yakov Delagardi, Andrey Palitsin, Ramyshevsky stockade, Staraya Russa, Novgorod, "Cossacks' voivode."

Андрей Федорович Палицын – двоюродный племянник известного деятеля Смуты келаря Троице-Сергиевой лавры Авраамия Палицына. Его отец – Федор Сысоевич Зерзнев-Палицын был двоюродным братом Авраамия. А.Ф. Палицын – типичный представитель людей, прошедших сквозь Смуту и выдвинувшихся при Михаиле

Федоровиче. С.В. Бахрушин отмечал, что таких, как Андрей Палицын, «было много среди бывших тушинцев, всплывших на поверхность при новой династии». Историк в своей статье об этом «русском интеллигенте XVII века» основное внимание уделил его жизни в конце 1620-х – начале 1630-х гг., когда А.Ф. Палицын два года был воеводой в Мангазее¹. Однако о более раннем периоде его биографии С.В. Бахрушин приводит лишь отрывочные сведения. В настоящее время, имея новые источники, можно добавить дополнительные штрихи к биографии Андрея Федоровича Палицына и осветить некоторые неизвестные ранее события Смуты, непосредственным участником которых был наш герой.

С.В. Бахрушин указал на ряд особенностей личных свойств характера Андрея Палицына. Это был образованный человек, который хорошо писал, обладал большим темпераментом. Будучи воеводой в Мангазее, А.Ф. Палицын писал государю Михаилу Федоровичу о самых интимных подробностях своей личной жизни. В этих отписках отражается личность самого автора, своеобразного представителя московской «интеллигенции» начала XVII в., умственные запросы которой были пробуждены событиями Смуты².

А.Ф. Палицын принадлежал к семье, до начала XVII в. не занимавшей заметного положения в массе среднего дворянства. Его предки служили в XVI в. по выбору по Новгороду – здесь в Деревской и Обонежской пятинах находились их поместья. Родился Андрей Палицын в конце 1580-х годов. Впервые он упомянут в десятне Деревской пятины в качестве неслужилого новика по верстанию 1605/06 г³. В это время Андрей Палицын служил у окольного Я.М. Годунова (с 1604 г.), вскоре после смерти которого (1607 г.) Палицын примкнул к тушинцам, как и многие другие мелкие служилые люди⁴.

Осенью 1608 г. тушинский боярин Иван Заруцкий отправил А.Ф. Палицына в Тоть-

му, чтобы поднять там горожан на сторону Лжедмитрия II⁵. Андрей Палицын не только стал взимать налоги с жителей, но составил в Тотьме подложную грамоту и выпустил из местной тюрьмы опальных людей. В начале декабря 1608 г. в Тотьме началось восстание против тушинцев, А.Ф. Палицын был арестован. Спасло его от расправы заступничество близких родственников, воевавших на стороне Василия Шуйского, а также келаря Авраамия Палицына. Под влиянием первых успехов М.В. Скопина-Шуйского, Андрей Палицын перешел на сторону царя Василия, принял активное участие в борьбе против тушинцев⁶. Сыграли свою роль бесчинства Сапеги и Лисовского, осаждавших Троице-Сергиев монастырь, грамоты монастырских старцев с призывом защитить православную веру от латынян.

Как и многие другие новгородцы-Палицыны, Андрей Федорович в 1609 г. участвовал в походе М.В. Скопина-Шуйского под Москву. Отец Андрея, Федор Сысоевич, в 1609 г. был назначен Василием Шуйским воеводой в Белоозеро⁷. Сам Андрей за верную службу вскоре получил от царя Василия новые пожалования. Известно, что в 118 г. (1609/1610) Андрей Палицын имел поместный оклад 350 четей. По грамоте царя Василия Шуйского ему было отделено 300 четвертей⁸. Он имел поместье в Деревской пятине – сельцо Тысва (Тисма) с двумя деревнями⁹.

После свержения Василия Шуйского и установления в Москве власти Семибоярщины А.Ф. Палицын вместе с москвичами 17 августа 1610 г. присягнул польскому королевичу Владиславу. В сентябре 1610 г. он находился в составе свиты посольства Филарета-Голицына к королю Сигизмунду под Смоленском (был представителем городского дворянства). Келарь Авраамий Палицын также был участником этого посольства¹⁰. Отец Андрея в это время находился в Старой Руссе, был там вторым воеводой¹¹.

Посольство москвичей под Смоленском вскоре разделилось на три группы («предатели» – Салтыков, Андронов, «патриоты» – Филарет, Голицын и «клятвопреступники» или «обманщики» – основная масса членов посольства). К третьей группе относился и Андрей Палицын. Как и дядя его, келарь Авраамий Палицын, он изменил общему делу посольства, принес присягу королю Сигизмунду и получил от короля ряд наград. 18 ноября 1610 г. король из-под Смоленска отправил грамоту на имя боярина Ф.И. Мстиславского и его сопровителей о пожаловании Андрея Палицына чином стряпчего¹². Польский король также утвердил за Андреем Федоровичем его вотчины и поместья «в Новгородском уезде в Деревской пятине сельцо Тысва и две деревни к тому же сельцу»¹³. Однако уже зимой 1611 г., как и большинство участников посольства, А.Ф. Палицын перешел на сторону Подмосковного ополчения Прокопия Ляпунова.

Троице-Сергиева лавра вместе с ее архимандритом Дионисием и келарем Авраамием Палицыным вновь, как и в 1608 г., стала одним из центров освободительной борьбы против поляков. В 1611 г. Андрей Палицын упомянут в числе ратных людей, оборонявших от поляков и казаков Лавру. В марте 1611 г., находясь в Троице у дяди, он узнал о сожжении Москвы. Сразу же монастырские власти отправили его под Москву вместе с отрядом монастырских служек (50 человек) и двумя сотнями стрельцов, с которыми он присоединился к ополчению Прокопия Ляпунова¹⁴. После убийства казаками Ляпунова (22.7.1611 г.) уже в августе того же года троицкие власти отозвали Андрея Палицына обратно для охраны монастыря¹⁵.

В апреле 1612 г. Андрей Палицын подписал грамоту к князю Д.М. Пожарскому, призывая нижегородцев двигаться быстрее к Москве¹⁶. По видимому, Д.М. Пожарский во время пребывания в Троице в августе 1612 г. по пути из Ярославля к Москве познакомился с ним поближе и оценил его деловые качества. Вскоре последовало назначение Палицына воеводой в Углич. В конце 1612 г. Андрей Федорович был воеводой в этом городе в звании стряпчего, как представитель от нижегородского ополчения. 14 февраля 1613 г. Андрей Федорович был еще воеводой в Угличе, но вскоре его сменил в этом городе новый воевода Федор Погожий¹⁷. В апреле 1613 г. «стряпчий Андрей Федоров сын Палицын» находился уже в составе делегации, посланной к царю с просьбой ускорить прибытие его в Москву¹⁸.

А.Ф. Палицын, как и другой деятель Смуты, князь С.В. Прозоровский, был популярен среди казаков. Когда в сентябре 1613 г. по решению Боярской думы в поход на Новгород был направлен Д.Т. Трубецкой, то передовой отряд его войска, состоящий в основном из казаков, «людей с довольно темным прошлым», возглавил Андрей Палицын¹⁹. К этому времени у Андрея были свои счета со шведско-новгородской администрацией. Современные исследователи Е.И. Кобзарева и А.А. Селин привели сведения о конфискациях «изменничьих» поместий в Новгородской земле, в том числе и поместий Палицыных в Деревской пятине²⁰. Эти конфискации были проведены в ноябре 1611 г., через несколько месяцев после установления в Новгороде власти Делагарди-Одоевского. Вначале власти приказали подъячому Постнику Кувшинову произвести обыск поместий Андрея Палицына в Сытинском и Лажинском погостах Деревской пятин²¹. Обыск поместья Андрея Палицына в Сытинском погосте был произведен 3 ноября 1611 г.²² После обыска все «изменничьи поместья» Андрея Палицына за то, что «он изменил, отъехал из Новгорода к Москве» были конфискованы и уже в конце ноября 1611 г. переданы «Пусторжевцу Петру Федорову сыну Лихареву и Деревской пятин Ивану Дмитриеву сыну Негодяеву»²³. Отдел поместья Андрея

Палицын в Лажинском погосте проводил тот же подъячий Постник Кувшинов²⁴. Небольшая часть отписного хлеба из поместья Андрея Палицына (6 четей) 13 декабря 1611 г. была передана его брату Семену, который оставался в Новгороде при шведах²⁵.

В отряде Андрея Палицына, направленном к Старой Руссе, находились новгородские дворяне, присягнувшие Михаилу Романову, казацкие станицы атаманов Ивана Балаша, Бессона Гаврилова, Андрея Звенигородца, Мурзы Елисеева, а также другие отряды казаков²⁶. В Книгах разрядных приводятся сведения о количестве казаков осенью 1613 г. в войске Д.Т. Трубецкого (1045 человек, 11 атаманов со своими станицами)²⁷. По-видимому, все они входили в отряд А.Ф. Палицына, направленный к Старой Руссе. В дальнейшем количество казаков в отряде Андрея Палицына несколько увеличилось. В декабре 1613 г. из Москвы было послано государево жалование под Старую Руссу с Василием Аничковым казакам на 1086 человек. Казаки получили в качестве награды «по золоченой новгородке»²⁸. Сам Андрей Федорович в то время получал государево жалование 56 рублей, потом размер его жалования достигнет 130 рублей²⁹.

Источники, введенные в научный оборот в начале XX в. Л.М. Сухотиным, А.Н. Зерцаловым и С.Б. Веселовским, позволяют определить имена многих служилых людей, отличившихся в боях под Старой Руссой в отряде Андрея Палицына в 1613–1614 гг. Среди них – казачий атаман Василий Савельев (ранен, сбит с коня, убито под ним три лошади)³⁰. Из других атаманов известны Богдан Пущин, Семен Долгов, Семен Балака, Яков Пешков и Ларя Долгов³¹. Дворянский отряд возглавлял Григорий Ресницын (он был сотенным головой). У него «были в сотне Деревской пятины Семей да Микифор Веревкин, Ржевы Володимеровы Петр Обернибесов, старичанин Тимофей Муханов»³².

Участниками боев под Старой Руссой были также дворяне Деревской пятины Смирной Васильев Самарин, Кондратий Иванов Палицын. Все они получали жалование из Владимирской четверти³³. Некоторые дворяне, отличившиеся в боях под Старой Руссой, получали жалование из Галицкой четверти. Среди них – дворяне Деревской пятины Михайло Иванов Лопухин, Григорий Васильев Языков, Захарий Фадеев Диров, Филипп Нарманской, а также дворянин Шелонской пятины Иван Назимов³⁴. Из Костромской чети получали жалование дворянин Бежецкой пятины Сила Вишняков Ивков и ржевитин Иван Федоров Рябинин³⁵. Возможно, некоторые из перечисленных дворян прибыли к Андрею Палицыну позднее, вместе с воеводой Осипом Хлоповым.

Первые отряды казаков прибыли к Старой Руссе ещё в августе 1613 г. Уже в начале сентября казаки совершили рейд в Коростынский погост³⁶. Весь выращенный и собранный к этому времени хлеб в южных погостах Старорусского уезда ока-

зался в руках казаков³⁷. Юхан Видекинд писал, что «казаки, не спросясь Великого князя, стали нападать на земли княжества (Новгородского) и, разоряя все огнем и мечом, вынудили множество бояр искать убежища в Москве... С той же целью москвичи обнародовали постановление, обещавшее прощение и помилование всем, кто пожелает присоединиться к казакам под Старой Руссой»³⁸. Со слов Видекинды видно, что одной из целей московского правительства при отправке отряда Палицына к Старой Руссе было заставить новгородцев присягнуть Москве и способствовать бегству из Новгорода в московские полки всех недовольных оккупационным режимом.

Здесь речь идет о грамоте воеводы Д.Т. Трубецкого к новгородцам, которая сохранилась в Шведском архиве. Воины Андрея Палицына («государевы ратные люди») получили наказ оберегать новгородцев «от неметцких людей и изменников», не чинить над ними «никакого насильства и грабежей»³⁹.

Оборону Старой Руссы от казаков Андрея Палицына вначале осуществлял шведский отряд под командованием Франца Дюкера (Дейкера), которому помогал воевода Андрей Константинович Шаховской. Интересно отметить, что некоторые из Палицыных находились в этом шведском отряде и воевали против своих родственников. Среди них – Дружина Савельев Палицын, которому новгородскими властями по верстаню 122 года (1613/1614) «справлен оклад из 450 четей в 500 четей», а затем за заслуги перед шведами даны дополнительные пожалования. Через год сын умершего Дружины Степан Палицын писал шведскому военачальнику: «был, государь, отец мой на твоей государевой службе в Старой Руссе»⁴⁰. В состав гарнизона Старой Руссы входила сотня стрельцов Семена Бровцына (100 человек), а также 14 детей боярских Деревской пятины (большинство из них в дальнейшем перешли на сторону москвичей)⁴¹.

Шведский король Густав Адольф заранее предвидел, что вскоре должны начаться бои под Старой Руссой с москвичами. Поэтому он еще 6 сентября 1613 г. писал Якову Делагарди, что после завоевания Тихвина и Гдова необходимо разместить войско в Старой Руссе и других соседних городах и монастырях⁴².

Яков Делагарди также готовился к отражению наступления москвичей к Старой Руссе. Он еще в 1612 г. велел восстановить крепость в самом городе, разрушенную еще по приказу Ивана III⁴³. По словам Видекинды, осенью 1613 г. Делагарди «выстроил также на подступах к Старой Руссе укрепление»⁴⁴. Так как все попытки взять это шведское укрепление были безуспешны, неприятель стал в 4 милях оттуда, укрепив свой лагерь частоколом, в надежде на скорое прибытие подкреплений⁴⁵. Это русское укрепление и есть знаменитый впоследствии Рамышевский острог.

Осенью 1613 г. А.Ф. Палицын организовал партизанскую борьбу со шведами в Новгородском уезде. Со своими силами Палицын не мог добиться крупных результатов, но даже сидя в осаде в своем острожке, он мешал сношениям шведских воинских частей между собой. Борьба принимала все более ожесточенный характер. Через год, в январе 1615 г., новгородские послы писали царю Михаилу, что казаки под Новгородом «чинили насильства и беды такие, что и бесермены не чинят». Опустошенные казаками Андрея Палицына окрестности Новгорода и Старой Руссы не в силах были прокормить шведское войско зимой. Шведы, которые хорошо знали обстановку в России, пугали новгородцев казачьими мятежами в случае перехода Новгорода под власть Михаила Федоровича⁴⁶.

Казаки Палицына взаимодействовали с другим отрядом Исаака Сунбулова, который укрепился в «укреплении на Московской дороге, в 20 милях от Новгорода». Кроме того, А.Ф. Палицын оказывал помощь Григорию Валуге, направив к нему на помощь 400 своих казаков, которые помогли Валуге удержаться в Невеле. В декабре 1613 г. казаки Палицына вместе с отрядом Валуге предприняли рейд в Литву и захватили литовские городки Улу и Овсей. Об этих успехах вестники-сеунщики Валуге сообщили боярам в Москве 25 января 1614 г.⁴⁷

Этот рейд казаков Палицына в Литву вынудил поляков направить значительные силы во главе с Лисовским к Невелю (до 3000 человек), вместо того, чтобы оказать помощь Смоленску, осажденному войсками князя Д.М. Черкасского. Активные действия А.Ф. Палицына отвлекли на время внимание шведов от Тихвина и Гдова, способствовали разгрому черкас под Олонцом в феврале – начале марта 1614 г.

В январе 1614 г. положение отряда Палицына резко ухудшилось. Шведы подтянули в этот район свежие силы. К концу 1613 г. вся военная сила шведов была сосредоточена у Новгорода⁴⁸. В район Старой Руссы прибыл полк Самуила Коброна. Шотландцы Коброна устроили острожек в 7 верстах южнее Рамышево в Черенчицком погосте на реке Ловать, перерезав казакам дорогу на Торопец. Также шведы построили три других острога западнее Рамышево. А.Ф. Палицын в своем донесении указывал, что теперь продовольствие к казакам не поступает, сил для возвращения этих острожков не хватает, так как многие казаки от голода разбрелись⁴⁹. Просьба Андрея Палицына о помощи в Рахин острог к Исааку Сунбулову и Ивану Давыдову оказалась безрезультатной. Палицын с трудом уговорил казаков «Оську Левина с товарищи» продержаться в Рамышево до царского указа⁵⁰.

Е.И. Кобзарева нашла данный указ царя Михаила Федоровича. Царь счел нужным отправить А. Палицыну и его товарищам специальную грамоту: «И детям боярским, и отоманом, и казаком,

и всяким ратным людем, которые с тобой, да в острожку, (ты бы) говорил, чтоб они нам служили великим роденьем, сколко милосердый Бог помочи подаст. И мы тебя, и детей боярских, и отоманов, и казаков за вашу службу пожалуем»⁵¹.

О бедственном положении А.Ф. Палицын писал также воеводе Д.Т. Трубецкому. Получив это письмо, воевода прислал на помощь Андрею Палицыну небольшой отряд в 150 человек под командованием Осипа Хлопова⁵². В этот отряд входили дворяне и дети боярские из Ржева и Старицы (38 человек), которыми командовали сотенные головы Тимофей Виселицын и Иван Моклоков, а также казаки разных станиц (87 человек) с одним атаманом⁵³. В Кормленной книге Галицкой четверти приведены имена некоторых из этих ржевичей и старичан, награжденных позднее за Рамышевскую службу. Кроме родственников сотенных голов (Андрей Исаев Виселицын, Фрол Иванов Моклоков) здесь указаны ржевичи Василий Григорьев Кривской, Иван Данилов Моклок, Иван Иванов Озарьев, Иван Семенов Пушкин, а также старичанин Степан Иванов Измайлов⁵⁴.

Воины Осипа Хлопова не привезли с собой продовольствия в Рамышевский острожек. Как писал Палицын в донесении, «нам от них помощи никакой, только нас оголодили, и мы с ними делимся, ... корму людского и конского взять негде, все отняли немецкие люди». Трудно сказать, как складывались отношения между этими двумя военачальниками, кто возглавлял этот объединенный отряд. В некоторых документах имя Хлопова стоит первым, а Палицына – вторым. Ситуация напоминала «Мангазейское дело» 1630–31 гг. (конфликт двух воевод в Мангазее – Андрея Палицына и Григория Кокорева). Конфликт между Палицыном и Хлоповым в Рамышево не успел разгореться в связи с начавшимся наступлением шведских войск в феврале 1614 г.

Разведчики, прибывшие из Старой Руссы, сообщили тревожные сведения о новых вражеских отрядах. 10 февраля лазутчик Кирилл Дрягов доложил Палицыну, что в Старую Руссу направляется с отрядом герцог Саксонский Юлий Генрих, который до этого безуспешно осаждал Гдов («немецкий курфирст удельный князек»), а также полковник Юхан Мёнихгофен («полковник Еган»). Кирилл Дрягов сам слышал, как солдатам читали приказ идти штурмовать Рамышевский острог⁵⁵.

Чтобы запугать казаков Палицына герцог Юлий накануне штурма устроил парад шведских наемников, о котором позднее в Мангазее вспоминал сам Андрей Федорович. Говоря о своем недруге Кокореве, Андрей Палицын сравнивал его с саксонским герцогом: «...перед ним с пищалями и с саблями и со всяким оружием ходили, что перед курферстом немецким»⁵⁶.

Спасти казаков в такой ситуации могло только чудо, казачья смекалка и организационный талант командира. Андрей Палицын не пал духом,

а занялся деятельной подготовкой к отражению вражеского штурма. Шведы стояли перед русским укреплением на жестоком морозе под открытым небом в течение шести суток, обстреливали его калеными ядрами, но русские мгновенно тушили огонь мокрыми бычьими шкурами, которыми покрыли все свои укрепления, так что огненные ядра шведов не производили никакого вреда. Шведы предприняли штурм острожка, но, как писал в своем донесении герцог Юлий Генрих, укрепления русских у Старой Руссы оказались неприступны: полковник Мёнихгофен был отбит со значительным уроном; 50 человек шведов было зарублено, и Нильс Банер, командир личной хоругви короля, убит. Шведы не смогли даже вынести труп своего командира. Тело Банера казаки взяли с собой в острог⁵⁷.

Сведения об этом штурме Рамышевского острожка в Москве получили в марте 1614 г.: «... писали из Рамышевского острожка воеводы Осип Хлопов да Андрей Палицын: февраля в 16 день пришли под Рамышевский острожек из Новгорода немецкий удельный князец Арцы Фарсак со многими с немецкими людьми и к Рамышевскому острожку приступали 5 дней и 5 ночей жестокими приступы. И они, Осип и Андрей, и с ними ратные, на приступех с немецкими людьми бились и многих немец на приступах и на вылазках побили и в осаде отсиделись и приступные немецкие запасы поимали»⁵⁸.

В начале марта шведский командир «ротмистр Ларенц Иванович Вагнер» писал Палицыну из Старой Руссы «о размене немецких людей, которые побиты под острожком». Вагнер предлагал в обмен на тело Нильса Банера отдать пленных казаков. Перед этим Вагнер и «гетман Юсть»⁵⁹ также писали о размене пленных, предлагая выкуп деньгами или отдать пленных казаков, «чтоб ратные люди с обеих сторон дома были». Эти переговоры завершились уже после отъезда Андрея Палицына в Москву при новом начальнике Рамышевского острога Федоре Левашеве⁶⁰.

Из отписки Андрея Палицына царю Михаилу Федоровичу мы узнаем о новой победе казаков в марте 1614 г. Из Рамышева был отправлен отряд атамана Семена Балаки в рейд к Новгороду. Между Старой Руссой и Новгородом казаки внезапно атаковали отряд шведов, многих побили и взяли в плен 6 человек. Получив донесение Палицына, бояре в Москве 21 марта написали ответ, в котором разрешили обменять тело Нильса Банера и других шведов на пленных русских «как бы нашему делу было прибыльнее и лучше»⁶¹.

В этот же период, как отмечал С.В. Бахрушин, шведы убили брата Андрея Палицына. Позже Андрей Федорович писал царю: «А брат, государь, мой родной, за твое государское имя от Якова Понтусова по составам разрезан, а мертвое тело его брошено в Волхов». Сам А.Ф. Палицын в это время сидел в острожке, и «его добыть было не можно», иначе его постигла бы участь брата⁶².

В Москве получили почти одновременно сведения из Тихвина от воеводы Федора Плещеева о разгроме черкас под Олонцом и от Осипа Хлопова и Андрея Палицына о победе под Рамышевым острожком. Было решено наградить участников этих событий. Правительство Михаила Романова высоко оценило заслуги Палицына и его людей в Рамышево. Из скурых сведений источников мы узнаем о составе отряда Палицына и Хлопова в это время и о наградах каждому из участников этих событий⁶³.

В это же время (конец апреля – начало мая 1614 г.) сам Андрей Палицын находился уже в Москве и получал вместе с некоторыми своими соратниками награды в Разряде⁶⁴: кроме награды в виде «золотого угорского» Андрей Федорович получил годовое жалование за службу. В приходно-расходных книгах после записи за 28 апреля следует интересная запись: «Того же дни... государева жалования на нынешний на 122-й год Ондрию Федорову сыну Палицыну 130 рублей дано. Деньги взял сам». Причем денег во Владимирской четверти на тот момент не было, поэтому их пришлось 10 мая 1614 г. взять взаймы в Костромской четверти⁶⁵.

Некоторые соратники Андрея Федоровича в июле–августе 1614 г. получали в Москве жалование за службу⁶⁶. Ряд детей боярских Деревской пятины получили позднее придачи к поместным и денежным окладам за Рамышевское сидение⁶⁷.

Трудно сказать, где конкретно находился Андрей Федорович Палицын летом 1614 г. К этому времени в районе Рамышево установилось относительное затишье. Теперь главные события происходили севернее – в районе Рахин-Вины, а затем у Бронниц, куда из Торжка подошел с войском князь Д.Т. Трубецкой. Именно сюда были стянуты основные силы русских войск. По-видимому, часть отряда Палицына из-за трудностей с продовольствием и выполняя приказ Трубецкого также была отправлена к Бронницам. Некоторые из рамышевских сидельцев летом 1614 г. воевали под Новгородом, участвовали в боях под Бронницами и в «Новоселицком осадном сидении», часть воинов попала в плен к шведам. После поражения Д.Т. Трубецкого у Бронниц 14 июля 1614 г. инициатива перешла к шведам, угроза Новгороду была ликвидирована. Во время отступления к Торжку армия начала распадаться. Отряд А. Палицына, отступивший из Рамышевского острога, тоже распался⁶⁸.

В конце августа 1614 г. мы снова видим Андрея Палицына в Москве. Теперь он получал лично от царя Михаила Федоровича высокую награду за осадное сидение в Рамышевском острожке за то, что он «в Новгородском уезде немецких людей побивал». Из Книги сеунчей мы узнаем, что 1 сентября 1614 г. он был пожалован царем у стола бархатной шубой на соболях, и серебряным ковшем⁶⁹.

В результате этих боев под Старой Руссой Старорусский уезд летом 1614 г. был полностью разорен. Источники рисуют страшную картину запустения этих районов как летом 1614 г., так и через год, осенью 1615 г., когда здесь проезжали голландские дипломаты на переговоры в Дедерино. В августе 1614 г. о запустении погостов уезда писал сам Делагарди. Некому было собирать урожай. Из-за отсутствия крестьян шведам пришлось выделять для уборки хлеба своих людей «немец, сколько человек пригоже»⁷⁰.

4 сентября 1614 г. Андрей Палицын получил воеводский наказ идти в Торжок. Там он должен был возглавить тысячу казаков, отступивших из-под Новгорода, с ними занять Старую Руссу и вновь идти под Новгород. Палицыну надлежало также призвать «Балаша с товарищи» (казаков, бежавших из Бронниц и Рамышевского острога) возвратиться на государеву службу к нему в полки⁷¹. Перед походом А.Ф. Палицын получил полностью жалование на следующий год⁷².

Осенью 1614 г. Андрей Палицын со своим отрядом действует против поляков под Осташковом, где 22 ноября 1614 г. он наносит поражение литовским людям⁷³. В конце ноября 1614 г. Андрею Палицыну было дано указание о походе на Невель. Из Москвы в Осташков к Палицыну отправлен с соответствующими грамотами «клинянин Петр Кривцовский»⁷⁴. Маршрут отряда проходил через Торопец, где произошел бой с литовским полковником гетманом Корсаком. Литовцы были разгромлены, причем каждый из московских воевод лавры победы приписывал себе. Воеводы Торопца Алексей Сицкий и Федор Елецкий прислали в Москву сеунч (весть о победе) 30 декабря⁷⁵. Через несколько дней, 3 января 1615 г., аналогичное известие о разгроме под Торопцом гетмана Корсака прислал в Москву «из-под Торопца из полков воевода Андрей Палицын», который писал, что «гетмана Корсака и польских и литовских людей побил, ево Одреева посылка, да и сам он, Ондрей, в те поры, уредаяся, стоял в поли»⁷⁶.

Подробности этого боя известны из донесения Андрея Палицына, на которое позже ссылались дьяки Разрядного приказа: «по государеву указу пошел де он было под Невель для промыслу над Литовскими людьми, и как де он будет прошед Торопец, в селе в Речанех, и приехав к нему, подъеззички сказали, что они съехали с литовскими людьми позад Торопца. И он, Андрей, по тем вестям сшол литовских людей под Торопцом и тех литовских людей побил, и языки и знамена и литавры поимал». Казакам Палицына сразу же были отправлены из Разряда награды за службу⁷⁷.

Между воеводами Алексеем Сицким и Андреем Палицыным, а также между их воинами, дворянами и казаками отношения были напряженными. Оба воеводы после этих событий сами приехали в Москву. Сицкий даже отказался в Москве получать ту же награду, какую дали Палицыну⁷⁸. В это же время (27.01.1615 г.) получили

в Москве жалование казаки Андрея Федоровича, а также служилые люди из Торопца⁷⁹.

Некоторые дворяне, особенно из высокопоставленных лиц, презрительно называли Андрея Палицына «казачьим воеводишкой». Так обращался к Палицыну в 1630 г. его товарищ по воеводству в Мангазее Григорий Кокорев.

Правительство Михаила Романова, пытаясь привлечь казаков на службу, опиралось на таких людей, как Андрей Федорович, которые пользовались популярностью среди казаков. А.Л. Станиславский писал, что «Андрей Палицын, по данным Бельской летописи, в начале 1615 г. имел около 2000 казаков. Он удачно выполнил свою задачу в отличие от представителей Земского собора, которые неоднократно ездили из Ярославля к казакам, предлагая им вернуться на службу»⁸⁰. Е.И. Кобзарева отмечает, что к «Андрею Палицыну примкнули поляки, возглавляемые Сидоркой»⁸¹. Речь идет об одном из отрядов черкас Сидора Острожского, который после боев под Тихвином, Холмогорами и разгрома под Олонцом вновь поступил на службу к Якову Делагарди, участвовал в боях под Бронницами⁸². Весной 1615 г. этот отряд черкас перешел на сторону Михаила Романова⁸³. 19 марта 1615 г. по отписке из Тихвина «выехало тех черкас с полковником Сидором и ротмистром 140 человек рядовых и 210 пахоликов»⁸⁴.

Источники не позволяют точно установить, где именно находился Андрей Федорович в феврале – начале марта 1615 г. и какова была его роль в переходе черкас Сидора Острожского на русскую службу. Даже царские гонцы с жалованием не могли найти его отряд. 2 февраля 1615 г. «с дмитровцем с Девятым Шишкиным к Ондрею Палицыну на лечбу и на зелье атаманам и казакам раненым, которые на государеве службе с ним с Андреем 100 р. послано». Этот посланец 10 апреля привез все деньги назад в Москву, «для того, что он Ондрея Палицына в походе не застал». Известно, что некий немчин Фандергорст был отправлен для толмачества с Андреем Палицыным под Тихвин⁸⁵.

О заслугах А.Ф. Палицына по привлечению казаков на службу Михаила Романова писал шведский военачальник Эверт Горн королю Густаву Адольфу 27 апреля 1615 г.: «Андрей Палицын был вместе с казаками, которых Борис Лыков привел в подчинение Великому Князю под Ярославлем и Вологдой. Он не пожелал идти к Смоленску, а соединившись со многими людьми из отряда, который здесь вокруг бродит и партизанит, отправился с ними»⁸⁶. В конце марта 1615 г. Андрей Федорович был уже в Москве.

Правительство Михаила Романова высоко оценило заслуги Андрея Палицына. Он оказался *единственным воеводой*, который получил *вторично* от царя достойную награду – шубу, причем через полгода после первой награды. Это событие произошло 25 марта 1615 г. Вместе с А.Ф. Палицыным награды (более дорогие шубы) получили

торопецкие воеводы «за Торопецкую службу» – Андрей Сицкий и Федор Елецкий⁸⁷.

Андрею Палицыну не сохранили звание стряпчего, данное ему Сигизмундом в 1610 г., но зато его внесли в список московских дворян⁸⁸. Это для городского дворянина стало значительным повышением. Из мелкопоместного новгородского помещика он превратился в московского дворянина с наивысшим окладом в 1000 четей и денежным жалованием из чети 130 руб.⁸⁹

В 1617 г. его назначили воеводой в Муром, где он сменил Данилу Андреевича Замыцкого. В августе 1617 г. к А.Ф. Палицыну в Муром приезжал боярин Б.М. Лыков с царским наказом о сборе ратных людей⁹⁰. На следующий год его сменил в Муроме новый воевода Иван Васильевич Волынский, а Андрею Федоровичу велено быть в Москве⁹¹. Однако уже 17 сентября 1618 г. он был отправлен из Москвы в Нижний Новгород в составе отряда Б.М. Лыкова для сбора ратных людей. Возможно, А.Ф. Палицын сыграл определенную роль в переходе мятежных казаков из Вязниковского лагеря (Ярополчская волость) на царскую службу под начало князя И.Б. Черкасского в Ярославль⁹².

Первые годы после Смуты и возвращения патриарха Филарета из польского плена, когда келарь Авраамий Палицын вынужден был уехать из Троицы в Соловецкий монастырь, о его племяннике Андрее Федоровиче источники ничего не сообщают. В Дворцовых разрядах Андрей Палицын упомянут вновь как дворянин московский только с декабря 1626 г. (келарь Авраамий к тому времени уже умер 13.9.1626 г.). С этого времени Андрей Федорович неоднократно приглашался к столу государя: 6.12.1626 г., 25.4.1627 г. (стол в Золотой палате), 28.7.1627 г. (стол в Новодевичьем монастыре) и т.д.⁹³

Позже, в 1629 г., А.Ф. Палицын был назначен вторым воеводой в Мангазею. Именно об этом периоде его службы сохранилось наибольшее число документов, которые использовал С.В. Бахрушин в своем очерке. Из Мангазеи Андрей Федорович прибыл в Москву в сентябре 1632 г. и представил в Приказ Казанского дворца чертеж реки Лена и «роспись землиц и людей... кочевых и сидячих», обитавших по берегам этой реки, которых можно было взять «под высокую государеву руку» и обложить ясаком. Сохранился доклад Андрея Федоровича, который был записан в Приказе Казанского дворца и включен в наказ стольнику П. Головину при отправке его на Лену⁹⁴. С.В. Бахрушин писал об этом докладе и его авторе: «...живой ум и незаурядные способности нашего героя проявлялись не только в его литературных произведениях, но и в административной работе, и что мысль его возвышалась до широких государственных начинаний и планов. Впечатлительный, талантливый, в достаточной мере образованный, он и в личные отношения и в свои писания, и в пору-

ченное ему дело управления вносил страстность своего темперамента, оригинальность мысли, широту понятий»⁹⁵.

В Москве его вначале посадили под домашний арест (из-за конфликтов в Мангазее с воеводой Григорием Кокоревым, приведших к человеческим жертвам с обеих сторон). Однако Андрей Федорович сумел быстро оправдаться, и уже в феврале 1633 г. он был допущен к «государьской руке», получал благословение у патриарха Филарета. В апреле того же года («на праздник на Светлое Воскресенье») он участвовал в качестве московского дворянина в почетном карауле во дворце. В июле 1634 г. во время отъезда царя в Николо-Угрешский монастырь Андрей Палицын оставался в Москве с окольничим М.М. Салтыковым (враг Салтыковых, Филарет, к этому времени уже умер)⁹⁶.

В 1639 г. А.Ф. Палицын был послан в Шую для производства следствия по действиям местного земского старосты и посадских людей⁹⁷. Он в это время находился в Ярославле, хотя и не был воеводой в этом городе. Палицыну указывалось в грамоте: «И как тебе ся наша грамота придет, и ты бы ехал в Шую и сыскивал в Шую...» В другой грамоте, отправленной Андрею Палицыну 25.8.1639 г. из Москвы уже в Шую, ему предписывалось «освободить из тюрьмы жен, которые сидят за своих мужей»⁹⁸. В следующем году он был назначен засечным воеводой: «У Щегловской засеки воевода князь Лев Шелеспанский..., и князь Лев умер, а на его место прислан из Тулы Андрей Федоров сын Палицын»⁹⁹.

В боярских книгах А.Ф. Палицын упомянут в числе дворян московских еще в 1640 г. По видимому, он умер в начале 1641 г., так как его сын в челобитной 1641 г. пишет о нем, как об умершем. Известно, что у Андрея Федоровича была жена Пелагея Богдановна и два сына – Федор и Василий.

Городовой дворянин Деревской пятины, слуга одного из Годуновых, тушинец, стряпчий Сигизмунда, партизан и казачий воевода, столичный дворянин и администратор времен царя Михаила, А.Ф. Палицын с его «польскими вкусами и наносным вольнодумством» являлся, по мнению С.В. Бахрушина, «типичным представителем особого слоя служилых людей переходного времени, того слоя, который использовал в своих целях результаты лихолетья»¹⁰⁰.

Хочется надеяться, что эта попытка воссоздания начального этапа биографии Андрея Федоровича Палицына, жившего на переломном этапе отечественной истории, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений о данном деятеле Смутного времени, заинтересует всех, для кого небезразлична история своей страны, возбудит интерес к событиям Смуты – периоду истории, на долгие годы определившему судьбу России.

Примечания

- 1 Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С.В. Научные труды: В 4 т. М., 1955. Т. 3. С. 176.
- 2 Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 176. Историк назвал эти отписки настоящими литературными произведениями, «необычными по форме, изысканными по языку и яркими по содержанию».
- 3 Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 16.
- 4 Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 177.
- 5 Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 436.
- 6 Отписка Федора Палицына. 1609. Март // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). Т. 2. (1598–1613). СПб., 1836. № 113. С. 256.
- 7 Отписка Ивана Озерецкого келарю старцу Авраамю. ... 1609. Апреля 13 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. (далее – Сб. Хилкова). № 29. С. 101.
- 8 Дело по челобитной Петра Лихарева и Ивана Негодяева о пожаловании им поместья Андрея Палицына. 1611, ноябрь // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 2: 217. Л. 1–8. Документы Стокгольмского архива предоставлены автору историком Адрианом Селиным.
- 9 Деревни А.Ф. Палицына находились в Лажинском и Сытинском погостах Деревской пятины, на восточном побережье Синецкого залива оз. Ильмень.
- 10 Именная роспись московским послам, отправленным к польскому королю Сигизмунду... 1610, сентября // Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 4 (1588–1632). СПб., 1851. № 182. С. 318–319.
- 11 Роспись по городам бояр и воевод и приказных людей / Акты Польского государства. № 29 // Акты времени междуцарствования (1610 – 17.7.1613) / Под ред. С.К. Богоявленского и И.С. Рябинина. М., 1915. С. 201.
- 12 Грамота Польского Короля Сигизмунда III о пожаловании Андрея Палицына чином стряпчего. 1610, ноября 17 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). Ч. 2. СПб., 1819. № 212. С. 464.
- 13 Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда ... на отчины и поместья ... // АЗР. Т. 4. С. 380. Сельцо Тисва было родным селом Андрея Палицына и принадлежало его брату Семену Палицыну.
- 14 Общее командование всем отрядом из 250 бойцов осуществлял не Андрей Палицын, а князь Василий Агишевич Тюменский (бывший тушинский воевода из рода князей Троекуровых). См.: Палицын А. Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой; Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 214.
- 15 Отписка Троицкого Сергиева монастыря архимандрита Дионисия, келаря Авраамия и соборных старцев воеводе князю Дмитрию Трубецкому... // Сб. Хилкова. № 43. С. 122. Издатели ошибочно датировали этот документ 1609 г., хотя в нем содержится обращение к Д.Т. Трубецкому, как одному из троеначальников, данный титул он мог иметь только с весны-лета 1611 г. Кроме того, Дионисий был назначен архимандритом Троицы только 10 февраля 1610 г.
- 16 ААЭ. Т. 2. № 202.
- 17 См.: Любомиров П.Г. О рукоприкладствах на «утвержденной грамоте» // Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 261.
- 18 Наказ от Земского совета боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому с товарищами... // Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стб. 1189.
- 19 Слова в кавычках взяты из первого издания труда С.В. Бахрушина (1924 г.). В новом издании (1955 г.) этой фразы нет. См.: Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын (Русский интеллигент XVII в.) // Века: Сб. Пг., 1924. С. 85.
- 20 См.: Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005; Селин А.А. Указ. соч.
- 21 Обыск подьячего Постника Кувшинова о поместье Андрея Федорова Палицына во Влажинском погосте Деревской пятины. 1611. 30.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1025–1029.
- 22 Обыск подьячего Постника Кувшинова о поместье Андрея Федорова Палицына в Сытинском погосте Деревской пятины. 1611. 3.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1030–1032.
- 23 Приговор об отделе поместья Андрея Палицына // RA, NOA. Serie 2:217. Л. 7–8.
- 24 Отдел подьячим Посником Кувшиновым Петру Лихареву и Ивану Негодяеву поместья Андрея Федорова Палицына во Влажинском погосте Деревской пятины. 1611. 30.11 // RA, NOA. Serie 1:75. С. 1041–1049. См. также: Дело по челобитью Ивана Негодяева о поместье. 1612, март // RA, NOA. Serie 2:112. Л. 13,16.
- 25 Дело об отписном хлебе по челобитью Семена Палицына и об отдаче поместья А. Палицына Петру Нармацкому, дек. 1611 – март 1612 // RA, NOA. Serie 2:111. Л. 28–37.
- 26 См.: Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 106.
- 27 Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В.И. Буганов, Л.Ф. Кузьмина; Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1974. С. 260–262; ДР. Т. 1. Стб. 107–109. См. также: Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 105; Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 304.
- 28 Приходно-расходные книги 7121–7127 гг. золотых и золоченых денег в Разряде // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 / Сост. С.Б. Веселовский // РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 759.
- 29 Приходно-расходные книги Владимирской чети 122 года // РИБ. Т. 28. Стб. 104.
- 30 Столбцы Галицкой и Владимирской четвертей 120–126 гг. // Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Сост. и предисл. Л.М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 271.

- ³¹ Приходно-расходная книга Разряда 123 года // РИБ. Т. 28. Стб. 295.
- ³² Приходно-расходные книги золотых... // РИБ. Т. 28. Стб. 763.
- ³³ Приходно-расходные книги Владимирской чети 122 года // РИБ. Т. 28. Стб. 104; См. также: Кормленая книга Владимирской четверти 7123 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 42–59.
- ³⁴ Кормленая книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 60–188
- ³⁵ Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 годов / Публ. А.Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. СПб., 1894.
- ³⁶ Челобинная Л. Еремеева боярам... 1613, сентября 14 // RA, NOA. Serie 2: 62. Л. 81, 97–99.
- ³⁷ Список с росписи выдельного и отписного хлеба Старорусского уезда... 1613, декабря после 14–1614, января после 1 // RA, NOA. Serie 1:99. С. 671–680.
- ³⁸ *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 288. См. также: *Форстен Г.В.* Россия и Швеция в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. II. С. 202.
- ³⁹ Лист воеводы кн. Д.Т. Трубецкого новгородским дворянам и всяким людям, извещающем о его походе на Новгород. Список. 1613, октября (?) // Riksarkivet, Stockholm. Militaria: 1287:13.
- ⁴⁰ Дело по челобитью о поместье Деревской пятины Никиты Поспелова сына Дирина. 1614, авг. – 1615, март // RA, NOA. Serie 2:152. Л. 2–13. См. также: Грамота в Старую Руссу воеводам... 1614, июля 3 // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 4; Челобитная Дружины и Степана Палицыных о пожаловании... // RA, NOA. Serie 2:289. Л. 27.
- ⁴¹ Дело о выделении государева хлеба ...1613. 11.07–16.09 // RA, NOA. Serie 2: 50. Л. 95 об.; См. также: Челобитная детей боярских... Б.д. // RA, NOA. Serie 2:221.
- ⁴² См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 290.
- ⁴³ Описание этой крепости см.: *Полянский М.И.* Иллюстрированный историко-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885.
- ⁴⁴ По-видимому, речь идет о шведском острожке в Петровском погосте восточнее Старой Руссы.
- ⁴⁵ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 288.
- ⁴⁶ См.: *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 178; *Форстен Г.В.* Россия и Швеция в Смутное время // ЖМНП. 1889. Вып. X. С. 198; Расспросные речи Никиты Калитина. Февраль, 1614 г. // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – НОЛД). Вып. 5. Новгород, 1911. № 9. С. 28–29; Предложение Эверга Горна ... о присяге шведскому королю // ДАИ. Т. 2, № 12. С. 30; *Фигаровский В.А.* О грамоте новгородского правительства в Москву 1615 г. // НИС. Л., 1937. Вып. II; См. также: *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 106, 116–117. Пленные и перебежчики сообщали шведам о численности отряда А. Палицына в 2000–2500 чел.
- ⁴⁷ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. Книга сеунчей и документы Разрядного приказа о походе Лисовского (далее – Книга сеунчей). М.; Варшава, 1995. С. 24–25.
- ⁴⁸ *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 290.
- ⁴⁹ Отписка воеводы Андрея Зерзиева Палицына о присылке к нему в острожек под Старую Руссу ратных людей // Акты Московского государства, изданные Академией Наук (далее – АМГ) / Под ред. Н.А. Попова. Т. 1. СПб., 1890. № 54. С. 87–88.
- ⁵⁰ Там же. С. 88.
- ⁵¹ Грамота Михаила Романова А. Палицыну. 5 марта 1614 г. (ответ на отписку 22 февраля) // РГАДА. Ф. 210 – Разрядный приказ. Московский стол. Оп. 17. № 8. Столпик 2. Л. 2–3. См. также: *Кобзарева Е.И.* Новгородская земля и шведы в период Смуты XVII в.: Дис.... д-ра ист. наук. М., 2006.
- ⁵² АМГ. Т. 1. № 54. С. 88.
- ⁵³ Приходно-расходная книга золотых денег... // РИБ. Т. 28. Стб. 765.
- ⁵⁴ Кормленая книга Галицкой Четверти ... // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 60–188.
- ⁵⁵ АМГ. Т. 1. № 54. С. 88.
- ⁵⁶ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 186–187.
- ⁵⁷ См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 310; *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 202; Отписка воеводы Андрея Зерзиева Палицына... Март, 1614 // АМГ. Т. 1, № 61. С. 98–99.
- ⁵⁸ Приходно-расходные книги золотых денег... // РИБ. Т. 28. Стб. 762.
- ⁵⁹ Юст Клодт, командир роты лейб-регимента Делагарди. См.: *Курбатов О.А.* Тихвинское осадное сидение. М., 2006. С. 14.
- ⁶⁰ Грамота Лоренца Вагнера Федору Левашеву об обмене пленными. 1614, марта после 27 // РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 1. Л. 51. См. также: *Селин А.А.* Указ. соч. С. 587.
- ⁶¹ АМГ. Т. 1. № 61. С. 98–99. В этом деле отличились казаки Савелий Иванов и Никифор Константинов, которые были отправлены сеунщиками в Москву вместе с наиболее ценными «языками» (писарь Томас и Манц Михайлов). Их сопровождали для охраны казаки станиц Якова Пешкова и Семена Долгова.
- ⁶² *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 178. Адриан Селин считает, что сведения Андрея Палицына о гибели брата были ложными: Семен Палицын, как и некоторые другие Палицыны, продолжал служить в Новгороде при правительстве Делагарди-Одоевского. См.: *Селин А.А.* Указ. соч. С. 200.
- ⁶³ Приходно-расходные книги золотых денег... // РИБ. Т. 28. Стб. 763–764: «Да с Москвы послано апреля в 14 день в Рамышевский острожек ратным людям, которые были с воеводой с Андреем Палицыным: Обезжим головам – 3 человекам... Дворянам и детям боярским разных городов, которые были в сотне, 30 человекам... Атаманам 12 человекам... Войсковым есаулам 8 человекам да станичным есаулам 11 человекам... Казакам разных станиц 1260 человекам... Всего послано ратным людям, которые были с Андреем Палицыным: 15 новгородок золотых, 49 московок золотых, 1260 новгородок золоченых».
- ⁶⁴ Приходно-расходные книги золотых денег... // РИБ. Т. 28. Стб. 763: «За Рамышевское осадное сиденье дано государево жалование золотых в Разряде:

- Воеводе Андрею Федорову сыну Палицыну золотой угорский. Голове сотенному Григорию Ресницыну золотой в четь золотого угорского. Были в сотне, Деревской пятине Семому да Микифору Веревкиным, Ржевы Володимировы Петру Обернибесову, старичанину Тимофею Муханову по московке золотой. Атаману Ларе Долгому в новгородки место 2 московки золотых».
- ⁶⁵ Приходно-расходные книги Владимирской чети 122 года // РИБ. Т. 28. Стб. 69, 104.
- ⁶⁶ Там же. Стб. 104: «Июля в 12 день... Деревской пятины Григорию Ондрееву сыну Рясницыну за Рамышевскую службу и за осадное сидение придачи 7 руб. дано. Деньги взял сам... Августа в 16 день... Деревской пятины Смирному Васильеву сыну Самарину... 3 руб. дано... Кондратию Иванову сыну Палицыну... придачи 5 руб. дано. Взял сам».
- ⁶⁷ Сыскная десятина о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Деревская пятина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. М., 2003. № 135. С. 259–265: «Дирин Богдан Давыдович. За Рамышево, за осадное сидение, как сидели в Рамышевском острожке от немец и за выход... Языков Григорий Васильевич... Вараксин Мелентий Тараев... Оклячиев Софон Васильевич... Ивков Сила Вешняков». Мелентий Вараксин и Сила Ивков в ходе этих боев попали к шведам в плен.
- ⁶⁸ С.В. Бахрушин отмечал, что «вероятно, в связи с отступлением Д.Т. Трубецкого из-под Бронниц должен был и Палицын покинуть свою позицию под Русой». См.: *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 178; См. также: *Форстен Г.В.* Указ. соч. Вып. X. С. 207; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 116–117; *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 338.
- ⁶⁹ Книга сеунчей... С. 29: «1.9.1614 г. За Рамышевскую службу и за осадное сидение дано государево жалование у стола Ондрею Палицыну шуба бархат бурской на соболех цена 54 рубли и 25 алтын, ковш серебрян, а в нем весу гривенка (два фунта) 26 золотников». См. также: Дело по челобитной Баима Болтина... // АМГ. Т. 1. № 512. С. 486. Известно, что такой награды за пять лет завершающего этапа Смуты (1613–1618) удостоились всего около 30 человек. Это было пятое награждение при Михаиле Федоровиче. Ранее такие награды получили воеводы Бутурлин за взятие крепости Белая, Туренин за оборону Торопца, Прозоровский и Вельяминов за «Тихвинское осадное сиденье», Львов и Секерин за рейд в Литву.
- ⁷⁰ Наказная память Я. Делгарди и кн. Н.И. Одоевского Л. Милославскому, подьячему И. Заденскому. 5 августа 1614 г. // ДАИ. Т. 2, № 19. С. 38–40.
- ⁷¹ См.: *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 119.
- ⁷² Приходно-расходные книги Владимирской чети 122 года // РИБ. Т. 28. Стб. 110: «Августа в 30 день... Того же дни... государева жалования Ондрею Палицыну для службы вперед на 123 год 130 руб. дано. Деньги взял сам»; См. также: Кормленная книга Владимирской четверти 7123 г. // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 42: «По 130 рублей. С Москвы Ондрей Палицын».
- ⁷³ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 178. Об этих событиях упомянули авторы Славянской энциклопедии, которым ничего не известно о Рамышевском периоде деятельности нашего героя. См.: Славянская энциклопедия. XVII век: В 2 т. Т. 2. Н–Я / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. С. 108.
- ⁷⁴ Приходно-расходная книга Разряда 123 года. Стб. 306.
- ⁷⁵ Книга сеунчей... С. 30; Приходно-расходная книга золотых денег // РИБ. Т. 28. Стб. 777: «Декабря 22 числа (1614 г.) приходил под Торопец полковник Самойло Корсак... и на вылазке побили, и знамя и литавры и языки поймали, ... и в Торопец приведено литовских людей 186 человек».
- ⁷⁶ Книга сеунчей... С. 31. Эту весть о победе привезли в Москву сеунщики «атаманы Федор Патрикеев и Оноха Марков и казаки разных станиц 11 человек».
- ⁷⁷ Приходно-расходная книга золотых денег // РИБ. Т. 28. Стб. 777: «Государь указал за ту службу послать с золотыми. В Торопец послано с жильцом Дружиной Спесивцевым да в полки под Торопец, которые были с Андреем Палицыным, атаманам 18 чел., по новгородке золотой, есаулам 15 чел. по московке золотой, казакам 367 чел. по новгородке золоченой... А Андреева де полку Палицына атаманы, есаулы и казаки государева жалования золотых не взяли».
- ⁷⁸ Там же. Стб. 778: «И воеводы князь Алексей Сицкий и Андрей Палицын приехали к Москве в января в 20 день воеводе Андрею Палицыну дан в Москве золотой угорский, а Алексей Юрьевич Сицкий в Разряд для золотого не присылывал».
- ⁷⁹ Приходно-расходные книги Нижегородской чети 123 года // РИБ. Т. 28. Стб. 255: «...по государеву указу атаманам, есаулам и казакам разных станиц, которые приехали с языки от Ондreja Палицына, 216 рублей сполна дано». Среди казаков А. Палицына, которые «Корсака побили и языки поймали и к Москве привели», был «Гришка Алексеев». См.: Челобитная десятника конных стрельцов... // Акты, относящиеся к истории Сибири (1625–1630) // РИБ. Т. 8. СПб., 1884. № 79. Стб. 659.
- ⁸⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 123.
- ⁸¹ *Кобзарева Е.И.* Указ. соч. С. 374.
- ⁸² Я. Делгарди писал королю, что к нему на службу пришло 500 польских казаков. См.: *Видекинд Ю.* Указ. соч. С. 319.
- ⁸³ О переходе черкас Сидора Острожского на русскую службу см.: *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 133–134.
- ⁸⁴ Вначале выехавшим черкасам было определено поденное жалование: полковнику Сидору – 5 алтын в день, ротмистру – 4 алтына, рядовым – по 2 алтына, пахоликам – по 1 алтыну. Всего в марте 1615 г. черкасам на 350 человек послали жалования в размере 104 руб. и 16 ал. О жаловании казакам Сидора Острожского и Халаима Иванова в апреле-мае 1615 г. см.: Приходно-расходная книга Разряда 123 года // РИБ. Т. 28. Стб. 335–336 (на 142 чел.); Стб. 342 (на 98 чел.).
- ⁸⁵ Приходно-расходная книга Разряда 123 года. Стб. 317, 369.
- ⁸⁶ Лист Эверта Горна Густаву Адольфу 27.4.1615 г. // Сб. НОЛД. № 17. С. 54.

- ⁸⁷ Книга сеунчей... С. 35–36: «25.3.1615 г. Дано боярину князю Андрею Юрьевичу Сицкому за Торопецкую службу государево жалование у стола шуба...цена 103 рубль... Князю Федору Елецкому шуба... цена 81 рубль... Андрею Палицыну у стола же – шуба камка бурская на кунцах цена 39 рублей 16 алтын 4 деньги, ковш серебряный, весу в нем 3 гривенки 7 золотников». Вместе с Андреем Палицыным за эти подвиги («за Осташковскую и Торопецкую службу») получил награду один из его сослуживцев еще по Рамышевскому сиденью, Григорий Васильевич Языков. См.: Сыская десятня ... Деревская пятнина. 2 мая 1619 г. // Народное движение... С. 259–265.
- ⁸⁸ Впервые упоминание о том, что Андрей Палицын «с Москвы» мы встречаем ещё в сентябре 1614 г. Также мы видим его в списке московских дворян в книге 124 года. См.: Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди с денежными оклады, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские 124 году // АМГ. Т. 1, № 108. С. 145.
- ⁸⁹ Челобитье Ф.А. Палицына о поверстании его из отцовых поместного и денежного окладов. 1646 // АМГ. Т. 2. № 271: «Отец служил 40 лет, посылан был на твои государевы службы многижда с твоими государевыми ратными людьми, с дворяны и детьми боярскими, и с атаманы и казаки воеводою против ваших государевых неприятелей, польских и литовских и немецких людей, и русских воров, и на многих боях с литовскими и немецкими людьми бивался и в осадах сживал, и на тех боях изранен и изувечен был многими увечными ранами ... И за те его многие службы и кровь государева жалования поместный оклад был отцу моему 1000 чети, денег из чети 130 рублей»; См. также: Кормленная книга Владимирской четверти 7123 г. // ЧОИДР. М., 1912. С. 42.
- ⁹⁰ ДР.Т. 1. Стб. 373–375.
- ⁹¹ Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР). Т. 1. (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 395, 529.
- ⁹² Дело по челобитной князя Алексея Львова о пожаловании его вотчинной дачею за Астраханскую службу. 1626 г. // АМГ. Т. 1, № 187. С. 204. См. также: *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 193–194.
- ⁹³ Записные книги Московского стола 1626–1627 гг. // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 436, 486, 507.
- ⁹⁴ Наказ стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев. 1638, августа 6 // РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 213. Стб. 960, 962: «А в прошлом во 141 году, приехав из Сибири к Москве, сказывал в Приказе Казанского Дворца про великую реку Лену Ондрей Палицын, что был в Сибири в Мангазее воевода...».
- ⁹⁵ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 193.
- ⁹⁶ ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 866; Записные книги Московского стола 1633–1634 гг. // РИБ. Т. 9. С. 566.
- ⁹⁷ Царские грамоты в Ярославль Андрею Палицыну об отправлении его в Шую ... 1639, августа 25 // Акты о разбоях, убийствах, грабежах, кражах и др. преступлениях, совершенных в Шуйском и Суздальском уездах. 1634–1642 гг. // РИБ. Т. 2. СПб., 1875. № 176. Стб. 725. В Ярославле в 1638–1640 гг. были воеводами Перфилий Секерин, а после него – Петр Хилков.
- ⁹⁸ РИБ. Т. 2, № 176. Стб. 742, 746.
- ⁹⁹ ДР. Т. 2. Стб. 639.
- ¹⁰⁰ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 197.

УДК 631:371:621.311

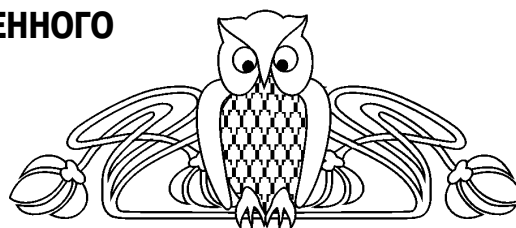
ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

С.А. Яковлев

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: ysa1944@yandex.ru

В статье на основе нормативных документов, архивных материалов, статистических данных и периодической печати, анализируется процесс электрификации сельского хозяйства страны и Поволжья во второй половине XX века. Прослеживается повышение уровня комплексной электромеханизации производственных процессов. Делается вывод о том, что в исследуемый период электротехническое переоснащение сельскохозяйственного производства шло достаточно интенсивно и способствовало в значительной мере ликвидации ручного труда.

Ключевые слова: электроэнергия, электрификация, трансформатор, подстанция, электропередача, электромотор.

Electrification of Agricultural Industry of the Volga Region in the Second Part of XX Century

S.A. Yakovlev

The article analyses, on the base of normative documents, archives files, statistics, periodical, the process of electrification of agriculture of the state and particular the Volga region in the second part of XX century. The work shows the increasing of the level of complex electromechanization of industrial processes. Electro-technical reequipping of agricultural industry developed rather intensively in the researching period and largely promoted the liquidation of manual labour.

Key words: electrical energy, electrification, transformer, substation, electro-transmission, electromotor.

Решение проблемы электротехнического переоснащения сельскохозяйственного производства в соответствии с требованиями научно-технического прогресса являлось одним из основных направлений в деятельности государства в XX веке.

Наиболее плодотворными в этом плане были 60–80-е годы. За это время был накоплен богатый опыт руководства сельским хозяйством. Именно в эти годы было положено начало разработке новых принципов экономической политики, обеспечивающих благоприятные условия для ускорения технического перевооружения сельскохозяйственного производства. Для более успешного решения этой задачи предпринимались усилия, направленные на развитие специализации и кооперирования предприятий сельскохозяйственного машиностроения, привлечение других отраслей для удовлетворения потребностей села, выделение средств и материальных ресурсов для реконструкции и расширения производственных мощностей ряда предприятий, производящих сельскохозяйственные машины и механизмы с использованием электроэнергии. К началу исследуемого периода значительно укрепилась электроэнергетическая база. Достаточно сказать, что только за 1961–1965 гг. потребление электроэнергии возросло с 9970 до 21000 млн киловатт-часов. Многие колхозы и совхозы были присоединены к государственным энергосистемам, ставшим основным источником снабжения их электроэнергией. Процент хозяйств, пользовавшихся электроэнергией, возрос с 84,5 в 1961 г. до 97 в 1965 г., в том числе потребивших ее на производственные цели – с 82,5 до 94,5%¹.

Были исправлены ошибки в планировании производства сельскохозяйственной техники, допущенные в первые годы семилетки, которые заключались в неоправданном сокращении объема производства ряда важнейших видов сельскохозяйственных машин и оборудования работающих с применением электроэнергии. Правительство приняло меры, направленные на ускорение перевооружения сельскохозяйственного производства на основе электрификации.

Особенно ярко это проявилось в марте 1965 г., когда был сформулирован новый подход к проблемам экономики в рамках социалистических представлений о сельскохозяйственном производстве. Было принято решение о присоединении колхозов к государственной энергосистеме, что позволило расширить использование дождевальных и поливных машин, универсальных погрузчиков и другой техники на стационарных работах в полеводстве, количество которой за последующие годы увеличилось в десятки раз. Достаточно сказать, что с 1965 по 1985 г. количество доильных агрегатов в хозяйствах Саратовской области выросло с 3270 до 7614 единиц².

При этом набор основных сельскохозяйственных машин в количественном отношении если не уменьшался, то рос очень медленно, производительность поставляемой техники возрастала незначительно. Регион из пятилетки в пятилетку недополучал необходимую технику, да и та зачастую имела конструктивные недостатки и низкую надежность. Тем не менее оснащение колхозов и совхозов основными электротехническими машинами позволило полностью механизировать наиболее важные и энергоемкие операции. К концу 8-й пятилетки стоимость валовой продукции, выработанной одним работником, возросла в Саратовской области на 61,9%, в Волгоградской – на 67, в Астраханской – на 38,7%³.

В годы, ограниченные хронологическими рамками нашего исследования, значительно расширилась номенклатура сельскохозяйственных электрических машин для производства зерновых, механизации овощеводства, мелиоративных, транспортных, погрузочно-разгрузочных и других работ. Уделялось большое внимание послеуборочной поточной обработке зерна на основе создания комплексно-механизированных зерноочистительных и зерносушильных пунктов. В течение 1966–1970 гг. в колхозах и совхозах Саратовской области оборудовались 585 зерноочистительных пунктов производительностью 18–40 т зерна каждый⁴.

Под руководством районных сельхозуправлений и при шефской помощи предприятий и организаций городов в сельском хозяйстве области велось строительство и внедрение механизированных зерноочистительных линий. Только за 1966 г. хозяйствами области было смонтировано 190 зерноочистительных пунктов, при плане 125. Успешно велось строительство их в Дергачевском районе, где в 1966 г. было смонтировано 17 пунктов, в Пугачевском – 15, Краснокутском – 13, Ершовском – 11. Ввод их в действие позволил сократить привлечение людей из города для послеуборочной обработки зерна. В период уборки урожая 1966 г. действующими зерноочистительными пунктами было очищено 1540 тыс. т зерна, при валовом сборе – 3974,3 тыс. т⁵.

Значительный экономический эффект от применения зерноочистительных пунктов был достигнут во многих хозяйствах области. Особенно это показательно для колхозов и совхозов Ершовского района, где в 1968 г. произошло сокращение стоимости обработки 1 т зерна на 85,3 коп., а затрат труда – на 0,53 человеко-дня, что дало району годовую экономию в сумме 216 тыс. руб. и высвободило около 1,5 тыс. человек⁶. Поточная технология и централизация управления всеми механизмами позволили резко снизить трудоемкость и стоимость послеуборочной обработки зерна. Если в 1965 г. экономическая эффективность, полученная от внедрения одного зерноочистительного пункта, составила 300 руб. и 780 человеко-часов, то в 1968 г. внедрение

одной зерноочистительной линии позволяло сэкономить 3300 руб. и 1500 человеко-часов⁷. При использовании подобных комплексов в колхозах производительность была в 8–10 раз выше, чем при раздельной эксплуатации машин⁸.

Вместе с тем новые линии зерноочистительных пунктов позволяли хозяйствам области сдавать государству хорошо очищенное зерно и получать надбавки в цене. Кроме того, сокращались объемы транспортных перевозок за счет исключения 3–5% зерноотходов, которые оставались в хозяйствах и использовались в животноводстве. Резко снижались простои транспортных средств при погрузочно-разгрузочных операциях, так как разгрузка стала выполняться автомобилеподъемниками, а погрузка – самотеком из бункеров. За пятилетку более чем в семь раз (с 92 в 1965 г. до 706 в 1970 г.) возросло количество зерноочистительных пунктов, что позволило уже в 1971 г. переработать на них 3840 тыс. т зерна⁹.

Постепенная замена ручного труда сначала на важнейших, а затем и на вспомогательных технологических процессах, на базе массового применения специализированных электрических машин обеспечили интенсивный переход к комплексной механизации производственных процессов во всех отраслях.

Роль и место электрификации в решении перспективных задач развития сельского хозяйства были отражены в Продовольственной программе СССР на период до 1990 г. и конкретизированы в Энергетической программе СССР, опубликованных весной 1984 г.¹⁰.

Здесь особое внимание обращалось на развитие энергетических мощностей сельского хозяйства за счет расширения объема применения электроэнергии в технологических процессах

различных областей сельскохозяйственного производства. Это явилось практическим осуществлением государственной идеи электрификации сельского хозяйства. В реализации этой идеи государство видело качественно новую ступень развития производительных сил российской деревни, которая давала возможность разработки более эффективных технологических процессов, совершенствования техники, организации и управления производством. Проводилась работа по электрификации всех отраслей сельского хозяйства. Электроэнергия использовалась для отопления помещений, инкубации яиц, местного обогрева молодняка, нагревания воды, запарки кормов, пропаривания посуды, промывки молокопроводов, поддержания температурного режима в овощефруктохранилищах, на стационарных работах в полеводстве и тем самым резко снизилось применение ручного труда, стало возможным полнее внедрять комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов.

Сельская электрификация получила значительное развитие уже к началу восьмой пятилетки: количество дворов колхозников и рабочих совхозов, пользовавшихся электроэнергией, достигло 77,5%. В стране энергетические мощности сельского хозяйства возросли с 155,9 млн л.с. в 1960 г. до 250,1 млн л.с. в 1966 г., доля электрических двигателей и электроустановок за этот период увеличилась в 2,5 раза¹¹. Несмотря на то, что в общей массе электрические двигатели и электроустановки в начале восьмой пятилетки составляли менее 9%, они прочно вошли во многие отрасли сельскохозяйственного производства. Динамику роста потребления сельским хозяйством электроэнергии можно проследить по табл. 1.

Таблица 1

Потребление электроэнергии сельским хозяйством СССР

Динамика потребления, кВт·ч	1965	1975	1985
Произведено электроэнергии всего, млрд кВт·час	506,7	1038,6	1544,1
Потреблено сельским хозяйством, млрд кВт·час	21,1	73,8	145,7
В %% к произведенной электроэнергии	4,1	7,1	9,4
Использовано на производство сельхозпродукции, млрд кВт·час	13,5	37,5	84,2
В %% к потребленной электроэнергии	64,1	50,8	57,8

Подсчитано автором. Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 403; Материально-техническое обеспечение народного хозяйства СССР. Стат. сб. М., 1988. С. 78; Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 136.

Как видим, за исследуемый период потребление электроэнергии сельским хозяйством страны возросло в 6,9 раза. Если в 1965 г. эта цифра достигала 21,1 млрд кВт·часов электроэнергии, то в 1985 г. – 145,7 млрд кВт·часов, что составляло соответственно 4,1 и 9,4% от всего его производства. За 20 лет, с 1965 по 1985 г. использование электроэнергии на производство сельскохозяйственной продукции возросло с 13,5 до 84,2 млрд кВт·часов.

В соответствии с общей направленностью на развитие сельской инфраструктуры возрос отпуск электроэнергии на коммунально-бытовые нужды сельского хозяйства. В 1970 г. он составил 11,2 млрд кВт·часов, в 1987 г. – 24,6 млрд кВт·часов¹².

В конце 1980-х гг. в стране были созданы реальные условия для широкого применения электроэнергии в самых разнообразных ее формах во всех сферах сельского хозяйства.

Если в 1965 г. число электродвигателей достигло 2073 тыс. штук, а их мощность составила 11505 тыс. кВт-часов, то в 1985 г. в колхозах и совхозах страны использовались 16 млн электродвигателей, 3,1 млн технологических установок общей мощностью 108 млн кВт. Электровооруженность труда выросла в этот период в 9,4 раза, с 381 до 3574 кВт-часов, а количество электродвигателей в среднем на одно хозяйство возросло с 43 до 317 штук¹³.

В 80-е гг. продолжались работы по повышению надежности электроснабжения отдельных потребителей и предприятий сельского хозяйства. Протяженность линий электропередач 100–35 кВт и 0,4–20 кВт в сельских районах превысила 4 млн км. Только в годы 11-й пятилетки было построено около 700 тыс. км линий электропередач сельскохозяйственного назначения, 760–770 тыс. км предусматривалось построить в 1986–1990 гг., кроме этого реконструировано около 53 тыс. км действующих устаревших линий. Развитие электрических сетей позволило полностью обеспечить все колхозы, совхозы и других сельскохозяйственных потребителей электроэнергией от государственных энергосистем. Количество подстанций достигло 870 тыс. единиц, а их общая мощность составила 260 млн кВт¹⁴.

Однако состояние сетей в сельских районах часто не обеспечивало надежное электроснабжение потребителей. Около 35% крупных животноводческих комплексов, птицефабрик и других сельскохозяйственных объектов не имели резервных источников электроснабжения. Происходило большое число аварийных отключений линий электропередач, в связи с чем сельское хозяйство несло большой материальный ущерб. Качество отпускаемой электроэнергии оставляло желать лучшего, так как отклонения напряжения в электросетях достигало 20% и более. Это снижало производительность машин и механизмов, сокращало сроки службы электроприборов.

Для исправления этих недостатков совершенствовались схемы электроснабжения, использовались прогрессивные инструкции при строительстве линий электропередач, осуществлялся переход на применение сталеалюминиевых проводов, железобетонных опор, увеличивались поставки закрытых трансформаторных электроподстанций, обеспечивающих автоматическое включение резервного электроснабжения. Укреплялась и ремонтно-эксплуатационная служба сельской электрификации, для чего расширялись поставки специальных линейных машин, передвижных ремонтных мастерских, электродиагностических и электроналадочных лабораторий.

Кроме того, для повышения надежности электроснабжения в 1986–1990 гг. вводились в эксплуатацию около 48 тыс. передвижных дизельных электростанций и электрогенераторов с

приводом от тракторов, единичной мощностью 30–100 и 500 кВт (в 1,5 раза больше, чем в предыдущую пятилетку)¹⁵. Эти меры позволили в 1990 г. обеспечить электропитанием все основные объекты. Перспективная же программа надежности обеспечения электроэнергией сельского хозяйства связана с переходом на подземные кабельные сети. Действительно, густая сеть воздушных линий электропередач не только отнимает полезные площади, мешает вести сельскохозяйственные работы, но и ненадежна в эксплуатации. Для выполнения намеченных мер только в 1981–1985 гг. было отпущено 3452 млн руб., что позволило поднять электровооруженность труда на одного работника с 3,6 до 4,9 тыс. кВт-часов, хотя это значительно меньше электровооруженности труда промышленного рабочего, которая составляла 129,7 тыс. кВт-часов¹⁶. Необходимость скорейшего сокращения подобного рода диспропорций очевидна, однако развитие электрических сетей и темпы прироста использования электроэнергии сельским хозяйством сдерживались невыполнением намеченных заданий. Так, среднегодовой прирост потребления электроэнергии в одиннадцатой пятилетке составил 5,2 млрд кВт-часов вместо 8,3 млрд кВт-часов по пятилетнему плану. Потребление электроэнергии сельским хозяйством в 1985 г. достигло лишь 147 млрд кВт-часов, тогда как по плану было предусмотрено 157 млрд кВт-часов¹⁷.

К началу восьмой пятилетки 12% колхозов не имели электроэнергии даже для освещения. Сельское хозяйство потребляло только 4% электроэнергии, вырабатываемой в стране, в том числе лишь 2% – на производственные нужды¹⁸. Разрабатывалась комплексная программа электрификации на основе перевода сельского хозяйства на централизованное снабжение электроэнергией путем подключения его к государственной энергосистеме, установления льготных тарифов на электроэнергию, улучшения технического обеспечения и подготовки квалифицированных кадров. Была поставлена задача не только увеличить производство универсальных двигателей, но и освоить выпуск различных автоматизированных машин, агрегатов, поточных линий для комплексной механизации животноводческих ферм, переработки зерна, для орошения и других сельскохозяйственных работ.

В постановлении Совета Министров СССР от 27 августа 1966 г. «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1966–1970 годах» предусматривалось к концу 1970 г. в основном электрифицировать дома колхозников и рабочих совхозов, довести удельный вес электроснабжения сельского хозяйства от государственных энергосистем в среднем по стране до 80–90%, построить в восьмой пятилетке 1400 тыс. км линий электропередач, предназначенных для электрификации колхозов, совхозов и других сельскохо-

зяйственных предприятий и организаций¹⁹. Выполняя это программное постановление, активизировали свою деятельность эксплуатационные, строительные, проектирующие организации. Например, в Поволжье координация деятельности энергетических предприятий по электрификации сельского хозяйства осуществлялась Поволжским отделом Сельэлектропроект, который разрабатывал и внедрял перспективные схемы развития, определял объемы строительства на пятилетку. Надо сказать, что запланированные объемы строительства далеко не всегда претворялись в жизнь по причине недостаточного финансирования, выделяемого Министерством энергетики и электрификации СССР.

Энергоснабжение потребителей осуществляли районные энергетические управления Саратовэнерго, Астраханьэнерго, Волгоградэнерго, Куйбышевэнерго, Пензаэнерго, Ульяновскэнерго, которые через предприятия и районные управления электрических сетей, эксплуатировавшие линии электропередач и трансформаторные подстанции, реализовывали электроэнергию сельским потребителям.

Эксплуатация сельских электроустановок осуществлялась объединениями «Сельхозэнерго», которые выполняли монтажные, пусконаладочные и контрольно-измерительные работы, модернизацию действующих электроустановок, их капитальный ремонт.

Кроме того, подразделения «Сельхозэнерго» руководили электротехнической службой колхозов и совхозов, оказывали им практическую помощь в электрификации и комплексной электромеханизации сельскохозяйственного производства, внедрении новой техники и автоматизации. Совместно со специалистами хозяйств работники «Сельхозэнерго» разрабатывали и осуществляли перспективные годовые и квартальные планы, вели контроль за использованием агрегатов и электроустановок. В обязанности объединений также входила подготовка, переподготовка и повышение квалификации инженерно-технического персонала и электромонтеров колхозов и совхозов.

В Куйбышевской области электрификацией села занимался Поволжский отдел комплексного проектирования Всесоюзного НИИ проектного института «Сельэлектро», который разработал план ускоренного развития электросетей и интенсификации сельскохозяйственного производства. Планом предусматривалось завершить электрификацию колхозов и совхозов от государственных сетей в 1968 г., а к 1971 г. обеспечить полное удовлетворение потребностей сельского хозяйства в электроэнергии.

Для этих целей только в годы 8-й пятилетки были сделаны капиталовложения в объеме 54,6 млн рублей. Сформированные передвижные колонны районных объединений «Сельхозтехника», «Волгоэлектросетьстрой»,

«Волгоэлектромонтаж» достаточно квалифицированно строили объекты сельской энергетики. К концу 1970 г. в Куйбышевской области было построено 3500 км высоковольтных, 3700 км низковольтных сетей, 14 районных и 1350 потребительских подстанций. Общая протяженность линий электропередач сельскохозяйственного назначения составила свыше 19 тыс. км, работало 73 районных и 2200 потребительских подстанций²⁰. В таком масштабном деле, особенно в первые годы, не обходилось без трудностей. Недостаток машин и механизмов приводил к уменьшению использования электроэнергии в производственных целях. Не хватало квалифицированных специалистов. Например, к концу восьмой пятилетки в Куйбышевской области из требовавшихся 365 инженеров и техников-электриков обслуживанием электрохозяйств колхозов и совхозов занимались лишь 44 специалиста²¹.

На территории Ульяновской области в тот же период было построено 5100 км линий электропередач мощностью 10 кВт, 7360 км низковольтных воздушных линий, 2360 потребительских трансформаторных подстанций. За пятилетку здесь была полностью завершена электрификация колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий²². В следующей пятилетке в указанных областях более чем вдвое было развернуто строительство новых линий электропередач, подстанций и других сооружений. Выполнение этих работ вместе с насыщением хозяйств электрическими приборами и механизмами привело к тому, что за десятилетие, с 1965 по 1975 г., потребление электроэнергии сельским хозяйством Ульяновской области возросло с 24 до 234,1 млн кВт, или в 2,5 раза, в Куйбышевской области – с 176,1 до 528,7 млн кВт, или в 3 раза. Мощность электродвигателей повысилась соответственно с 54,8 тыс. кВт до 333,5 тыс. кВт, или в 6,4 раза, и с 104,2 тыс. кВт до 503,5 тыс. кВт, или в 4,9 раза²³.

Характерной особенностью развития электрификации Поволжья явилось то, что основная масса производимой хозяйствами и получаемой электроэнергии от государственной энергосистемы шла на расширение электромеханизации производственных процессов. Если в 1965 г. в Ульяновской области на производственные цели использовались 53,2 млн кВт·часов, или 56,8% от всей потребленной электроэнергии, то в 1975 г. – 224,7 млн кВт·часов, или 95,9%. В Куйбышевской области – 116 млн кВт·часов, или 66,2%, и 465,1 млн кВт·часов, или 87,9%²⁴.

Осуществляя общую программу электрификации сельского хозяйства, строители и сельские энергетики Саратовской области добились того, что к 1965 г. в области не осталось хозяйств, не пользовавшихся электроэнергией. За период с 1963 г. отпуск электроэнергии сельскому хозяйству возрос в 1,6 раза²⁵. Большая

часть колхозов и совхозов продолжала получать электроэнергию от собственных дизельных электроустановок. Сельские электростанции продолжали монтироваться, для них завозилось оборудование. Только весной 1965 г. его было поставлено для 250 электростанций²⁶. Из 519 колхозов и совхозов области к государственной энергосистеме подключили лишь 159, а 365 хозяйств пользовались собственными мало-мощными дизельными электростанциями, где стоимость выработки 1 кВт·часа электроэнергии составляла 5 и более копеек, тогда как отпуск 1 кВт·часа от энергосистемы стоил 1 копейку²⁷. Большие масштабы и высокие темпы сельской электрификации требовали больших капиталовложений. Только по РСФСР за восьмилетку они составили 1723 млн рублей. В 1970 г. было вложено 341 млн руб., что на 26% больше капитальных вложений в электрификацию сельского хозяйства в 1965 г., когда они составили 270 млн рублей²⁸. В марте 1960 г. сессия Саратовского областного Совета депутатов трудящихся приняла решение электрифицировать сельское хозяйство на 80%, однако к 1965 г. фактическая электрификация составила лишь 36%²⁹. Во многом это объяснялось слабостью материально-технической базы строительномонтажных организаций «Сельхозэнерго». За 6 лет семилетки план капитальных вложений на электрификацию был выполнен на 63,3%³⁰. В Волгоградской области только на присоединение к государственной энергосистеме 174-х хозяйств осваивалось 70 млн рублей³¹. Выполнение поставленных задач целиком было связано с укреплением строительномонтажных эксплуатационных организаций квалифицированными кадрами и новой техникой.

В исследуемый период в Нижнем Поволжье развернули свою деятельность тресты: «Юговостокэлектросельстрой», управление «Саратовэнергострой», районные энергетические управления «Саратовэнерго», «Волгоградэнерго», Саратовское и Энгельское управления «Волгоэлектромонтаж», предприятие «Астраханские электрические сети», которые через свои механизированные колонны осуществляли электрификацию сельского хозяйства. Большую помощь при этом оказывали областные и районные управления сельского хозяйства и объединения «Сельхозтехника».

Опираясь на Постановление Совета Министров СССР от 27 августа 1966 года «Об электрификации сельского хозяйства СССР в 1966–1970 гг.»³², областные организации разрабатывали перспективные планы по электрификации сельскохозяйственного производства, особое место уделяя укреплению материально-технической базы строительных и эксплуатационных организаций. В ноябре 1966 г. райисполкомы, районные управления сельского хозяйства, районное управление

«Волгоградэнерго», тресты «Нижневожсксельэлектрострой», «Волгоградэлектрострой», разрабатывали мероприятия, обеспечивающие снабжение электроэнергией всех колхозов и совхозов к концу 1970 года. В этих целях планировалось довести удельный вес электроснабжения сельского хозяйства от государственных энергосистем в среднем до 90%³³. Для реализации этой задачи были выделены машины и оборудование для строительства в системе предприятий электросетей ремонтно-механизированных станций и производственных баз, необходимых для обслуживания всех сельских районных электросетей и подстанций³⁴.

Важное место в деле сельской электрификации занимала работа областных и районных объединений «Сельхозтехника», в функции которых входило обеспечение в колхозах и совхозах работ по установке и наладке электрифицированных машин, механизмов и аппаратов, по монтажу внутренних силовых и осветительных электропроводок в производственных помещениях, а также установке технологического оборудования, его технического обслуживания и ремонта.

Для более предметного руководства строительством и быстрее внедрения электроэнергии в сельскохозяйственное производство при областных и районных управлениях сельского хозяйства, объединениях «Сельхозтехника» создавались группы и отделы по электрификации сельскохозяйственного производства и контролю за работой электроустановок в хозяйствах. В Волгоградской и Саратовской областях они были созданы в начале пятилетки³⁵, а в Астраханской области – в конце пятилетки³⁶. Это позволило значительно ускорить темпы строительства подстанций и линий электропередач, быстрее вводить электрические мощности, увеличивать объем работ.

Централизованное электроснабжение колхозов и совхозов было надежным и экономически выгодным. Для этой цели была разработана генеральная схема электрификации Саратовской области на 1965–1970 годы.

Колхозы и совхозы разрабатывали свои мероприятия по дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства на 1966–1970 г., где большое внимание уделялось сельской электрификации. Планировалось построить линии электропередач, опорные и районные подстанции стоимостью 54,5 млн рублей³⁷. В Волгоградской области, проанализировав ход выполнения планов сельской электрификации, признали необходимым усилить централизацию электроснабжения, для чего намечалось в годы восьмой пятилетки ввести в действие 11730 км высоковольтных и 10000 км низковольтных линий, обеспечить строительство 87 опорных подстанций³⁸.

Ввод в действие 27 км высоковольтной линии

электропередач дал возможность 9 января 1966 г. подключить г. Хвалынский к государственной энергосистеме. При выполнении этих работ впервые были созданы специальные звенья, позволившие широко применить механизацию³⁹.

В районных управлениях разрабатывались мероприятия по строительству линий электропередач и трансформаторных подстанций. Особое внимание при этом уделялось дальнейшему ускорению темпов роста производительности труда, внедрению передового опыта, прогрессивной технологии, повышению качества строительства линий электропередач и подстанций⁴⁰. Благодаря проделанной работе «Саратовэнерго» перевыполнило план, приняв на баланс 2401,7 км линий электропередач, 298 трансформаторных подстанций, 340 населенных пунктов было подключено к энергосистеме⁴¹, построено 2,4 тыс. км высоковольтных линий, 91 трансформаторная и 5719 потребительских подстанций⁴². В целом за годы восьмой пятилетки протяженность высоковольтных линий электропередач в Саратовской области увеличилась с 2808 км в 1965 г. до 5098 км в 1970 г. Низковольтные линии увеличились соответственно с 12 до 29 тыс. км⁴³. За счет присоединения колхозов и совхозов к энергосистеме в 1970 г. выведено в резерв 208 электростанций. Однако следует отметить, что еще 39 хозяйств или 299 населенных пунктов в колхозах и совхозах получали электроэнергию от собственных электростанций⁴⁴. Если к 1965 г. из 2307 населенных пунктов области к государственной энергосистеме было подключено 943, то к 1970 г. – из 2214 – 1915 населенных пунктов, что составляло 86,4%. Причем в 1965 г. от сельских электростанций было получено 164,9 млн кВт·часов, а в 1970 г. – уже 98,6 млн кВт·часов⁴⁵. За десятилетие этот процесс энергетиками области был полностью завершен. В 1975 г. они подключили к государственной энергосистеме последние шесть населенных пунктов. Тогда практически все сельские электростанции были выведены в резерв и работали лишь в аварийных ситуациях, выработав 4,5 млн кВт·часов электроэнергии⁴⁶.

В Волгоградской области за 1966–1970 гг. было присоединено к энергосистеме 120 колхозов и 87 совхозов, что составляло 90 и 87% от общего количества хозяйств. Это привело к увеличению потребления электроэнергии в 2,2 раза. Кроме этого усилиями энергетиков было введено в действие 9005 км высоковольтных линий, построено 44 опорных подстанций⁴⁷. Необходимо отметить, что в Волгоградской области в годы восьмой пятилетки широко практиковалась шефская помощь колхозам и совхозам со стороны промышленных предприятий города и области. Только за 1970 г. промышленные предприятия построили 370 км линий электропередач, 85 потребительских подстанций⁴⁸. Практически к концу пятилетки все хозяйства области были электр

трифицированы. К 1975 г., т.е. за десятилетие, собственные электростанции колхозов и совхозов сократили производство электроэнергии со 154,4 млн кВт·часов до 20,5 млн кВт·часов. Этот процесс полностью компенсировался присоединением хозяйств к государственной энергосистеме, за счет чего в 1965 г. сельским хозяйством области было получено 91,9 млн кВт·часов, а в 1975 г. – 529,7 млн кВт·часов. За эти годы постепенно возрастал расход электроэнергии на производственные нужды. Из потребленных в начале восьмой пятилетки 229,1 млн кВт·часов в производстве были использованы 158,0 млн кВт·часов, а к концу девятой – из 536,2 млн кВт·часов уже 480,9 млн кВт·часов. Количество и мощность электродвигателей при этом возросли соответственно с 30,5 тыс. штук и 145,5 тыс. кВт до 141,2 тыс. штук и 701,4 тыс. кВт. Заметно выросла электровооруженность. В 1965 г. на одного работника сельского хозяйства приходилось 1034 кВт·часов, а в 1975 г. – 2573 · часов⁴⁹.

Несколько по-иному развивалась электрификация в Астраханской области, где наряду с централизацией электрообеспечения проводилась большая работа по электрификации отдаленных чабанских поселков путем установки малогабаритных электростанций. Этот вопрос находился под постоянным контролем областного предприятия «Астраханские энергетические сети», которые вместе с областным объединением «Сельхозтехника» выступили с инициативой по электрификации отдаленных животноводческих ферм. В апреле 1967 г. было завезено и реализовано по районам области 1200 штук бензоэлектрических агрегатов, из которых смонтировано 448 штук. Это дало возможность к 7 декабря 1967 г. дополнительно электрифицировать 750 чабанских точек и производственных участков. Работы по электрификации животноводческих точек и производственных участков проводились специально созданными бригадами районных объединений (отделений) «Сельхозтехника», силами колхозов и совхозов и промышленно-транспортными предприятиями районов⁵⁰. Постоянное внимание к быстрейшему осуществлению сельской электрификации дало ощутимые сдвиги и в централизации электроснабжения. Так, в марте 1969 г. отмечалось, что с 1966 по 1968 г. включительно протяженность линий электропередач увеличилась в сельской местности с 3692 км в 1965 г. до 6295 км в 1968 г., или в 1,7 раза. 1 января 1969 г. присоединилось к государственной энергосистеме 80 колхозов и совхозов Астраханской области, что составило почти 90% от общего количества хозяйств⁵¹. За десятилетие потребление электроэнергии увеличилось с 55,8 млн кВт·часов в 1965 г. до 291,5 млн кВт·часов – в 1975 г., или в 5,2 раза⁵². Энергетика Поволжья за годы, ограниченные хронологическими рамками исследования, нарастающая темпы, стала одной из быстро развивающихся отраслей народного хозяйства (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели электрификации колхозов и совхозов Пензенской и Саратовской областей (на конец года)⁵⁴

Показатель	Пензенская обл.			Саратовская обл.		
	1965	1975	1985	1965	1975	1985
Потребление электроэнергии, кВт·час	112,4	378,8	628,5	249,0	644,8	997,1
В т.ч. на нужды производства	75,3	346,0	586,5	152,0	585,6	8791,1
Число электродвигателей, тыс. шт	12,3	72,1	132,7	25,7	110,0	197,3
Мощность электродвигателей, тыс. кВт	71,5	377,3	751,4	127,4	574,4	973,9
Число электрифицированных дворов в % к общему количеству	87	99,81	100	79	99,9	100
Электроустановки в % к энерг. мощностям с/х	5,3	17,6	22,8	9,5	19,2	39,7

Табл. сост. автором по данным статистических сборников: Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет Советской власти: Стат. сб. Саратов, 1967. С. 240; Народное хозяйство Саратовской области: Стат. сб. Саратов, 1972. С. 117; Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет: Стат. сб. Саратов, 1977. С. 14–15; Основные показатели развития колхозов, совхозов и межхозяйственных организаций Саратовской области. Ч. 2. Саратов, 1986. С. 34; Народное хозяйство Саратовской области: Крат. стат. сб. Саратов, 1987. С. 12–13; Пензенская область в цифрах и фактах. Саратов, 1987. С. 24–26.

Из приведенных данных видно, что общее потребление электроэнергии сельским хозяйством Саратовской области за двадцать лет возросло в 4 раза, в Пензенской области в – 5,6 раза, а использование ее на производственные нужды соответственно в 5,8 и в 7,8 раза. Значительный рост потребления электроэнергии целиком и полностью зависит от оснащения хозяйств электродвигателями и увеличения их мощности. В рамках исследуемого периода в Саратовской области количество электродвигателей возросло в 7,6 раза, Пензенской – в 10,7 раза, а их мощность соответственно в 7,6 и 10,5 раза. Вместе с тем отчетливо виден процесс наращивания доли электроустановок в общем объеме энергетических мощностей. В рассматриваемых областях, как и в целом в Поволжье, это выглядит так: в Саратовской области в 1985 г. эта доля составляла 39,7%, что в 4 раза больше, чем в 1965 г., в Пензенской области – 22,8%, или в 4,3 раза больше.

Показательным в этом отношении является развитие электрификации в отдельных хозяйствах. Так, в совхозе «Самойловский» Самойловского района, одном из самых энергонасыщенных хозяйств Саратовской области, в 1967 г. имелось 12 электростанций, в животноводстве работало 25 электродвигателей, из использованных за год 815 кВт·часов электроэнергии 597 было получено от энергосистемы. В 1970 г. в хозяйстве осталось 4 электростанции и 68 электромоторов. Совхоз увеличил потребление электроэнергии до 1055 кВт·часов, причем вся энергия поступала от государственной энергосистемы⁵³. К концу же исследуемого периода электрохозяйство среднего совхоза Саратовской области состояло из 13 трансформаторных подстанций, 230 электродвигателей, 15 электронагревательных установок и другого электрооборудования⁵⁴. Однако темпы электри-

фикации в Саратовской и Пензенской областях, по некоторым показателям, отставали от общих показателей по стране, где за эти годы потребление электроэнергии сельским хозяйством возросло в 6,9 раза⁵⁵. Тем не менее к концу 11-й пятилетки в Поволжье практически не осталось ни одной отрасли сельского хозяйства, где бы не работали механизмы на электротяге. Они широко использовались в механизации животноводства, обработке сельскохозяйственной продукции, орошении, теплично-парниковых хозяйствах, ремонте сельскохозяйственных машин и т.д.

В связи с ростом потребления электроэнергии на производственные нужды, дальнейшей электрификацией ферм и полеводства, строительства новых бытовок и производственных объектов, постоянно наращивались мощности потребительских подстанций. Средняя мощность одной подстанции за годы восьмой пятилетки в Саратовской области возросла в 1,5 раза⁵⁶. В 1970 г. в колхозах и совхозах насчитывалось 2022 подстанции⁵⁷. Среди других показателей, характеризующих усиленное проникновение электроэнергии во все сферы жизни села, можно назвать расширенное применение понижающих и повышающих трансформаторов, используемых как в производственных процессах, так и для бытовых нужд. Например, в Саратовской области в 1965 г. их насчитывалось 1139 единиц мощностью 59031 кВт·А, в 1975 г. их количество увеличилось до 1372 и 151814 кВт·А, а в 1985 г. соответственно до 2207 и 377275 кВт·А⁵⁸. Также динамично шло наращивание электровооруженности в Куйбышевской и Ульяновской областях. Энергетические мощности сельского хозяйства Куйбышевской области к началу 1975 г. достигли 3916 тыс. лошадиных сил. Из них мощности электродвигателей и электроустановок – 833 тыс. л.с., или 21,2%. К началу 11-й пяти-

летки в Куйбышевской и Ульяновской областях энергетические мощности сельского хозяйства составили соответственно 5772 и 4139 тыс. л.с., а энерговооруженность одного работника достигла 38 и 33 лошадиных сил⁵⁹.

Таким образом, в годы исследуемого периода как в целом по стране, так и в Поволжье, был сделан крупный шаг в электротехническом перевооружении сельского хозяйства на основе внедрения новых, более современных машин и механизмов, что явилось одним из главных направлений аграрных преобразований в 60–80-е гг. XX века.

Примечания

- 1 См.: Народное хозяйство СССР в 1965 г.: Стат. ежегодник. М., 1966. С. 393.
- 2 См.: Народное хозяйство Саратовской области за 50 лет. Саратов, 1967, С. 244; Народное хозяйство Саратовской области за 60 лет. Саратов, 1977, С. 36; Народное хозяйство Саратовской области. Саратов, 1987. С. 25.
- 3 Подсчитано автором по данным статистических сборников: Народное хозяйство Саратовской области. Саратов, 1972. С. 127; Народное хозяйство Волгоградской области в 1971–1975 гг. Волгоград, 1976. С. 47; Народное хозяйство Астраханской области. Астрахань, 1971. С. 93.
- 4 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 5. Д. 27. Л. 80.
- 5 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1390. Л. 88.
- 6 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 5. Д. 149. Л. 88.
- 7 ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 2092. Л. 85; Д. 1384. Л. 99.
- 8 См.: *Островский В.Б.* Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977, С. 59–60.
- 9 ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 2971. Л. 25.
- 10 См.: Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского пленума 1982 г. М., 1982; Основные положения энергетической программы СССР на длительную перспективу. М., 1984.
- 11 См.: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 373.
- 12 См.: Промышленность в СССР. М., 1988. С. 136.
- 13 См.: Интенсивное развитие агропромышленного комплекса. М., 1987. С. 48; *Капустян И.К., Хаценков Г.Ф.* Аграрная политика КПСС: ускорение научно-технического прогресса. М., 1987. С. 77; Энергетика СССР в 1986–1990 гг. М., 1987. С. 66.
- 14 Там же. С. 245–246.
- 15 Там же. С. 247.
- 16 Там же. С. 26, 254.
- 17 См.: *Капустян И.К., Хаценков Г.Ф.* Указ. соч. С. 81.
- 18 См.: *Брежнев Л.И.* Вопросы аграрной политики КПСС и освоение целинных земель Казахстана: Речи и доклады. М., 1974. С. 116.
- 19 См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974 гг.) М., 1975. С. 56.
- 20 См.: Волжская коммуна. 1970. 14 нояб.
- 21 См.: *Малиновский П.* Колхоз, техника, труд. Куйбышев, 1972. С. 32.
- 22 См.: Ульяновская правда. 1971. 28 янв.
- 23 См.: Народное хозяйство Ульяновской области за 1966–1970 гг.: Стат. сб. Ульяновск, 1976. С. 73; Край Ильича в девятой пятилетке: Стат. сб. Ульяновск, 1976. С. 11, 12; Народное хозяйство Куйбышевской области за 1971–1975 гг.: Стат. сб. Куйбышев, 1976. С. 26.
- 24 Там же. С. 13, 28, 174.
- 25 См.: Сельскохозяйственное производство Поволжья. 1966. № 12. С. 2.
- 26 См.: Коммунист. 1965. 10 марта.
- 27 См.: Текущий архив районного энергетического управления (РЭУ) «Саратовэнерго». Данные годовых отчетов за 1965–1970 гг.; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству. (1965–1974 гг.). М., 1975, С. 42–43.
- 28 См.: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977. С. 202.
- 29 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 5. Д. 27. Л. 6.
- 30 См.: Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 219.
- 31 См.: Волгоградская правда. 1966. 27 февраля.
- 32 См.: Решения партии и правительства по сельскому хозяйству. 1965–1974 гг. М., 1975. С. 155–159.
- 33 Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 113. Оп. 71. Д. 158. Л. 125.
- 34 Там же. Л. 130.
- 35 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 71. Д. 158. Л. 131; ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 1301. Л. 42.
- 36 Центр хранения современной документации Астраханской области (далее – ЦХСДАО). Ф. 325. Оп. 599. Д. 78-а. Л. 49–50.
- 37 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 5. Д. 16. Л. 50.
- 38 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 71. Д. 158. Л. 130, 132.
- 39 См.: Коммунист. 1966. 20 янв.
- 40 ГАНИСО. Ф. 4258. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.
- 41 ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 2980. Л. 145.
- 42 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 5. Д. 119. Л. 20.
- 43 Текущий архив РЭУ «Саратовэнерго». Данные годовых отчетов за 1965–1970 гг.
- 44 ГАСО. Ф. 2163. Оп. 4. Д. 2980. Л. 144.
- 45 См.: Народное хозяйство Саратовской области: Стат. сб. Саратов, 1972. С. 117.
- 46 Текущий архив РЭУ «Саратовэнерго». Данные годовых отчетов за 1965–1970 гг.
- 47 ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 71. Д. 237. Л. 31, 98.
- 48 Там же. Ф. 113. Оп. 82. Д. 11. Л. 77.
- 49 См.: Народное хозяйство Волгоградской области за 1971–1975 гг.: Стат. сб. Волгоград, 1976. С. 48.
- 50 ЦХСДАО. Ф. 325. Оп. 59. Д. 76. Л. 3.
- 51 Там же. Ф. 325. Оп. 59. Д. 78-а. Л. 48; Технический прогресс в народном хозяйстве Астраханской области: Стат. сб. Астрахань, 1973. С. 63–64.
- 52 См.: Народное хозяйство Астраханской области в девятой пятилетке: Стат. сб. Волгоград, 1976. С. 22.

- ⁵³ Текущий архив Облсельхозуправления. Данные годовых отчетов совхоза «Самойловский» Самойловского района Саратовской области за 1965–1970 гг.
- ⁵⁴ См.: Ерошенко Г.П., Любайкин С.Н. Современное электрохозяйство. Степные просторы. 1983. № 11. С. 42.
- ⁵⁵ См.: Народное хозяйство СССР в 1965 г.: Стат. ежегодник. М., 1966. С. 401; Народное хозяйство СССР в 1988 г.: Стат. ежегодник. М., 1989. С. 305.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 463. Оп. 4. Д. 2980. Л. 96.
- ⁵⁷ Текущий архив РЭУ «Саратовэнерго». Данные годовых отчетов за 1965–1970 гг.
- ⁵⁸ Подсчитано автором по данным годовых отчетов колхозов и совхозов Саратовской области за 1965–1975 гг.; Основные показатели развития колхозов, совхозов и межхозяйственных предприятий Саратовской области за 1985 г.: Стат. сб. Ч. 2. Саратов, 1986. С. 34.
- ⁵⁹ См.: Народное хозяйство Куйбышевской области за 1971–1975 гг.: Стат. сб. Куйбышев, 1976. С. 24; Подсчитано автором по данным годовых отчетов колхозов и совхозов за 1980 г. Куйбышевской и Ульяновской областей.

УДК 94(470.44) |1953/1985|

ЧЕЛОВЕК И РЕФОРМЫ В СССР В 1953–1985 ГОДЫ (по материалам Саратовской области)

А.А. Гуменюк

Саратовский государственный университет,
кафедра историографии и региональной истории
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В работе анализируются реалии повседневной жизни саратовцев и жителей области в годы хрущевских и брежневских реформ. Статья основана на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, статистических сборников и интервью.

Ключевые слова: реформа, обыватель, магазин, доходы, девиантность, дефицит, спекулянт, товары, продукты, самообслуживание, демография.

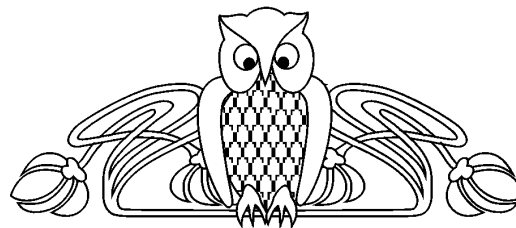
**Person and Reforms in the USSR in 1953–1985
(by Date of the Saratov Region)**

A.A. Gumenyuk

In article the daily life of the Saratov's citizens in period of Khrushchev's and Brezhnev's reforms was analyzed. Materials on the data of the archives, periodical press, collections and an interview were prepared.

Key words: reform, average citizen, shop, incomes, behaviour deviation, deficit, speculator, goods, products, self-service, demography.

В ходе «антропологического поворота» конца 1960-х – начала 1970-х гг. многие проблемы экономики, политики, идеологии в мировой историографии стали восприниматься через призму повседневного личного опыта обычного человека. Тем самым было положено начало нового научного направления – истории повседневности. Странники этого направления стремятся найти отличные от традиционной исторической науки подходы в решении глобальных проблем мира, социального развития. Используя их, попытаемся взглянуть на процесс реформирования советского общества середины 1950-х – середины 1960-х гг. с

позиций обывателя, проанализировать изменения в одежде, питании, демографических процессах, то есть тех обыденных явлений, на которые и нацелена история повседневности. Данное исследование в совокупности с уже имеющимися работами по изучению макроуровня (социально-экономического развития) будет способствовать формированию целостной и объективной картины бытия советского общества в рассматриваемый период.

В российскую историографию понятие повседневности вошло в начале 1990-х гг. и пионерами его употребления стали специалисты по всеобщей истории¹. Однако некоторые подходы к ее изучению были определены еще 30–40 лет назад², а то и более³ (многие из дореволюционных работ были переизданы только в конце прошлого столетия). Современные отечественные специалисты их модернизировали, в результате свет увидел целый ряд новых работ⁴. Отдельные стороны современной повседневности исследуются социологами повседневности⁵. В самом начале XXI в. из-под пера публицистов стали появляться популярные очерки под названием «Повседневная жизнь...»⁶, где шла речь о египтянах, английских и французских средневековых рыцарях, о папском дворе, о русских реалиях. В них повседневность понималась как нечто типичное для жизни определенной группы людей (внешняя обстановка, быт, личностные типы). Это давало возможность увидеть различия в типах повседневности, в том числе повседневность исключительного и исключительных (богатых, склонных к риску, эпатажу, приключениям, преступности). Таким образом, отечественная повседневность как дореволюционными, так и отечественными специалистами и публицистами, изучалась фрагментарно.

Целостно исследовать повседневность стала Н.Б. Лебина. В своих трудах она представила ее понимание как объединяющего и нормального и исключительного, попыталась показать, как происходит «нормализация» необычного, замещение нормальных поведенческих практик аномальными практиками повседневности⁷. Получив, таким образом, новый импульс для своего развития, специалисты по истории повседневности разродились еще целым рядом новых публикаций, причем среди авторов появились и зарубежные специалисты⁸. В начале настоящего столетия вышли в свет и методологические работы⁹. Однако в описании прошлого советских обывателей имеются явные лакуны. Учеными изучается преимущественно ситуация в столицах и близлежащих регионах, провинции еще только стали объектом исследования. В определенной степени существующие пробелы восполняются, в частности, саратовскими исследователями¹⁰. В то же время более близкие к современности периоды истории еще остаются недостаточно изученными в историко-антропологическом контексте, в частности, период первых и вторых реформ советской системы (1953–1985 гг.). Нами эти две эпохи в отдельности уже изучались¹¹, однако целостной картины повседневной истории этих лет создано не было. Этим и продиктована необходимость настоящего исследования.

Начало 1950-х гг. в Саратовской области, как и в стране в целом, было отмечено крайне низким уровнем жизни населения, в особенности сельского. Основным источником доходов для колхозного крестьянства области являлось личное подсобное хозяйство. Крестьяне могли себе позволить купить лишь незначительное количество сахара, чая, кондитерских изделий и рыбы. Из одежды и обуви колхозники могли приобрести самое необходимое и дешевое. Какую-либо мебель и предметы домашнего обихода крестьянские семьи приобрести практически не могли¹². В городах ситуация была не намного лучше. Это видно из анализа демографической ситуации в городском социуме области. Так, в одном только областном центре число абортів явно переваливало над числом всех родов. Например, в 1950 г. аборты превышали роды на 130,5%, а в 1953 г. – на 129,9%¹³. Положение усугублялось острым недостатком продуктов питания и товаров народного потребления¹⁴. Из воспоминаний тогдашних жителей областного центра явствовало, что в продуктовых магазинах продавались макаронные изделия, терновый джем, кильки в томате. Не всегда в продаже, даже в Саратове, бывали колбасные изделия, рыба, мясные полуфабрикаты и другие продукты¹⁵. Редко можно было купить пальто, костюмы нужного размера, детские швейные изделия, практически отсутствовали в продаже мужское белье, обувь, шапки, перчатки и другие товары. В хозяйственных магазинах настоящим дефици-

том была столовая посуда, умывальники, щетки, стекло, керосиновые лампы, фонари и т.д.¹⁶

Подобная картина не могла не внушать беспокойства новому руководству страны, которым был взят курс на социальную переориентацию народного хозяйства на основе более гармоничного развития сельского хозяйства и отраслей группы «Б». Снижение сельхозналога и увеличение в несколько раз закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию оживило развитие отрасли. Колхозники начали получать пенсии, им стали выдавать паспорта, были введены оплачиваемые отпуска, пособия по временной нетрудоспособности, переход на гарантированную оплату труда привел к удвоению к середине 1960-х гг. их денежных доходов. В городах была повышена зарплата низкооплачиваемым категориям рабочих. К августу 1962 г. среднемесячная заработная плата выросла на 14%, а по сравнению с 1940 г. – более чем в два раза. Увеличились стипендии, суммы премий, командировочных и других видов оплаты труда. Были пересмотрены размеры пенсий по старости и инвалидности, был установлен пенсионный возраст – 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин, введены пенсии для колхозников, улучшено пенсионное обеспечение инвалидов в колхозах. Уже в 1957 г. жители области стали получать пенсии почти в два раза больше, чем в 1955 году. К началу 1958 г. населению региона было выплачено в виде пенсий и пособий свыше 1 млрд 454 млн руб.¹⁷ В целом расходы на социальное обеспечение в области выросли по сравнению с 1953 г. на 150%¹⁸.

Государство стало больше заботы проявлять и об инвалидах войны и труда. Кроме пенсий городские отделы социального обеспечения выплачивали им единовременные пособия для лечения, выдавались бесплатные путевки в здравницы Крыма и Кавказа. В Красноармейском районе области действовал Сосновский дом инвалидов, обслуживавший 300 человек¹⁹. В апреле 1959 г. в Саратове началось строительство еще одного дома для престарелых и инвалидов, в июле 1960 г. был возведен на улице Мясницкой трехэтажный дом для членов Всероссийского общества слепых²⁰. В январе 1964 г. в Октябрьском поселке Саратова был открыт дом престарелых и инвалидов на 311 коек. Однако вплоть до 1965 г. в области ощущалась острая нехватка помещений для домов инвалидов (в том числе и детей) и престарелых²¹.

Расширялась торговая сеть области, появились первые специализированные магазины по продаже различной гастрономии, головных уборов и меховых изделий, тканей, обуви, телевизоров и радиоприемников, книг, подарков и даже ювелирных изделий. Так, в Саратове были открыты такие современные магазины, как «Женская обувь», детских товаров «Звездочка» и «Сказка», «Синтетика», «Часы», «Эфир»²². Осенью 1963 г. в торговом городке «Торгового центра» в Саратове открылись специализированные магазины

одежды, предметов хозяйственного и домашнего обихода, культтоваров. Ежедневно здесь бывало свыше 10 тыс. покупателей. Их привлекало не только обилие товаров, но и новые приемы продажи и обслуживания: показы новинок сезона, просмотрные сеансы, рекламные плакаты, панно, рисунки, помогавшие выбрать нужный товар. В ряде магазинов облцентра имелись даже рентгеновские аппараты, в частности, в детском отделе саратовского универмага. Это существенно помогало покупателям правильно подобрать детскую обувь нужного размера. С весны 1958 г. в областном центре появились «механические продавцы» – автоматы по продаже бутербродов, пирожных, тортов, фруктовых соков, безалкогольных напитков. Помимо этого в городе было смонтировано 108 автоматов газированных вод²³. Они располагались на проспекте Кирова, на улице Радищева и других улицах и были очень популярны среди горожан.

Открывались новые предприятия группы «Б» (жировой комбинат, Елшанская птицефабрика, Саратовский завод эмалированных изделий и др.), на уже существующих модернизировались технологические процессы. Все это наряду с изменениями ценовой политики, повышением заработной платы, пенсий, других выплат способствовало повышению уровня жизни населения, росту его благосостояния. В 1962 г. по сравнению с 1953 г. доходы рабочих выросли на 20%, у колхозников – в 2,4 раза²⁴. Это дало людям возможность больше средств тратить на приобретение мебели, швейных машин, мотоциклов, строительных материалов, столовой и чайной посуды, предметов санитарии, хлопчатобумажных тканей, одежды и обуви. Большинство жителей деревень и сел стало носить платья современного покроя, что нивелировало отличия сельских и городских жителей области. Горожане также стали больше приобретать красивую одежду из добротной ткани, шерсти, шелка. Во дворцах культуры проходили лекции о современной моде, в газетах и журналах публиковались статьи на темы: «О вкусах», «Об умении одеваться», «Поговорим о вкусах». В них содержались советы как недорого, красиво и модно одеться. Со страниц печати такие же советы давали известные деятели культуры и науки²⁵. Руководствуясь законами моды, торговые предприятия стремились выпускать одежду преимущественно для молодых: узкие, короткие, с короткими рукавами или без них платья; узконогие и на высоком шилообразном каблуке ботинки и туфли. Людям старшего или пожилого возраста приобрести более скромную обувь или одежду было трудно или почти невозможно. Те, кто не умел шить сам, обращались к частным портнихам. Те же, кто умел шить и имел у себя дома швейные машинки («Зингер», «Подольская», «Белка»), шили себе одежду сами из кримплена, креп-жоржета, мая (легкий ситец), штапеля (отрезок этой ткани считался лучшим подарком на

свадьбу). С 1955 г. модными считались прибалтийские (из Риги) короткие резиновые сапожки (с рисунком или без), беретки из сукна, брюки клеш шириной 32 см, вельветки, фуражки с плетенками и с полосками, маленькие шапочки «менингитки». Предназначенные для теплого времени года, эти шапочки носили и зимой. Подобная мода вполне могла спровоцировать менингит. Отсюда они и получили это красноречивое название²⁶.

К концу 1950-х гг. по сравнению с довоенным уровнем в 2–6 раз возросло потребление населением области молока, растительных и животных жиров, яиц, мяса, рыбы, сахара, кондитерских товаров. Фрукты и картофель население могло не только покупать, но и выращивать самостоятельно на огородах, земля для которых была выделена им властями в 7 сельских районах области еще в октябре 1953 г.²⁷ Пища стала более калорийной, у рабочих приблизившись, а у колхозников превысив физиологическую норму. Произошли улучшения и в демографическом развитии. В начале 1960-х гг. уровень брачности в городах Саратовской области (14,9 %) был одним из самых высоких в РФ²⁸.

Вместе с тем в начале 1960-х гг. наметились тенденции к снижению уровня жизни населения Саратовской области. Спешка и элементы показухи, свойственные многим начинаниям Хрущева, проявились и в сфере обеспечения населения товарами. Предприятия группы «Б» не справлялись с обеспечением растущих потребностей граждан в товарах массового спроса, занимая лишь 5% общего объема промышленного производства области. К 1962 г. был сокращен или вообще снят с производства ряд товаров, необходимых в быту. В результате уже в 1963 г. население Саратова недополучило товаров на 6,7 млн рублей²⁹. Частично нехватка товаров восполнялась за счет завоза из других областей. Однако ассортимент продаваемой продукции был по-прежнему не велик из-за того, что товарные фонды распределялись без учета потребности населения. Так, например, в мае 1962 г. в магазинах Энгельса можно было купить демисезонное пальто любых размеров, но только не IV и V ростов 48-го размера. К тому же имеющиеся пальто были только одного фасона³⁰. Летом того же года в магазинах Саратова нельзя было приобрести хлопчатобумажных изделий для дошкольников. В мае 1964 г. горожане негодовали по поводу отсутствия в продаже облегченной негрубой детской обуви³¹. Зато в торгующих организациях скапливалось большое количество не пользующихся спросом товаров. Так, например, на Балашовском лесоторговом складе скопилось неходовых товаров на 320 тыс. руб., Балаковский торг имел их на 191 тыс. руб.³² Несмотря на отсутствие спроса, мебельный и мебельно-обрабатывающий комбинаты Саратова продолжали выпускать, в частности, диваны-кровати, шкафы для платья и белья, которые к тому же были низкого качества. Саратовчанка писала: «Я купила диван производства Саратов-

ского мебельного комбината. Продукция оказалась некачественной. На предприятии мне трижды (!) меняли диван на новый, и все время картина повторялась: пружины проседали. Наконец, мне чистосердечно признались: «У нас нет хорошей пружины, поэтому и выпускаем заведомый брак». Спрашивается зачем это делается?»³³. Житель г. Балаково жаловался на то, что «купленные нами шкафы ... только испортили нам настроение: в них очень много дефектов»³⁴. Имели место хищения, растраты, нарушения правил торговли. Только в Вольске за 1963 г. было уволено 20 работников горторга³⁵.

Нехватка транспортных средств приводила к перебоям в снабжении целинников хлебом, сахаром, солью, крупой, макаронами, растительным маслом, керосином и другими продуктами. Если они и поступали, то до простых рабочих не «доходили», а продавались работниками магазинов «своим людям». В июне 1954 г. в некоторых «целинных» районах области были зафиксированы случаи голода. Все это заставляло целинников уезжать из вновь созданных совхозов. Например, из Подлесновского района из-за неустроенности выехало 18 семей (из 45 прибывших в порядке переселения)³⁶. С осени 1962 г. перебои в торговле хлебом стали отмечаться и в Саратове. Начальник Саратовского городского управления торговли и управляющий Саратовского треста хлебопечения это объясняли переходом хлебозаводов на новый ассортимент выпуска продукции. Также они отмечали, что дезорганизация в торговле произошла по вине «отдельных лиц» и «хапуг», которые закупали хлеб в 2–3 раза больше потребностей семьи для его «скармливания скоту и птице и разбазаривания»³⁷. Для выправления ситуации власти прибегли к нормированной раздаче хлеба. В одни руки нельзя было продавать более 2,5 кг хлебных изделий. В столовых на человека выдавалось всего два куска хлеба. Качество этих изделий было плохим (по вкусу напоминали «мякину»), поскольку вместо пшеничной и ржаной муки в хлеб добавляли ячменную муку, традиционно используемую для корма скоту. Назывался такой хлеб «забайкальским».

Эксперименты хрущевских реформ в области сельского хозяйства все больше и больше заходили в тупик. Купить хорошие продукты становилось все труднее. В 1964 г. сократилась продажа мяса и птицы, колбасных изделий, сыра, масла животного, сахара. Серьезные перебои наблюдались в торговле овощами, в частности, теплично-парниковыми и ранними огурцами в Саратове, Петровске, Красноармейске, Ртищеве и других городах. Отсутствовали в продаже макароны, сухофрукты³⁸. Имевшиеся же в продаже товары были не всегда качественными, «магазины без продавцов», появление которых населением ассоциировалось с реформаторскими начинаниями в сфере питания, имелись только в Саратовском, Перелюбском и Вольском районах.

Сеть специализированных магазинов по торговле товарами сложного ассортимента была узкой: из 87 магазинов в 1961–1963 гг. фактически было открыто только 18. В Саратове так и не было открыто ни одного фирменного магазина³⁹. Обычные продовольственные магазины тоже «прятались» от покупателей⁴⁰, на что жаловались не только горожане, но и сельчане. Рабочий одного из совхозов Марковского района в начале 1960-х гг. писал в областную газету: «... уже второй месяц на двери магазина ... нашего совхоза висит большой замок. И хлеборобы в горячую пору уборки урожая вынуждены ходить за необходимыми товарами за семь километров – на центральную усадьбу»⁴¹. Медленно они строились также в Балакове, Энгельсе, Вольске. В магазинах, расположенных на окраинах областного центра, нередко были просевшие стены, развалившиеся печи, разбитые окна, помещения не отапливались, не было водопровода, телефонов. В таких условиях продукты быстро портились. Если сельские жители могли восполнить нехватку товаров и продуктов на рынках или от ЛПХ, то горожане доставали их у частных лиц. В 1962 г. в адрес областной газеты «Коммунист» поступило письмо такого содержания: «Из-за отсутствия в центре Саратова специализированного магазина по продаже оконного стекла ... жители вынуждены обращаться к частнику и платить втридорога за вырезку нужного размера»⁴².

Однако государство всячески стремилось ограничить частнособственнические инстинкты населения, что выражалось в сокращении размеров приусадебных хозяйств в области, уменьшении поголовья скота в нем. Только поголовье коров по сравнению с довоенным уровнем сократилось на 23%. Падение уровня жизни наблюдалось не только в саратовских деревнях, но и в городах области. Очень показательны высказывания некоторых жителей Саратова: «Зарабатывать не дают, а цены повышают, не знаю, как теперь буду жить, заработной платы не хватает для обеспечения семьи»; «Много говорят о коммунизме, но слова расходятся с делом»⁴³. Мероприятия властей по снижению цен, выдаче кредитов и предоставлению рассрочек платежа оказались малоэффективными. В этих условиях население пыталось найти решение проблем неустроенности жизни в употреблении алкоголя. Спиртные напитки играли роль своеобразного компенсатора прорех в социальной организации, позволяли преодолеть (или создать видимость преодоления) трудносполнимого разрыва между словом и делом. Потребление спиртных напитков не уменьшалось вопреки различным решениям властей. Так, в декабре 1958 г. постановлением «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле спиртными напитками» были закрыты разного рода распивочные, торговля алкоголем разрешалась только с 10 часов утра, предпринимались даже попытки ограничить продажу алкоголя –

100 г водки на человека. Злостные самогонщики указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 января 1960 г. карались исправительными работами от трех месяцев до одного года, а в мае 1961 г. наказание было увеличено до трех лет. Однако это не мешало людям активнее гнать самогон, народ стал чаще выпивать на улицах⁴⁴. Так, за первую половину 1963 г. только на двух предприятиях Саратова («Серп и Молот» и завод газовой аппаратуры) за нарушение общественного порядка было привлечено и доставлено в вытрезвитель 137 человек.

Возрождавшееся пьянство стало основой роста девиантного поведения. Рост уголовной преступности наблюдался в Балаково, Аткарске, в Саратове факты хулиганства и пьянства отмечались в сквере около кинотеатра «Маяк», на набережной Космонавтов. Население в адресуемых в редакцию газет письмах негодовало по поводу слабой борьбы «с отдельными хулиганствующими элементами»⁴⁵. В этих условиях весьма востребованными оказались исследования кафедры судебной медицины Саратовского медицинского института по проблемам судебно-медицинской экспертизы алкогольного опьянения и идентификации личности, на «разоблачении преступников» специализировалась и Саратовская научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы (НИЛСЭ)⁴⁶. В борьбе с нарушениями общественного порядка органам милиции помощь оказывалась общественностью. Если в 1960 г. в Саратове насчитывалось 150 народных дружин, где числилось более 9 тыс. человек, то к 1964 г. их число выросло до 262 с охватом почти 36 тыс. человек⁴⁷. И хотя, например, в 1963 г. по сравнению с 1962 г. количество нарушений общественного порядка в регионе сократилось более чем на 30%⁴⁸, мероприятия дружинников по наведению порядка в городах натолкнулись на ожесточенную встречную агрессию криминальных элементов. Вскоре накопилось немало случаев избития и даже убийств добровольных блюстителей порядка, поэтому 15 февраля 1962 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальное постановление «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»⁴⁹. Негативные тенденции в социальном развитии области напрямую сказались и на естественном движении населения. Рождаемость в 1960 г. по сравнению с довоенным 1940 г. снизилась на 16 промилле. В 1962 г. по сравнению с 1961 г. число родившихся (без мертворожденных) уменьшилось на 4,4%, а число умерших увеличилось на 1308 человек (51% женщин и 49% мужчин). Только за 1960–1963 гг. в области было зафиксировано 260 разводов лишь в первые два года жизни супругов⁵⁰.

Уровень жизни населения стал повышаться лишь с началом в 1965 г. реформ А.Н. Косыгина, в ходе которых обозначился рост валовых показателей пищевой и легкой промышленности.

Самый большой объем выпуска товаров народного потребления был достигнут в 1966–1970 гг., когда в Саратовской области было построено и реконструировано 85 предприятий группы «Б». Производство товаров народного потребления продолжало развиваться и в 1976–1980 гг., что привело к быстрой наполняемости созданных на предприятиях фондов социально-культурного и бытового обслуживания. Именно за счет этих источников только в декабре 1973 г. минимальная заработная плата промышленных рабочих Поволжья выросла до 70 руб., а у работников непродуцированной сферы – на 18%. Важное социальное значение имело введение с 1967 г. 5-дневной рабочей недели с двумя выходными⁵¹. Повышение закупочных цен на основные зерновые культуры позволило увеличить размер среднемесячной зарплаты колхозников. К 1968 г. он был повышен на 33%, в 1974 г. среднемесячный заработок вырос еще на 23%, а к 1980 г. – на 18%⁵². Продолжалось совершенствование системы пенсионного обеспечения и других форм социальных выплат. В 1983 г. только жители Саратова из бюджетов местных Советов ежегодно получали более 100 млн рублей всех видов пенсий и пособий⁵³. Оказывалась и материальная помощь инвалидам войны и труда, персональным пенсионерам. В частности, облсобесом только за 1964–1967 гг. было выдано 1165 автомобилей «Запорожец», а в 1967 г. – свыше 400 мотоциклов, большое количество велоколясок⁵⁴.

Дальнейший рост торговой сети делал доступным населению большее количество товаров и продуктов. Продолжали внедряться прогрессивные формы обслуживания населения, одной из которых было самообслуживание. Эта новая форма торговли повышала культуру обслуживания покупателей, способствовала увеличению товарооборота (на тех же торговых площадях, но при меньшем количестве работающих). Например, в магазине № 35, располагавшемся на проспекте 50 лет Октября в районе остановки «Стрелка», с переходом на самообслуживание реализация товаров возросла в 2,5 раза при одновременном сокращении его штата на 22 единицы. А в магазине женской обуви на проспекте Ленина с переходом на новый метод обслуживания не только сократилось число продавцов (с 18 до 12), но и выросла на 50% свободная площадь торгового зала (за счет размещения стеллажей). Приходя в этот магазин, покупатели стали экономнее расходовать свое время: на виду у них был весь товар, и не надо было ждать, пока продавец освободится и займется с ними. В целом за период с 1966 по 1971 г. в Саратове было открыто 164 таких магазина, а к 1975 г. их число выросло еще в 2,4 раза, а количество проданных в них товаров – в 4 раза. К 1980 г. в 37 районах области по этому методу работали уже 2169 магазинов (из 3483)⁵⁵. Помимо этого с начала 1970-х гг. стал практиковаться другой передовой метод торговли промышленными и

продовольственными товарами – так называемые плавающие магазины, специализирующиеся на обслуживании речников. Они были закуплены в 1971 г. в ГДР. Например, к концу июля 1975 г. только два таких магазина с начала навигации обслужили команды 2400 судов⁵⁶.

Об эффективности принятых мер можно судить по росту доходов населения области. За 10 лет (с 1967 по 1976 г.) они выросли в 1,8 раза⁵⁷. Люди стали более калорийно питаться. В 1974 г. в сравнении с 1970 г. населением было приобретено мяса и птицы на 29% больше, яиц – на 57, животного масла – на 18, колбасных изделий – на 25%⁵⁸. В рационе питания горожан значительно повысился процент овощей. Магазины стали торговать круглый год картофелем, морковью, луком, а осенью на любом углу можно было купить сколько кто пожелает огурцов, помидоров по государственному ценам. Например, килограмм помидор стоил 14 копеек⁵⁹. Одна из саратовских пенсионерок в письме на имя председателя Саратовского обкома КПСС Гусева писала в 1983 г.: «У нас в Саратове есть все: и продукты питания, и предметы промышленного производства. Особенно в нашем Заводском районе. Именно есть все: масло, молоко, яйца, мясо, свежие фрукты и овощи. И чтобы хорошо одеться, – тоже есть абсолютно все»⁶⁰. Саратовцы также считали, что город значительно лучше снабжался продуктами питания, чем многие другие города⁶¹.

Население стало больше приобретать одежды, обуви, товаров культурно-бытового назначения, в том числе стиральных машин, телевизоров, легковых автомобилей, холодильников⁶². Позитивную окраску приобрели демографические процессы, особенно в городах, где велось масштабное промышленное строительство. Так, в Балашове только с 1966 по 1969 г. население увеличилось на 10 тыс. человек⁶³. В Балаково, который считался городом химиков, с 1970 по 1974 г. горожан стало больше на 20 тыс., создавались новые семьи (только за восемь месяцев 1972 г. городской ЗАГС зарегистрировал около 700 пар), уровень рождаемости был довольно высоким. В целом по области к 1970 г. число лиц, состоящих в браке, выросло по сравнению с 1959 г. на 24,7%⁶⁴.

Несколько уменьшились проявления девиантности в поведении людей. Только за девять месяцев 1974 г. в области уровень преступности снизился в 26-ти районах. Значительно сократился процент убийств, тяжких телесных повреждений, нанесенных лицами в нетрезвом состоянии. Например, в Базарно-Карабулакском районе только за 2,5 месяца 1975 г. было совершено десять таких преступлений, а за аналогичный период 1976 г. лишь пять. Некоторое снижение преступлений в этот период наблюдалось и в Заводском районе Саратова. Единичными стали случаи изготовления спиртных напитков домашним способом, сократилось потребление крепких спиртных напитков. Снизилось число прогулов. Например,

в промышленности потери рабочего времени с 1970 по 1974 г. сократились на 38%⁶⁵. В определенной степени это было и результатом мер правительства, нацеленных на борьбу с пьянством и алкоголизмом⁶⁶. Однако реализация этих мер не искоренила проявления девиантности в поведении людей, а скорее – наоборот. Уже буквально через два месяца после начала антиалкогольной кампании (16 мая 1972 г.) на страницах областной газеты «Коммунист» стали появляться публикации о борьбе с так называемыми самогонщиками, о задержании хулиганов и нарушителей общественного порядка, население в своих наказах властям требовало упорядочить торговлю вино-водочными изделиями⁶⁷. Традиционными местами их приобретения и употребления были винные магазины и пивные. Некоторые из них, видимо особенно полюбившиеся саратовцами, получили от них особые «народные» названия⁶⁸. Только в 1973 г. число лиц, подобранных около этих и им подобных мест на улицах городов области в состоянии сильного опьянения выросло по сравнению с 1972 г. на 9,5%⁶⁹. Для борьбы с этим недугом «развитого социализма» создавались опорные пункты охраны общественного порядка. Так, в 1974 г. в Саратовской области действовало 327 таких пунктов. В помощь милиции при различных предприятиях и учреждениях, как и прежде, организовывались добровольные народные дружины. К весне 1977 г. только в Саратове насчитывалось 225 таких дружин численностью 40 тыс. человек, а в Энгельсе в начале 1980-х гг. насчитывалось 11 тыс. народных дружинников⁷⁰. Активность и численность народных дружин объяснялись существенными стимулами – отгулами за дежурство. Те же, кто имел в год не менее 12 дежурств, получали 3-дневный оплачиваемый отпуск. Действенным способом борьбы с пьянством считалось и очередное повышение цен на крепкие напитки: на водку – на 30–35%, а коньяк подорожал в два раза, на что народ сразу же откликнулся очередной частушкой⁷¹.

Девиантность поведения проявлялась и в увеличении числа прогулов. Только в первой половине 1979 г. их совершили около 17 тыс. промышленных рабочих⁷². В этих условиях многие предприятия обращались за помощью к горожанам и студентам, особенно в дни «пик», но это не всегда спасало⁷³. В 1983 г., по подсчетам Саратовского городского Совета народных депутатов, из-за потерь рабочего времени городом было недополучено продукции на 21 млн рублей⁷⁴. Значительно возросло число правонарушений. В частности, в Балашовском районе за восемь месяцев 1976 г. по сравнению с тем же периодом 1975 г. число преступных проявлений в общественных местах выросло на 9,6%, в том числе на улицах – на 5,7%⁷⁵. Увеличивалось количество преступлений, совершенных лицами в состоянии опьянения. В конце 1970-х гг. уже каждое второе преступление совершалось людьми в нетрезвом

виде⁷⁶. Вот характерный пример. В санаторий «Пады» Балашовского района, летом 1979 г. «во-рвалась пьяная орава на мотоцикле с коляской. На бешеной скорости принялись гоняться за отдыхающими. Люди вскакивали на скамейки, прятались за деревья, падали. Такие случаи не единичны»⁷⁷. В 1980 г. работники милиции на страницах прессы отмечали: «... нет резона обольщаться ... правонарушений – особенно в быту, в общественных местах – все еще немало»⁷⁸, хотя в области к этому времени периодически проводились недели усиленной борьбы с правонарушениями⁷⁹. В свою очередь, это не могло не сказаться на демографической ситуации. Ежегодно свыше 500 родителей лишались народными судами прав на воспитание детей. Снизился естественный прирост. Если в 1960 г. в целом по области он равнялся 12,6 промилле, то в 1980 г. – лишь 3,1 промилле⁸⁰.

Следовательно, уровень жизни населения Саратовской области к 1985 г. был весьма далек от постоянно муссируемого официальной советской пропагандой роста благосостояния советских людей. Так, за 1971 г. среднемесячная зарплата одного рабочего области выросла на 5%. Во второй половине 1970-х гг. в среднем за год рост денежных доходов составлял уже 4,8%, а в 1982 г. – всего 4%⁸¹. Это было результатом постепенного снижения эффекта от экономических преобразований А. Косыгина и роста затрат на военно-промышленный комплекс. Уже в первой половине 1970-х гг. уменьшился процент освоения новых видов товаров народного потребления, снизилось качество выпускаемых изделий, сузился их ассортимент. Власти пытались переломить эту негативную тенденцию путем передачи в арбитражный суд дел о нарушении сроков поставки и низком качестве изделий. Например, только в 1974 г. государственным арбитражем Саратовского облисполкома было рассмотрено 2548 подобных дел и взыскано 4275 тысяч рублей штрафов⁸². Однако ставка исключительно на административные рычаги при решении этой проблемы не оправдывала себя. Действительно, к 1976 г. 22 предприятия союзно-республиканского значения не сумели выполнить задания пятилетнего плана по производству товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения⁸³. Среди «не справившихся» числились перчаточная фабрика, объединение «Саратовмебель», энгельские мебельщики. Поставки некачественного сырья, эксплуатация устаревшего оборудования (износ станков составлял 70%), нехватка опытных кадров (даже на командных участках) – все это являлось причинами того, что работа велась «вслепую, куда кривая выведет», поэтому население неоднократно выражало недовольство узким ассортиментом и качеством продукции этих объединений.

Прогрессивные формы торговли так и не стали доступны всем жителям области, включая и областной центр. В Балаковском, Вольском,

Петровском, Хвалынском, Аткарском, Марковском районах отсутствовали специализированные магазины по продаже одежды и обуви⁸⁴. План товарооборота систематически не выполнялся. Например, в первой половине 1969 г. торговые организации недодали населению товаров на сумму более 5 млн рублей. Поэтому в сравнении с первым полугодием 1968 г. объемы продажи хлопчатобумажных тканей уменьшились на 10%, шелковых тканей – на 12, сельди – на 5, колбасных изделий – на 2, яиц – на 8, мяса и птицы – на 26%⁸⁵. Постепенно население стало испытывать значительные трудности в приобретении тех из этих продуктов, которые были богаты белками животного происхождения. Ниже существующих норм было потребление хлебопродуктов, люди жаловались на недопеченность хлеба, его быстрое очерствение, загрязненность булок, попадание в тесто инородных предметов, на пустые прилавки по выходным⁸⁶. Картофель завозился из других областей и республик. Чтобы его купить саратовцам в августе 1983 г. нужно было выстоять в очереди 1 час 15 минут⁸⁷. Потребление мяса на душу населения в целом по области с 1976 по 1981 г. снизилось на 5 кг. С 1970-х гг. стали ощущаться перебои в торговле сахаром, солью, спичками, макаронными, кондитерскими, кулинарными изделиями, свежей рыбой и рыбными консервами, животными жирами, растительным маслом, мороженым, особенно в сельской местности. Многие из этого являлись предметами хищений с различных предприятий области: табачной фабрики, Саратовского хлебокомбината и других. Так, за 1974 г. только за мелкие хищения были задержаны 30% саратовцев⁸⁸.

Люди испытывали трудности даже в приобретении кваса, пива, лимонада и других прохладительных напитков, спрос на которые в летние месяцы был особенно высоким. Так, в 1972 г. из 16 изотермических емкостей, установленных в магазинах Саратова для продажи пива, функционировало лишь четыре. Для утоления жажды многие горожане предлагали установить на улицах питьевые фонтанчики⁸⁹. В июле 1981 г. горожане сетовали: «Прошли мы довольно большое расстояние от речного вокзала до центра, но так и не встретили ни одной торговой точки с квасом или с лимонадом»⁹⁰.

Заявления местного руководства о снятии к 1983 г. дефицитности по 150 наименованиям товаров и сокращении завоза из других областей 64 видов товаров народного потребления не смогли ликвидировать трудности в приобретении населением головных уборов, обуви, одежды, особенно детской. Так, в мае 1984 г. саратовчанка жаловалась в областную газету: «Не могу купить дочке летние туфли, куда подевались шляпы, сарафаны»⁹¹. Отечественная обувь раскупалась плохо из-за низкого качества, хотя она была дешевле импортной в два раза⁹². Ощущался дефицит изделий из дерева (обеденных и журнальных

столов, книжных полок, шкафов), других товаров хозяйственного назначения (хлебницы, тостеры, лопаты, крышки для домашнего консервирования, оправы для очков). Поскольку Саратовский завод эмалированных изделий выпускал преимущественно крупногабаритные изделия, саратовцы не могли в течение нескольких лет приобрести кастрюли малой емкости, чайники, тарелки, бидончики и т.п.⁹³ Без учета спроса населения работала и саратовская фабрика игрушек. Предприятию было выгодно производить неходовую одну куклу за восемь рублей, а не четыре более востребованные людьми за два рубля⁹⁴. Горожанам сложно было приобрести товары по сезону. Местная пресса писала: «... нельзя было купить летнюю шляпу, обувь, зато были в продаже зимние куртки, шерстяные спортивные костюмы, трико, даже меховые шапки. Наступила зима и эти, столь необходимые сейчас товары, исчезли с прилавков»⁹⁵. Уже в 1976 г. очереди за женскими зимними пальто в отдельные дни превышали 200 человек⁹⁶. Редко в продаже бывали вещи больших размеров. В разряд дефицитных товаров попали также продукция парфюмерных фабрик Риги, Ленинграда, Москвы (духи, одеколоны, пудра, краска для бровей, помада морковного цвета), женские и детские колготки, чулки, мужские сорочки, детские комбинезоны, ползунки, блузки, платья, костюмы, плащи из ткани «болонья» и «морокея», шапки-ушанки и многое другое⁹⁷. И хотя местное руководство периодически снижало цены на многие из вышеперечисленных товаров (например, с сентября 1984 г. на товары культурно-бытового назначения цены были снижены на 17%, а на товары летне-весеннего ассортимента – на 40%)⁹⁸, тем не менее дефицит в обеспечении ими населения области так и не был преодолен.

Дефицитные продукты и товары было возможно достать лишь у так называемых «спекулянтов». В Саратове именно так население отоваривалось свежей рыбой (ее переправляли из Астрахани), парниковыми огурцами, плиссированными юбками, меховыми шапками, мохером, покрывалами, скатертями, женскими синтетическими шубками, лаковыми туфлями, кофточками, свитерами, жаккардовыми коврами, комплектами краски для волос и т.д. Немало «спекулянтов» было и среди торговых работников, которые, припрятывая дефицитные товары, снабжали ими затем своих знакомых. Дефицит породил новые виды бытовых преступлений, когда аферисты, пользуясь стремлением населения приобрести необходимые товары, получали от них значительные суммы якобы для приобретения автомобилей, различных дефицитных товаров, вступления в жилищные кооперативы. А получив эти средства, сами приобретали на них дома, телевизоры, ковры и другие дорогие вещи. Однако воспользоваться подобной услугой было не просто, поскольку государство в лице органов по борьбе с хищениями

социалистической собственности (ОБХСС) преследовало этих «дельцов черного рынка», приговаривая виновных к различным срокам лишения свободы (обычно от двух до семи лет) в сочетании с принудительным лечением от алкоголизма в психиатрических и наркологических учреждениях. В середине 1970-х гг. в области кроме семи автономно функционировавших наркологических кабинетов таковые имелись на 20 крупных предприятиях, а также была открыта наркологическая больница на 350 коек⁹⁹. Человек, несколько раз попавший в это учреждение, признавался алкоголиком, его увольняли с работы без выходного пособия и отправляли на два года лечиться в принудительном порядке¹⁰⁰. Поэтому далеко не каждый саратовец или житель области обращался к услугам «черного рынка». Многие предпочитали рассчитывать на свои личные денежные накопления, хранящиеся в государственных сберегательных кассах. Если в 1961 г. средний размер вклада составлял 213 руб., то в 1985 г. – 1406 рублей¹⁰¹. Людям казалось, что эти средства помогут им решить проблемы своих семей в будущем. По мере того как они не оправдывались, дефицит раздражал все сильнее и превращался в острейшую социально-психологическую проблему.

Обыватели в явлении дефицита находили для себя и позитивные моменты. Не имея возможности удовлетворить свои потребительские ожидания и приобрести необходимое, советские люди получали удовольствие от обсуждения путей добывания товаров и продуктов. К началу «перестройки» в стране сформировался подлинный народный эпос вокруг проблем дефицита, он являлся предметом многочисленных анекдотов. Это являлось неким компенсатором скудности материально-товарной базы. Если человеку все-таки удавалось что-либо достать, то он испытывал естественную и искреннюю радость. Даже безуспешная охота за товаром была экзистенциально полноценна. На этом фоне жизнь за рубежом, в частности, в США, советским обывателям казалась совершенно безрадостной. Все это было характерными чертами последнего советского поколения, то есть родившихся между серединой 1950-х гг. и началом 1970-х годов.

Примечания

- ¹ См.: *Ястребицкая А.Л.* Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиэвистике // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1991; *Лелеко В.Д.* Эстетика повседневности. СПб., 1993; *Бескровный Ю.Л.* Человек в кругу семьи. История частной жизни в Европе до начала Нового времени. Л., 1996; *Козьякова М.И.* Эстетика повседневности: материальная культура и быт Западной Европы XV–XIX вв. М., 1996.
- ² См.: *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М., 1946; *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни. Бытовое поведение как историко-психологическая

- категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
- ³ См.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI–XVII столетиях. М., 1918. Т. 1. Ч. 1; Старый и новый быт: Сб. / Под ред. В.Г. Тана-Богораза. Л., 1921; *Брыкин Н.В.* В новой деревне. Очерки деревенского быта. Л., 1925; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. Новосибирск, 1992; *Забылин М.* Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. М., 1996; *Коринфский А.А.* Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1995; *Пыляев М.И.* Старое житье. Очерки и рассказы о бывших в отшедшее время обрядах и порядках в устройстве домашней и общественной жизни. СПб., 1892; *Он же.* Старая Москва: рассказы из бывшей жизни первопрестольной столицы. М., 1990; *Он же.* Санкт-Петербург: [Рассказы из былой жизни столицы]. М., 1990.
- ⁴ См.: Российская повседневность 1921–1941 гг. Новые подходы. СПб., 1993; *Пушкарева Н.Л.* «Живя и трудясь в подвиги околным людям» (женский труд и женские занятия в российской повседневности X–XVII вв.) // Женщина в российском обществе. 1996. № 2; *Она же.* Частная жизнь женщины в доиндустриальной России X–XIX вв.: невеста, жена, любовница. М., 1997; *Журавлев Е.В., Соколов А.К.* Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1997.
- ⁵ См., напр.: *Гудков Л.* Культура повседневности в новейших социологических исследованиях. М., 1993.
- ⁶ См.: *Бегунова А.* Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I. М., 2000; *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху 1930–1940-е гг. М., 2003; *Писаренко К.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003; *Засолов Д., Пызин В.* Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX и XX вв. М., 2003; *Охлябина С.* Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М., 2004; *Григорьева Б.П.* Повседневная жизнь советского разведчика. М., 2004.
- ⁷ См.: *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е гг. СПб., 1999; *Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.* Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003; *Лебина Н.* Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2008.
- ⁸ См.: *Зубков Е.Ю.* Повседневное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. М., 1999; *Журавлев С.В.* Иностранная колония московского электростроения в начале 1930-х гг.: опыт микроисследования // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999; *Он же.* «Маленькие люди» и «Большая история». Иностранцы московского электростроения в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Измолик В.* НЭП через замочную скважину: советская власть глазами советского обывателя // Родина. 2001. № 8; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2001; *Тяжельников В.С.* Повседневность и революционные преобразования Советской власти // Россия в XX в. Реформы и революции. Т. 2. М., 2002; *Поляков Ю.А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Вопросы истории. 2000. № 3 и др.
- ⁹ См., напр.: *Синявский А.С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX в.) // История в XXI в. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.
- ¹⁰ См.: Неофициальная жизнь горожан: Запад–Россия–Восток: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2007; *Гуменюк А.А.* Повседневная жизнь городов Поволжья в годы НЭПа // Клио. 2007. № 3 (38); *Он же.* Саратовский обыватель и реформы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг.: некоторые зарисовки повседневной жизни // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2007. Вып. III.
- ¹¹ См.: *Гуменюк А.А.* Проблемы колебаний уровня жизни жителей Саратовской области в 1953–1964 годах // Новые информационные технологии как средство интенсификации образовательного процесса в вузах: Межвуз. сб. науч. ст. Саратов, 2004; *Он же.* Реформа А.Н. Косыгина: социальный аспект (по материалам Саратовской области) // Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Междунар. науч. конф., 16–17 мая 2005 г. СПб., 2005. Ч. 2.
- ¹² См.: *Беликов М.С.* Политика коммунистической партии Советского Союза в области повышения благосостояния колхозного крестьянства в 1953–1965 гг. (на материалах Саратовской области). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1966. С. 19–21.
- ¹³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3052. Л. 96.
- ¹⁴ В 1950 г. на одного человека в Саратове приходилось 47,5 кг картофеля (при норме в 100,4 кг); 29,3 кг овощей (при норме в 110 кг); 16,6 кг мяса (при норме в 61 кг); 23 л молока (при норме в 176 л); 2,97 кг растительного масла (при норме в 10,96 кг); 1,91 кг растительного масла (при норме в 3,8 кг); 7,78 кг круп и бобовых (при норме в 14,2 кг); 12,5 шт. яиц (при норме в 300 шт.) (Там же. Д. 3338. Л. 44–45).
- ¹⁵ Поэтому большим спросом пользовались различные изделия домашнего изготовления, которые продавались почти на всех центральных улицах Саратова так называемыми «спекулянтами». (Там же. 1956. 9.10. Л. 3).
- ¹⁶ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2536. Л. 12, 53; Коммунист. 1953. 18.04. Л. 3.
- ¹⁷ Коммунист. 1958. 18.02. Л. 3.
- ¹⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4915. Л. 207.
- ¹⁹ Коммунист. 1956. 8.09. Л. 3.
- ²⁰ См.: Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Сарат. вести. 2000. 18.03. Л. 12; 22.04. Л. 12.
- ²¹ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 14. Л. 29.
- ²² См.: Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // Сарат. вести. 2000. 12, 26.02. Л. 12; 4, 18.03. Л. 12; 8, 22. 04. Л. 12; Коммунист. 1963. 5.11. Л. 4; 1964. 10.10. Л. 3. 7.12. Л. 4.
- ²³ См.: Коммунист. 1958. 29.04. Л. 4; 1961. 13.10. Л. 4; 1963. 19.09. Л. 4.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 1130. Л. 6.

- 25 См.: Коммунист. 1956. 5.07. Л. 4; 18.07. Л. 3; 1958. 13.08. Л. 4; 18.08. Л. 4.
- 26 См.: *Захаржевская Р.В.* Размышления о культуре одежды // *Здоровье*. 1975. № 11. С. 29; *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. С. 229–230.
- 27 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4444. Л. 123.
- 28 Народонаселение России в XX веке. Исторические очерки. Т. 3, Кн. 1. 1960–1979. М., 2005. С. 135.
- 29 ГАСО. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 481. Л. 5.
- 30 Коммунист. 1962. 11.05. Л. 3.
- 31 Там же. 1964. 18.05. Л. 4.
- 32 Там же. 1960. 11.08. Л. 2.
- 33 Там же. 1966.26.04. Л. 4.
- 34 Там же. 1965. 19.01. Л. 4.
- 35 Там же. 1964. 30.01. Л. 3; 20.06. Л. 3.
- 36 Там же. 1954. 7.07. Л. 3; 1956. 22.08. Л. 3.
- 37 Там же. 1962. 16.10. Л. 2; 2.11. Л. 3. 1963; 7.09. Л. 4.
- 38 См. напр.: ГАСО. Ф. 1738. Оп. 7. Д. 486. Л. 34; Коммунист. 1962. 20.06. Л. 3.
- 39 См.: ГАСО. Ф. 1738. Оп. 7. Д. 503. Л. 5; Коммунист. 1964. 10.10. Л. 3; 1965. 19.06. Л. 3.
- 40 Таким был, например, магазин на улице Вавилова между Астраханской и Пугачевской. Он был «спрятан» во дворе, поэтому смекалистые саратовцы прозвали его «хитрым» (См.: *Парадный подъезд*. 2008. 19.09. Л. 10)
- 41 Коммунист. 1961. 26.07. Л. 4.
- 42 Там же. 1962. 9.06. Л. 4.
- 43 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4875. Л. 4.
- 44 См.: *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. С. 46–47.
- 45 См.: Коммунист. 1961. 27.09. Л. 4; 1963. 13.01. Л. 3; 27.08. Л. 3.
- 46 См.: Саратовский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт. К 80-летию высшего медицинского образования в Саратове: Справочно-информационные материалы. Саратов, 1989. С. 76; Коммунист. 1959. 31.08. Л. 4.
- 47 См.: Местное самоуправление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 174.
- 48 См.: Коммунист. 1963. 17.08. Л. 3; 1964. 30.01. Л. 3.
- 49 См.: *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. С. 143.
- 50 См.: *Уставщикова С.В.* Комплексная характеристика населения Саратовской области. Саратов, 1992. С. 4; ГАСО. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 1115. Л. 1, 4; Оп. 7. Д. 581. Л. 3.
- 51 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 11. С. 156, 159; Т. 12. С. 302–303. М., 1987. Т. 13. С. 148–150.
- 52 См.: Коммунист. 1969. 14.03. Л. 2; 1975. 6.11. Л. 3; Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. Ч. 3. Саратов, 1982. С. 360.
- 53 См.: *Матвеев М.Н.* Власть и общество в системе Советов народных депутатов в 1977–1993 гг. Самара, 2005. С. 98.
- 54 См.: Коммунист. 1960. 1.03. Л. 2; 1968. 18.01. Л. 4; Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // *Сарат. вести*. 2000. 13.05. Л. 12.
- 55 См.: Коммунист. 1970. 2.09. Л. 4; 1971. 23.10. Л. 4; 1975. 27.07. Л. 3; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 24. Д. 205. Л. 178.
- 56 См.: Коммунист. 1975. 31.07. Л. 4.
- 57 Там же. 1977. 2. 11. Л. 3.
- 58 Там же. 1975. 31. 12. Л. 4; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 8. Д. 159. Л. 39.
- 59 См.: *Семенов В.* Начальные люди Саратова. Саратов, 1998. С. 333.
- 60 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 140. Л. 95 об.
- 61 Там же. Оп. 36. Д. 107. Л. 65.
- 62 В 1980 г. коллективом электроагрегатного производственного объединения было выпущено уже свыше 7 млн холодильников (см.: Коммунист. 1980. 14.10. Л. 2).
- 63 Там же. 1970. 31.05. Л. 3.
- 64 Там же. 1971. 27.08. Л. 3; 1972. 21.08. Л. 4; 1974. 1.05. Л. 3.
- 65 ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 615. Л. 4. Д. 939. Л. 15, 27, 76, 108, 117, 134–135; Д. 1133. Л. 26, 29; Коммунист. 1976. 27.01. Л. 2.
- 66 Об этом подробнее см.: *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. С. 47–48.
- 67 См.: Коммунист. 1972. 22.07. Л. 4; 3.08. Л. 4; 11. 08. Л. 3; ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 783. Л. 210 об., 211 об.
- 68 Так, стеклянная пивная в проулке между Мирным переулком и улицей Чапаева на площади Кирова была названа «Лувром», а винный магазин на северном склоне Глубучева оврага – «Штанами». Название «Лувр» объясняется тем, что в 20 метрах от него находится «Франция» – РОВД Фрунзенского района Саратова. Ныне на месте «Лувра» находятся торговые ряды. Название «Штаны» происходит от того, что улица Вознесенская в этом месте поворачивает, и от нее «отпачковывается» улица Веселая. Магазин находится как бы в промежности «штанов». Ныне магазин не существует. (См.: *Парадный подъезд*. 2008. 19.09. Л. 10).
- 69 ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 615. Л. 93; Коммунист. 1973. 10.07. Л. 4.
- 70 См.: Коммунист. 1974. 5.07. Л. 3; 1977. 29.04. Л. 3.
- 71 См.: *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. С. 47, 143.
- 72 См.: Коммунист. 1979. 21. 09. Л. 2.
- 73 Там же. 1974. 3.07. Л. 2; 1975. 12.08. Л. 3.
- 74 См.: *Матвеев М.Н.* Указ. соч. С. 100; Среди потерь рабочего времени немалым был процент невыходов на работу в связи с вызовом в органы милиции и суда (см., напр.: Коммунист. 1976. 21.05. Л. 3.)
- 75 ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 1133. Л. 15.
- 76 Там же. Л. 38.
- 77 Коммунист. 1979. 4.07. Л. 3.
- 78 Там же. 1980. 7.08. Л. 3.
- 79 См.: Взгляд из Саратова. Хроники. XX в. // *Сарат. вести*. 2000. 16.09. Л. 12.
- 80 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 36. Д. 108. Л. 22; *Уставщикова С.В.* Указ. соч. С. 4.
- 81 См.: Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. С. 329; Коммунист. 1972. 21.01. Л. 2; 1983. 29.01. Л. 2.
- 82 Коммунист. 1975. 1.04. Л. 1.
- 83 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 18. Д. 138. Л. 41.
- 84 Там же. 1979. 14.07. Л. 2; 21.08. Л. 2; 16.11. Л. 3.

- ⁸⁵ ГАНИСО. 1969. 25.07. Л. 2.
⁸⁶ Там же. 1975. 12.08. Л. 3; 1984. 28.02. Л. 3; 11.04. Л. 3.
⁸⁷ Геллер М. Российские заметки 1980–1990. М., 2001. С. 217.
⁸⁸ Коммунист. 1974. 1. 11. Л. 3.
⁸⁹ См.: Коммунист. 1970. 19.05. Л. 4; 1972. 4.07. Л. 4; 1973. 17.01. Л. 2; ГАСО. Ф. 1738. Оп. 8. Д. 1138. Л. 53.
⁹⁰ Коммунист. 1981. 21.07. Л. 3.
⁹¹ Там же. 1984. 4.05. Л. 3.
⁹² Саратовский крытый рынок. Очерки истории. Саратов, 2006. С. 170.
⁹³ См.: Коммунист. 1970. 5.09. Л. 3; 1982. 30.11. Л. 3.
⁹⁴ Там же. 1979. 23.12. Л. 2.
⁹⁵ Там же. 1976. 30.11. Л. 2.
⁹⁶ Саратовский крытый рынок. Очерки истории. С. 169.
⁹⁷ Там же. С. 170.
⁹⁸ Коммунист. 1984. 2.09. Л. 2.
⁹⁹ Там же. 1975. 25. 11. Л. 4.
¹⁰⁰ См.: Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей. С. 229.
¹⁰¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4915. Л. 207; Народное хозяйство Саратовской области: Краткий стат. сб. Саратов, 1987. С. 49.

УДК 271.2 (470.44)(09) + 929

ИЗ КРУГА ЧТЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДУХОВЕНСТВА НАЧАЛА XIX ВЕКА

И.Е. Захарова

Музей Н.Г. Чернышевского
E-mail: Sarusadba@yandex.ru

Архивные материалы, приведенные в статье, являются хорошей иллюстрацией отношения к книжной культуре и библиотечному делу провинциального духовенства первой половины XIX века. Анализ уникальных документов, многие из которых публикуются впервые, позволяет расширить представления об уровне образованности и личных библиотеках духовенства на примере саратовской епархии.

Ключевые слова: XIX век, духовенство, библиотека, Г.И. Чернышевский, Иаков (Вечерков), саратовская епархия.

From the Circle of Reading Provincial Clergy of the Beginning of a XIX-th century

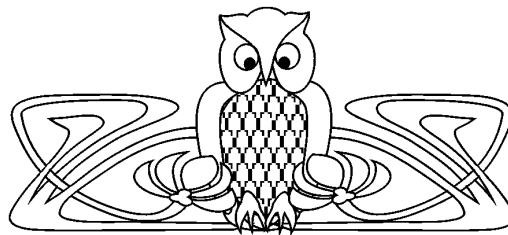
I.E.Zaharova

The archival materials resulted in article, are a good illustration of the relation to book culture and a library science of provincial clergy of first half of XIX-th century. The analysis of unique documents, many of which are published for the first time, allows to expand representations about level of erudition of clergy and private libraries on an example of the Saratov diocese.

Key words: a XIX-th century, clergy, library, G.I.Chernyshevsky, Iakov (Vecherkov), the Saratov diocese.

В феврале 1825 г. благочинным саратовской епархии поступило распоряжение Саратовской духовной консистории: «Имеет оная консистория собрать по Епархии чрез местных благочинных сведения: имеются ли в домах протоиереев, священников и диаконов библиотеки и какия именно заключают они в себе книги, и таковыя сведения с реэстрами тем книгам доставить ко мне». Указание было подписано саратовским епископом Иаковом с уточнением: «сведения сии благочинным собрать во время обозрения церквей»¹.

В начале марта это распоряжение Духовной консисторией было доведено до сведения ду-

ховных правлений (Камышинского, Аткарского, Волгского, Кузнецкого, Петровского) и благочинных (Чернышевского, Антоктопова, Разумова, Феофанова, Виноградова, Любенского, Лапухина)².

На основании этого распоряжения благочинные собрали с подведомственного им духовенства довольно большое количество списков книг из личных библиотек, которые были направлены в Духовную консисторию. В настоящее время эти списки составляют два объемных дела, которые хранятся в Государственном архиве Саратовской области в двух фондах: в фонде Духовной консистории и фонде Саратовской духовной семинарии³. Это обусловлено исторически, так как часть реестров была еще в XIX в. передана по распоряжению саратовского архиерея Иакова в семинарскую библиотеку. Передавая часть собранных реестров, Иаков писал в предписании следующее: «Прилагаемые при сем документы переплести и хранить при делах как не излишнее, а для истории полезное, сведение о библиотеках духовенства Саратовской епархии. За тем всем канцелярии исчислить сколько саратовской епархии духовенство имеет экземпляров книг и мне о последующем доложить, а консистории сообщить дабы она поставила в обязанности саратовской епархии протоиереям, священникам и диаконам непременно иметь собственными Библию а пречетникам по крайней мере Новые Заветы. При обзрении епархии еще Господь вспомощет, будет обращено мною на сей предмет особенное внимание»⁴.

Каким образом отбирались документы для передачи на хранение в семинарскую библиотеку, выяснить сложно, вероятно, эти несколько реестров находились некоторое время не в консистории, а у самого Иакова. Возможно, после про-

чтения он нашел эти документы интересными и решил передать их на хранение не в консисторию, а в семинарскую библиотеку.

Дело в том, что саратовский архиерей Иаков (Вечерков) слыл человеком, питающим особую страсть к наукам и собирательству. В Саратове (1832–1847 гг.) он активно занимался собирательством различных древностей, в том числе древних книг, рукописей, монет и др. диковин. По его распоряжению через благочинных в этот процесс было вовлечено практически все духовенство его епархии. Присылаемые сведения по археологии и истории губернии Иаков размещал в «Саратовских Губернских Ведомостях», отдавал в Саратовскую духовную семинарию или пересылал в различные ученые общества (он был членом Одесского общества истории и древностей, Русского географического общества, был связан с Русским археологическим обществом)⁵.

В результате активной собирательской деятельности набралось большое количество различных материалов. Чтобы где-то поместить находки, Иаков распорядился организовать музей при библиотеке Саратовской духовной семинарии⁶. В 1838 г. преосвященный передал в семинарию и свою библиотеку, где были книги по истории, статистике, богословию⁷. В семинарскую библиотеку передавались на хранение и труды саратовских священников, прежде всего преподавателей семинарии, а также проповеди и сочинения самого Иакова, здесь же хранились и лучшие сочинения многих семинаристов, в том числе и Н.Г. Чернышевского.

По распоряжению преосвященного в фонде библиотеки Саратовской духовной семинарии оказалась часть списков книг личных библиотек священнослужителей саратовской епархии, собранных благочинными во время инспекций. Эти списки были проанализированы в Саратовской духовной консистории. По проведенным в консистории подсчетам можно судить о численности личных книг у духовенства по благочиниям. В «Представлении Правления Саратовской семинарии его Преосвященству, Преосвященнейшему Иакову епископу Саратовскому и Царицынскому и кавалеру» указывалась численность книг по благочиниям: по г. Саратову протоиерея Гавриила Чернышевского духовенство имеет 529 экз., по саратовскому уезду священника Петра Разумова – 422 экз., по Вольскому уезду протоиерея Ермила Пиксанова – 300 экз., по г. Хвалынску протоиерея Хвалынского Воскресенского собора Николая Ремезова – 108 экз., по Хвалынскому уезду священника Николая Октонова – 62 экз., по г. Кузнецку протоиерея Ефимия Диаконова – 222 экз., по Кузнецкому уезду: священника Алексея Ципровского – 177 экз. и священника Василия Левитского – 161 экз., по г. Николаевску протоиерея Ивана Элпидинского – 355 экз., по Николаевскому уезду и слободе Петровке священника Хрисанфа Рождественского – 653 экз.,

по Камышинским городским церквям протоиерея Петра Казаринова – 123 экз., по Дубовскому посаду священника Максима Волковского – 321 экз., по г. Царицыну протоиерея Петра Лугарева – 35 экз., по Камышинскому уезду священника Ивана Покровского – 75 экземпляров, всего 3 867 экземпляров⁸.

Однако при подсчетах в консистории были допущены некоторые погрешности. Так, неверно подсчитали количество книг по благочинию саратовского протоиерея Г.И. Чернышевского: не 529, а 540 книг в личных библиотеках указали священнослужители саратовских церквей.

В перечне Г.И. Чернышевского имеется 13 реестров по церквям: Введенская – 18 названий, Вознесенская на Сенной пл. – 24, Вознесенская – 48, Единоверческая – 11, Ильинская – 66, Казанская – 35, Крестовоздвиженская – 12, Крестовоздвиженский женский монастырь – 102, Нерукотворенно-Спасская – 54, Спасо-Преображенская – 15, Сретенская – 138, Троицкая – 5, Церковь при Саратовской Александровской больнице – 12. Всего 540 пронумерованных в реестрах названий.

Но и эта цифра не является точной. Дело в том, что далеко не полный пронумерованный перечень книг в личных библиотеках представляли благочинным священники, причем не только в Саратове, но и по всей епархии. Об этом можно судить, если обратить внимание на особые приписки в конце списков, которые делали священники.

В «Реестре книгам, находящимся в библиотеке слободы Покровской протоиерея Георгия Цибулевского и сына его священника Александра Цибулевского» приводятся названия 19 богословских книг, а в конце записано: «Кроме сего хранятся в целости учебные книги, служащие к прохождению семинарского курса, как то: Грамматики: Латинская, Греческая, Французская и Еврейская; Лексиконы: Латинский, Греческий и Французский; история Всеобщая, Российского государства и Церковнобиблейская»⁹.

В «Реестре книгам, собственно принадлежащим Аткарского уезда села Копены Протоиерею Василию Турковскому» после перечисления 82 названий книг имеется следующая приписка под № 83: «Светские другие книги разных сочинений не обозначаются по малому достоинству их, противе показатых написаны, но имеются у меня только из уважения справедливого изречения: “нет такой худой книги, из которой бы не можно было извлечь пользу”»¹⁰.

Можно привести ряд примеров и по саратовским священнослужителям. Так, Михаил Воронцов, священник Ильинской церкви, перечислив 50 наименований книг, в конце списка оставил следующую запись: «и еще кроме исчисленных разные церковные, учебные книги и брошюрки разных содержания и несколько книг на французском, немецком и латинском языках»¹¹. Яков Снежницкий, священник Нерукотворенно-

Спасской церкви, после перечисленных 32 книг в конце списка приписал: «Сверх сего есть разного рода полезные сочинения Богословские и исторические на русском, французском и латинском языках»¹².

Иоан Крайнов, священник Сретенской церкви, сделал пометку в списке, состоящем из 59 наименований, под № 42: «несколько медицинских и математических книг», а дьякон той же церкви Никанор Студенский, перечислив 11 книг, закончил: «Азбука с историей естественною и другие учебные»¹³.

Даже сам благочинный протоиерей Нерукотворенно-Спасской церкви Г.И. Чернышевский, перечислив 18 книг, под № 19 приписал: «...и вообще довольно значительное собрание книг богословских, философских, исторических и других назидательных на языках российском, греческом, латинском, немецком и французском». Однако, по свидетельствам современников, у Чернышевского была одна из лучших библиотек в городе. Известен такой факт: когда саратовский епископ Иаков сказал протоиерею М. Миртовскому: «Амвросий Медиоланский назвал Цицерона смердящим псом за одно то, что Цицерон допустил такое выражение: “Если иудейский народ считается народом презренным, то и Бог их достоин презрения”. Откуда бы узнать, где отыскать это место у Цицерона?», тот ответил: «В семинарии нет; только у Гавриила Ивановича можно найти всех классиков». И действительно: нужная книга у него оказалась¹⁴.

О библиотеке Г.И. Чернышевского осталось немало свидетельств. Упоминание о книжном богатстве саратовского протоиерея встречается в воспоминаниях его ближайших родственников, непосредственно пользовавшихся библиотекой: Н.Г. Чернышевского, А.Н. Пыпина, Е.Н. Пыпиной, М.Н. Чернышевского и др.¹⁵ Среди книг упоминаются не только учебные, богословские, но и много светских: «История Государства Российского» – многотомное издание известного историка и литератора Н. М. Карамзина, «Всеобщее путешествие вокруг света» знаменитого французского мореплавателя и океанографа Жюлья Себастьяна Сезара Дюмон-Дюрвиля¹⁶, иллюстрированный альманах «Картины света» А.Ф. Вельтмана¹⁷, «Энциклопедический лексикон» А. А. Плюшара, крупного русского издателя XIX в.¹⁸ (в 1835–1841 вышли 17 томов до буквы «Д»), «Основания всеобщей истории, сочиненные г. аббатом Миллотом, членом Французской, Лионской и Нансийской академий»¹⁹, «Всеобщая история» И.М. Шрека²⁰ и др.

Особенно много в библиотеке Чернышевских было различных журналов. Прежде всего это были православные периодические издания: «Христианское чтение»²¹ и «Воскресное чтение»²². Из светских изданий упоминаются «Отечественные записки», «Современник», «Живописное обозрение»²³.

Интересно, что в списке, представленном в Духовную консисторию, Г.И. Чернышевский намеренно указал для архиерея только книги духовные, причем, вероятно, полагая, что преосвященный Иаков был прекрасно осведомлен и о количестве книг в его личной библиотеке и об их содержании²⁴.

Но не так много владельцев больших книжных собраний было среди саратовского духовенства. Были священнослужители, которые указали 1–3 книги в личной собственности или не имели своих библиотек вовсе.

Интересным представляется в этом смысле рапорт священника с. Терновка Алексея Любенского, исправляющего должность благочинного Новоузенского уезда. Им были представлены списки книг из библиотек только 4 священнослужителей: протоиерея слободы Покровской Георгия Цибулевского и его сына священника Алексея Цибулевского, священников Алексея Любенского и Захария Семихатова и дьякона Андрея Гомерова. В рапорте Любенский дает следующее уточнение: «... кроме... лиц, обозначенных в реестре, никто из священников и диаконов мне подведомственных, кроме принадлежащих к кругу церковному книг не имеет, а пользуются из церковных библиотек, которые довольно достаточны, особенно в Покровской слободе»²⁵.

Таким образом, в среде провинциального духовенства далеко не каждый имел возможность иметь в собственности книги из-за небольшого дохода, к тому же при каждой церкви формировались собственные библиотеки под контролем Синода.

В реестрах книг у священнослужителей саратовских церквей есть записи 1–2 книг. Чаще всего небольшое количество личных книг встречается в списках у дьяконов. Так, у дьякона Нерукотворенно-Спасской церкви Якова Подольского в реестре перечислено 3 книги: «Библия на славянском языке, Новый Завет, Новая Скрижаль», иерей Троицкой церкви Василий Синодский написал только «Библию и Толкование на послание к Римлянам Иоанна Златоустского», 2 названия указал и дьякон Ильинской церкви Ермолай Ключевский: «Новый Завет и Катехизис», единственную книгу – «Изъяснение Притчей Соломоновых» – указал дьякон Крестовоздвиженской церкви Иван Солнцев, а протоиерей Троицкой церкви Евдоким Троицкий написал, что книг не имеет²⁶.

Как видно из названий книг, в библиотеках священнослужителей была в основном литература духовная. Прежде всего записывали в реестры Библию, Новый Завет, Молитвослов и Катехизис. Сложно определить место и год издания указываемой литературы, поскольку очень редко кто из духовенства давал подробное описание своих книг.

Очень сложно провести достоверный ста-

тистический анализ представленных реестров. Во-первых, в силу различных причин священнослужители не только саратовских, но и других церквей епархии не давали точного перечня наименований всех книг, которые имелись в личных библиотеках; во-вторых, указывались прежде всего учебные книги, творения святых отцов, православные журналы, а имеющиеся в библиотеках светские книги указывались лишь частично или не записывались вовсе. К тому же, по всей вероятности, никто не представлял истинной причины, по которой саратовский протоиерей Иаков обязал благочинных собрать информацию о личных библиотеках священнослужителей епархии, а потому информация предоставлялась не совсем точная. Кто-то не указывал действительное количество наименований книг, даже не называлась общая цифра. С другой стороны, сам процесс сбора сведений о личных библиотеках был довольно затруднен, поскольку вряд ли велся как таковой учет книг их владельцами. Далеко не все владельцы домашних библиотек имеют полный перечень книг, имеющихся в личных библиотеках, и в начале XIX в. не было традиции составления ни реестров, ни каких-либо каталогов.

Таким образом, в течение 1841–1842 гг. благочинными по Саратовской епархии были собраны реестры книг с обширной информацией о личных библиотеках духовенства и переданы в Духовную консисторию. Здесь реестры были проанализированы и результаты были представлены Иакову, который вменил в обязанность благочинным проследить, чтобы «протоиереи, священники и диаконы имели у себя собственные библии, а причетники по крайней мере, новые заветы»²⁷.

Об исполнении этого распоряжения саратовского епископа свидетельствует документ, хранившийся в архиве саратовской Троицкой церкви. Это «Сообщение Чернышевского духовенству саратовской Троицкой церкви 22 февр. 1842 г., № 105», которое доводит до сведения клира этой церкви содержание Указа консистории от 31 января с этим распоряжением архиерея Иакова²⁸. Можно с большой долей уверенности заключить, что эти указания были разосланы благочинными по всем церквям и монастырям Саратовской епархии.

Примечания

¹ Сведения о библиотеках, имеющихся в частном распоряжении священников Саратовской епархии; перечень книг, имеющихся в библиотеках священников. 25 февраля 1841 г. – 15 января 1842 г. // ГАСО. Ф. 135. Оп.1. Д. 1087. С. 1. (Здесь и далее приводится текст с орфографией источника).

² Там же. С. 2 об.

³ Там же. Ф. 12. Оп.1. Д. 1525.

⁴ Дело по предложению Его Преосвященства с рапортами некоторых благочинных и реестрами, сколько духовенство имеет книг, 11 января 1842 г. // ГАСО. Ф. 12. Оп.1. Д. 1525. С. 1.

⁵ См.: *Лебедев А.А.* О рукописях преосвященного Иакова (Вечеркова) // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 3.

⁶ Подробнее см.: *Вардугин В.И.* Хранители времени. Музеи Саратова и Саратовской области. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2000. С. 9–12.

⁷ О помещении книг епископа Саратовского и Царицынского Иакова в семинарскую библиотеку на хранение. 28.12.1838 г. // ГАСО. Ф.12. Оп. 1. Д. 1050. В документе приведены реестры переданных преосвященным книг.

⁸ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1525. С. 4.

⁹ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1087. С. 3об.

¹⁰ Там же. С. 277.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 39–40.

¹⁴ *Лебедев А.А.* Николай Гаврилович Чернышевский (Наброски по неизданным материалам) // Русская старина. 1912. Январь. С.91.

¹⁵ *Чернышевский Н.Г.* Из автобиографии // Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1939. С. 632, 636, 678; *Пыпин А.Н.* Мои заметки. Саратов: Соотечественник, 1996. С. 50; Беседы о прошлом: Рассказы Е.Н. Пыпиной в записях Н.М. Чернышевской. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1983. С. 30; *Чернышевский М.Н.* Мои личные воспоминания о семье Пыпиных // Пропагандист великого наследия. Вып. 2. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. С. 40.

¹⁶ Полное название многотомника «Всеобщее путешествие вокруг света, содержащее извлечения из путешествий известных донье мореплавателей, как-то: Магеллана, Тасмана, Дампиера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картерета, Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Блея, Ванкувера, Антракто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Портера, Коцебу, Фрейсине, Билленгсгаузена, Галля, Дюперре, Паульдинга, Бичея, Литке, Диллона, Лапласа, Морелля и многих других». Объехав вокруг света, Дюмон-Дюрвиль решил почти в форме романа изложить полное землеописание, соединив в нём факты, находящиеся в сочинениях известных путешественников и приобретенные им самим.

¹⁷ В этой занимательной энциклопедии были представлены, к примеру, такие статьи, написанные самим же издателем: «Китайская музыка», «Паровые кареты», «Лаплас», «Бастилия», «Остров Таити», «Тюленья ловля», «Классицизм и романтизм», «Шляпы» и т. д.

¹⁸ Издание энциклопедии на русском языке было задумано Плюшаром по образцу лучших западных изданий этого типа. Редакторами «Лексикона» в разные годы были Н.И. Греч, В. Сенковский, Д.И. Языков.

¹⁹ К.Ф. Миллот аббат – французский историк XVIII в., исследователь истории, начиная с древнего Египта и Ассирии до наполеоновских войн. Им было составлено 19 томов «Всеобщей истории».

- ²⁰ «Учебная книга Всеобщей Истории, сочиненная И.М. Шрекком в пользу и наставлению юношества. С присовокуплением Синхронистических таблиц к каждому периоду и особенной краткой Российской Истории». Книга охватывает период от «Адама до Ноя, или от сотворения мира до Потопа» и до «Иоанна Васильевич I Великаго и Колумба».
- ²¹ Издание Санкт-Петербургской духовной академии, основанной в 1821 г. ее ректором будущим митрополитом Григорием (Постниковым). В журнале регулярно печатались статьи по богословию, каноническому праву, церковной истории, а также переводы избранных творений святых отцов.
- ²² Журнал, издававшийся с 1837 г. при Киевской духовной академии.
- ²³ «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей» – иллюстрированный сборник энциклопедического характера, выходивший ежегодно в Москве в 1835–1844 годах. Это альманах с прекрасными иллюстрациями, в котором описание путешествий, рассказы о быте и обычаях народов мира и российских земель соседствуют с жизнеописанием знаменитых деятелей, статьями об искусстве, литературными опытами.
- Официальным издателем журнала был опытный московский типограф Август Иванович Рене-Семен. Но фактическим организатором журнала был известный литератор, литературный и театральный критик, журналист и историк Николай Алексеевич Полевой.
- ²⁴ Впервые материалы о количестве книг в библиотеках священников г. Саратова и о библиотеке Г.И. Чернышевского были представлены А.А. Демченко. (Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Ч.1. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1978. С. 41–45).
- ²⁵ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1087. С. 4.
- ²⁶ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1525. С. 35, 48, 51.
- ²⁷ Там же. С. 1.
- ²⁸ Соколов В.П. Описание архива Саратовской Троицкой церкви (Старого Собора) // Труды СУАК. 1889. Т. 3, вып. 1. С. 97.

ХРОНИКА

Столетие Саратовского университета совпало со столетним юбилеем одного из замечательных его профессоров – Леонарда Адамовича Дербова (1909-1994). В рамках юбилейных мероприятий **19–20 октября 2009 г.** в Институте истории и международных отношений (ИИМО) СГУ состоялись Вторые научные чтения «Историк и историография». (Первые научные чтения прошли в 1999 г. к 90-летию Л.А. Дербова). Чтения были подготовлены сотрудниками кафедры истории России, которой более четверти века заведовал Л.А. Дербов (1944–1970).

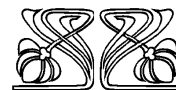
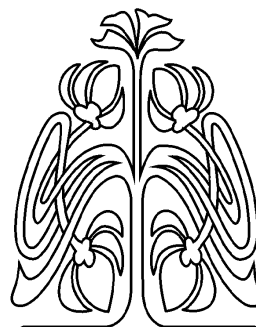
На чтениях прозвучало 25 докладов и сообщений, которые представили преподаватели и аспиранты ИИМО, юридического факультета СГУ, Саратовской консерватории, Российского государственного социального университета, Саратовского юридического института МВД РФ, Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина, сотрудники Научной библиотеки СГУ, Государственного архива Саратовской области, Музея Н.Г. Чернышевского, а также ученики Л.А. Дербова, приехавшие из Волгоградской области и Балашова.

Первое заседание, открытое приветственным словом директора ИИМО СГУ В.Н. Данилова, целиком носило мемориальный характер. Профессор В.Н. Данилов отметил, что деятельность Л.А. Дербова на истфаке СГУ являлась своеобразным мостиком между русской дореволюционной историографией (у некоторых её представителей Леонарду Адамовичу довелось учиться в Ленинградском и Московском университетах), советской исторической наукой, которой он честно служил, и современной российской исторической наукой.

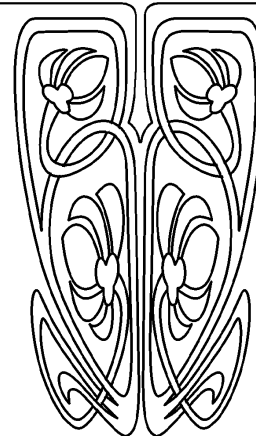
Участникам чтений было представлено (и подарено) издание мемуаров Л.А. Дербова «Страницы воспоминаний», вышедшее в Издательстве Саратовского университета в юбилейной серии «О времени и о себе». О подготовке книги к печати и о её содержании рассказал С.А. Мезин. С воспоминаниями о Л.А. Дербове выступили Н.А. Троицкий, А.И. Аврус, Т.В. Мосолкина, сын Леонарда Адамовича заведующий кафедрой теоретической и ядерной физики физического факультета СГУ В.Л. Дербов. Своим коллегам и ученикам Леонард Адамович запомнился как человек в высшей степени культурный, порядочный, сдержанный, историк-профессионал высокого уровня. Его вышедшие воспоминания рисуют образ советского интеллигента, стремившегося жить в согласии со своей эпохой и с совестью, что во все времена было нелегко. Ему пришлось жить и работать во времена нэпа, «сталинизма», «оттепели», «застоя», «перестройки», «лихих девяностых». Леонард Адамович испытал на себе все драматические перипетии советской исторической науки, но прекрасная школа, сочетание профессионализма и порядочности всегда привлекали в нем коллег и студентов.

Тематика докладов на чтениях во многом определялась научными интересами Л.А. Дербова: история России и её внешней политики XVI–XVII вв., русское просветительство XVIII в., краеведение, история университетской науки, историография.

Ряд докладов был посвящен научному наследию саратовского ученого (А.С. Майорова, Я.Н. Рабинович, А.В. Аблова). Авторы обратились к материалам фонда Л.А. Дербова в Государственном архиве Саратовской области, к его неопубликованным работам, к его переписке с историками. Затрагивалось и научное творчество его товарищей по факультету – В.Г. Боруховича и И.В. Пороха (доклады В.И. Кашеева и В.А. Соломонова). Е.Н. Ардабацкий, М.В. Удалова, Э.В. Ильиченко, Т.А. Шилина поднимали в своих докладах вопросы отечественной истории XVIII века. Их выступления показали, что изучение идейного наследия Н.И. Новикова, историографии века Просвещения, социально-политической и культурной истории екатерининского времени, которым успешно занимался Л.А. Дербов, и сегодня остается актуальным

ПРИЛОЖЕНИЯ

для исследователей. Несколько докладов носили краеведческий характер (Т.А. Захарова, И.В. Полозова, О.А. Михайлова, В.П. Тотфалушин и др.). Историография отечественной истории также была представлена в сообщениях А.Н. Галямичева, В.М. Захарова, Т.В. Платоновой и др.

Заведующий кафедрой истории России СГУ,
доктор исторических наук, профессор
С.А. Мезин

22 октября 2009 г. кафедра истории средних веков ИИМО СГУ провела круглый стол: «Феодализм как научный феномен: взгляд из России и Германии». С обстоятельным докладом выступил гость Саратовского государственного университета профессор университета Дуйсбург-Эссен (Германия) В. Хартунг.

Присутствовавшие на круглом столе преподаватели и аспиранты кафедры истории средних веков и кафедры истории древнего мира СГУ, а также студенты, специализирующиеся в этих областях исторической науки, имели возможность задать докладчику вопросы и получить на них подробные ответы. Это позволило участникам круглого стола составить представление о понимании сущности феодализма в современной германской медиевистике.

От ИИМО выступил заведующий кафедрой истории средних веков профессор А.Н. Галямичев, представивший сообщение «О природе и географических границах феодализма».

Заведующий кафедрой
истории средних веков СГУ,
доктор исторических наук, профессор
А.Н. Галямичев

29 октября 2009 г. кафедра истории древнего мира ИИМО СГУ провела кафедральный день для студентов 1-го курса, посвященный летним археологическим практикам. Исполняющий обязанности заведующего кафедрой профессор С.Ю. Монахов рассказал об истории археологических исследований, в которых на протяжении многих лет принимают участие студенты и сотрудники Института истории и международных отношений СГУ. В настоящее время отряды Саратовского университета работают на двух античных памятниках Северного Причерноморья.

Отряд под руководством С.Ю. Монахова совместно с Восточно-Боспорской экспедицией Института археологии РАН изучает сельское поселение Береговой-4 (Саратовское), которое московские и саратовские археологи начали исследовать еще в 1960-е гг. Берег, на котором расположен памятник, постоянно разрушается под действием абразии, поэтому раскопки носят спасательный характер. На протяжении последних лет здесь

был зафиксирован ряд комплексов, включающих целые амфорные формы, кухонную и столовую посуду, в том числе расписную. Кроме того, на данном раскопе обнаружены монеты, терракотовые статуэтки, грузила, свинцовые гири и пр. Из наиболее интересных находок следует отметить чернофигурный лекиф второй четверти V в. до н. э. и костяную резную пластинку – накладку на шкатулку IV века.

Доцент кафедры Е.В. Смыков рассказал о работах отряда, который совместно с учеными Института истории и материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) исследовал античный некрополь «Артющенко-2». Некрополь уникален разнообразием типов погребений: помимо одиночных захоронений там встречаются парные могилы воинов, женщин с детьми, детские могилы.

Красочные музыкальные презентации, подготовленные студентами 2-го курса ИИМО специальности «История», в юмористичной форме поведали первокурсникам о быте палаточного городка, моментах работы и отдыха, приоткрыли завесу таинства процесса «Посвящения в археологи», показали музеи и памятники, с которыми студенты познакомились в выходные дни.

Заведующий кафедрой
истории древнего мира СГУ,
доктор исторических наук, профессор
С.Ю. Монахов

31 октября 2009 г. в XI корпусе СГУ состоялось открытие аудитории имени профессора Игоря Даниловича Парфенова (1938-2001). К этому событию был приурочен кафедральный день, посвященный истории кафедры истории нового, новейшего времени и международных отношений. За те тридцать лет, когда И.Д. Парфенов руководил кафедрой, он сумел сформировать сильный, работоспособный коллектив, наметить исследовательское направление («диалог цивилизаций»), которое и в настоящее время определяет вектор научной деятельности большинства сотрудников кафедры. Кроме того, в течение десяти лет профессор И.Д. Парфенов возглавлял исторический факультет СГУ.

На открытие аудитории и кафедральный день, посвященный памяти ученого, собрались его коллеги по кафедре, друзья, студенты 3-го и 4-го курсов и спецсеминаристы кафедры. Честь торжественно открыть аудиторию была представлена сыну И.Д. Парфенова кандидату филологических наук, доценту факультета философии и психологии СГУ А.И. Парфенову.

Присутствовавшие на мероприятии гости ознакомились со стендами, отражающими различные этапы жизни, научной, театральной и общественной деятельности И.Д. Парфенова. Профессор А.В. Гладышев рассказал об истории возникновения кафедры, а однокурсники и друзья

Игоря Даниловича поделились своими воспоминаниями об историке – исследователе, научном руководителе, администраторе, организаторе университетской самодеятельности. Старшее поколение сотрудников университета до сих пор помнит водевили «Любовь к трем апельсинам», «Гурия Львовича Синичкина», мелодраму «Кошкин дом» и блистательную «Сказку про Федота Стрельца, но с другого конца». Общий итог выступлениям подвела заведующая кафедрой истории нового, новейшего времени и международных отноше-

ний профессор Н.С. Креленко, отметившая, что толерантность, помноженная на чувство юмора, позволили профессору И.Д. Парфенову долгие годы быть активным исследователем и успешным администратором.

Заведующая кафедрой
истории нового, новейшего времени
и международных отношений СГУ,
доктор исторических наук, профессор
Н.С. Креленко

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Варфоломеев Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ybartho@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Galyaman@rambler.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и региональной истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: GumenukAA@rambler.ru

Дементьева Вера Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета, директор Центра антиковедения; e-mail: vv_dementieva@mail.ru

Захарова Инна Евгеньевна – аспирант кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, научный сотрудник музея Н.Г. Чернышевского, e-mail: Sarusadba@yandex.ru

Зими́на Наталья Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии, социологии и кооперации Поволжского кооперативного института, филиала Российского университета кооперации, e-mail: tanyazol@mail.ru

Королева Оксана Владиславовна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры туризма и культурного наследия Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: korolevaov@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Российской цивилизации Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры социальной антропологии и социальной работы, декан факультета управления социальными системами Саратовского государственного технического университета, e-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Морозов Андрей Геннадьевич – соискатель кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: Morozko-kaluga1981@rambler.ru

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: RabinovicyYN@yandex.ru

Тюрин Владимир Ильич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового, новейшего времени и международных отношений Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: vladimirtyurin@rambler.ru

Чолахян Вачаган Альбертович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Российской цивилизации Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: vcholakhjan@yandex.ru

Яковлев Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, e-mail: ysa1944@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Cholakhyan Vachagan Albertovich – History Doctor, professor, Department head of the History of Russian civilization in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy e-mail: vcholakhjan@yandex.ru

Dementieva Vera Victorovna – History Doctor, professor of the chair of General History of Yaroslavl State University, head of the centre of antiquity, e-mail: vv_dementieva@mail.ru

Galyamichev Alexandr Nikolaevich – History Doctor, professor, Department head of Medieval History in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: Galyaman@rambler.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich – History PhD, assistant professor of the chair of Historiography and Regional history in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: GumenukAA@rambler.ru

Koroleva Oksana Vladislavovna – History PhD, assistant of the chair of Tourism and Cultural Heritage in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: korolevaov@mail.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich – History PhD, assistant professor of the chair of Russian civilization in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: kochukovsa@mail.ru

Mikhel Dmitriy Victorovich – doctor of science in philosophy, professor of the Department of social anthropology and social work, dean of the faculty of social system department, Saratov State Technical University, e-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Morozov Andrey Gennadyevich – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: Morozko-kaluga1981@rambler.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich - assistant of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: RabinovicyYN@yandex.ru

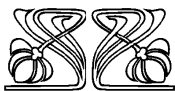
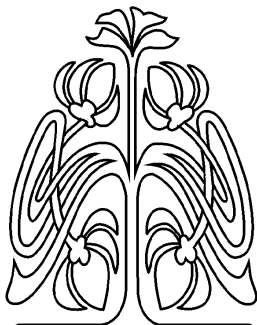
Tyurin Vladimir Ilyich – History Doctor, professor of the chair of Modern and Contemporary History and international relations history in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: vladimirtyurin@rambler.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich – History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: ybarthor@mail.ru

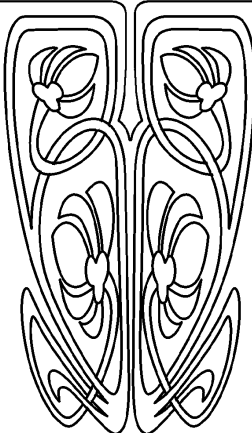
Yakovlev Sergey Aleksandrovich – History Doctor, professor of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, e-mail: ysa1944@yandex.ru

Zaharova Inna Evgenyevna – postgraduate student of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of Saratov State University named after N.G. Chernyshevskiy, researcher museum N.G. Chernyshevskiy, e-mail: Sarusadba@yandex.ru

Zimina Nataliya Grigoryevna – History PhD, assistant professor of the chair of history, philosophy, sociology and cooperative of Povolzhsky cooperative Institute, e-mail: tanyazol@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на II полугодие 2010 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.